

Муниципальное образование
Муниципальный округ Пискаревка

Память сердца

Воспоминания
жителей МО Пискаревка
о Великой Отечественной войне
1941–1945 годов

Книга восьмая

Санкт-Петербург
2014

Особая благодарность за помощь в издании книги:

СПб ГКУ «Пискаревское мемориальное кладбище»;
и лично **Баеву Олегу Александровичу,**
директору СПб ГКУ «Пискаревское мемориальное кладбище»;

ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга»
и лично **Ипатовой Наталии Владимировне,**
директору департамента информации и общественных связей
ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга»;

ОАО «ТРК Петербург»
и лично **Радкевичу Юрию Ольгердовичу,**
начальнику управления радиовещания ОАО «ТРК Петербург»;

Зверевой Ирине Сергеевне,
заведующей отделом архивных документов Российской национальной библиотеки;

Кантор Юлии Зораховне,
историку, публицисту, советнику директора Государственного Эрмитажа.
Доктору исторических наук, профессору;

Колосову Юрию Ивановичу,
академику Академии Военно-исторических наук, президенту Ассоциации историков
блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны;

Марусенко Татьяне Николаевне,
директору государственного образовательного учреждения
дополнительного образования детей Дом детского и юношеского творчества
Калининского района за предоставленные детские рисунки;

Матвееву Михаилу Юрьевичу,
старшему научному сотруднику отдела истории библиотечного дела
Российской национальной библиотеки;

Рубашкину Александру Ильичу,
автору книги «Голос Ленинграда».

Память сердца. Воспоминания жителей МО Пискаревка о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Книга восьмая. — СПб.: 2014 г. — 256 с., илл.

ISBN 978-5-98220-042-X

© Местная администрация муниципального образования
МО Пискаревка, 2014.

Уважаемые друзья!

3

27 января 2014 года Петербург будет отмечать 70-летие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Это знаменательная дата, к празднованию которой город начал готовиться заранее, чтобы в юбилейные дни каждый человек прочувствовал знаменитые слова блокадной музы Ольги Берггольц: «И шар земной гордится Ленинградом!»

О Великой Отечественной войне и блокаде написано немало книг. Из них мы узнаем о подвигах доблестных солдат, о трудностях фронтовой жизни, о тяжелейших испытаниях, голоде и кровопролитных боях. Но, пожалуй, самые сильные эмоции вызывают произведения, основанные на воспоминаниях ветеранов-фронтовиков, блокадников, словом, всех тех, кто пережил страшное время. Со страниц книг они, видевшие войну своими глазами, с болью в сердце рассказывают нам о лишениях и нечеловеческих испытаниях, выпавших на их долю, о голоде и разрухе, о невыносимых страданиях. Многие произведения посвящены воспоминаниям детей осажденного Ленинграда. Маленькие герои трудились на заводах, ухаживали за ранеными в госпиталях, несли воинскую службу, участвовали в диверсионной работе. Наравне со взрослыми они терпели голод и лишения. Не случайно во многих городах России установлены памятники Детям войны. Один из монументов не так давно появился и в Петербурге недалеко от Пискаревского мемориального кладбища.

Муниципальное образование Пискаревка с гордостью представляет Вам книгу «Память сердца». Вы держите в руках уже восьмой том, выход которого мы приурочили к знаменательной дате — 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады.

В эту книгу вошли уникальные архивные материалы: хроника жизни осажденного города, рассказ о деятельности Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и работе Ленинградского радио, история создания знаменитой Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича и, конечно, воспоминания людей, переживших страшное время тягот и лишений.

Эта книга — достойный вклад в дело сохранения памяти о величайшем подвиге народа-победителя!

«Память сердца» — трагическая летопись войны. История, которую каждый из нас обязан сберечь и, не искажая, передать потомкам. Только так нам удастся сохранить связь времен, обеспечив преемственность поколений.

Спасибо, дорогие ленинградцы, за стойкость и мужество! Мы всегда будем помнить о Вашем героическом подвиге. И в знак глубокого уважения дарим Вам эту книгу.

*Депутаты муниципального образования,
коллектив Муниципального образования
МО Пискаревка, Совет ветеранов войны
и труда МО Пискаревка*

Память сердца

МАКАРОВ

Вячеслав Серафимович

Председатель Законодательного собрания
Санкт-Петербурга, секретарь
Санкт-Петербургского регионального
отделения партии «Единая Россия»

Дорогие читатели этого уникального издания!

Есть книги, после которых нужно помолчать. «Память сердца» — именно такая книга. Ее страницы — ожившие воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, тружеников тыла, блокадников.

Это — книга о героизме, но героизме «внутридомашнем», книга об отсутствии пределов человеческих возможностей и духовной силе, которая помогла многим пережить испытания и остаться при этом людьми.

Это — книга о каждодневной борьбе с голодом, страхом, отчаянием, холодом, о борьбе за жизнь, за родной город, за 125 граммов хлеба, который, действительно, был на вес золота. О ценности тех простых вещей, к которым мы привыкли. Мы не научены ценить каждую крошку хлеба, чистую воду, тепло и мирное небо.

Что будет, если завтра нас этого лишит? Сможем ли мы выжить, выстоять? Наши предки смогли.

Блокада беспощадно, жестоко уничтожала людей. Губила или пыталась губить в них все человеческое, голод пожирал души людей. Но блокада и открывала в людях новые возможности. Такие, что те, кто выжил, после и не верили, что они смогли это сделать. Давала новые цели в жизни, позволяла ей приобрести новый вкус и новую цену — жизни, уже почти потухшей.

Какими они были — люди, пережившие и не пережившие блокаду? Что их спасло, что удержало на этом свете? А кого не спасло ничего? Что не дало скатиться в бездну бесчеловечности? Вся книга — поиск ответа на эти вопросы. Они

разные, но все они сосуществуют и в книге, и в жизни ее героев.

Невероятно интересная по содержанию книга, книга очевидцев, а не историков. Книга о голоде, ужасах войны, книга о смерти. И в то же время это — КНИГА ЖИЗНИ. Я считаю, что ее нужно читать обязательно, как минимум для того, чтобы оценить то, что мы имеем сегодня.

Я выражаю огромную благодарность инициатору и продолжателю масштабного проекта «Память сердца» — главе МО Пискаревка В. В. Сергеевой, депутатскому корпусу муниципального образования Пискаревка и главе администрации И. В. Калиниченко, а также авторам воспоминаний за большой вклад в историю не только нашего города, но и страны в целом.

Выступая на одной из международных встреч писателей Владимир Карпов говорил, что «человеческая история делается трижды: на поле боя, на поле времени, когда вторгается конъюнктура, и, наконец, на поле восстановления фактов и переосмысления событий. Путь к этому, третьему полю иногда мучителен и долг».

Сегодня после мучительно долгого пути мы выходим на последнее, третье поле. Это особенно важно для историков, освещающих битву за Ленинград и блокаду этого Великого города. Блокада Ленинграда в последние годы стала предметом грязной политической игры. По разным недостойным причинам значение обороны Ленинграда в годы Второй мировой войны либо просто замалчивается либо делаются попытки опорочить ее. Авторы подобных попыток, видимо, пользуются рекомендацией Р.Миллса, утверждающего в своей книге «Властвующая элита», что «нынешние историки не должны подходить к изучению своего предмета под углом зрения исследования цепи минувших событий... Они должны по-новому истолковывать прошлое... применительно к современным умонастроениям». К сожалению к ним примыкают такие известные деятели культуры как В. П. Астафьев, Д. А. Гранин, О. Басиладзе и др.

Не следует забывать, что постижение истины — процесс длительный и сложный. Исследователю требуется преодолеть односторонность и субъективизм.

Необходимо не только выяснить правдивость исторического факта, но и проанализировать совокупность взаимосвязанных между собой событий, уметь объяснить причины их возникновения и дать им научную оценку.

Важно не подменять историзм «политиканством» и «отсеиванием» фактов под углом складывающейся конъюнктуры. История — коллективная память народа, обращенная не только в прошлое, но и в будущее. По Джорджу Оруэллу, «кто владеет прошлым — владеет и будущим».

Мы хотим, чтобы наши современники и потомки знали правду о героической и трагической обороне нашего города.

Великая Отечественная война, являющаяся составной частью Второй мировой войны, была небывалой войной в истории по своим масштабам и жесточести. Битва за Ленинград была самой длительной и самой кровопролитной. Она охватывала территорию северо-запада страны и имела огромное военно-политическое, экономическое и морально-психологическое значение.

В результате неблагоприятного исхода тяжелых приграничных сражений и оборонительных операций в Литве, Латвии, Белоруссии, Западной Украине, Заполярье, Карелии, под Киевом и Смоленском, а также других стратегических и самостоятельных фронтовых операций Красная Армия за 515 суток потеряла 11 162 000 человек или 37,7% сражавшихся, в том числе 6 155 000 безвозвратно,

то есть 54,6% [1]. Было потеряно большое количество военной техники, в том числе 17 056 танков и самоходных артиллерийских орудий, 76 699 орудий и минометов и 7 612 боевых самолетов [2]. При этом следует отметить, что немецкая армия была самой мощной в то время армией мира, имевшая почти двухлетний опыт ведения крупных наступательных операций, чего не было у Красной Армии. Для блицкрига, то есть краткой схватки, запланированной генеральным штабом, у Германии имелись явные качественные, и даже количественные преимущества перед Страной Советов. К этому надо добавить, что весьма серьезные просчеты и ошибки были допущены руководством и военным командованием Советского Союза. Совершенно очевидно, что наша страна по ряду причин еще не была в полной мере готова к войне.

В первый период войны Ленинград был в числе главных целей гитлеровских войск. В плане «Барбаросса» прямо указывалось, что только после взятия Ленинграда «следует приступить к операции по захвату Москвы». На собрании гауляйтеров фашистской партии А. Гитлер сказал, что «через восемь недель после начала войны мы будем в Петербурге», а 2 июля 1941 года в обстановке эйфории от первых крупных успехов немецкой армии заявил, что война фактически выиграна и «мы будем в Петербурге через три недели».

Борьба за Ленинград носила особый характер и жесточенность, бескомпромиссность и беспощадность. По всей ли-

нии столкновения шли тяжелые бои. Множество людей разного возраста, независимо от национальности, своих взглядов и вероисповеданий сплотились на самоотверженную борьбу с врагом. Враг этого не ожидал. Германские войска несли большие потери.

Только в августе и сентябре 1941 года в ожесточенных боях на Советском фронте, по немецким данным, вышло из строя около 300 000 немецких солдат и офицеров, в том числе 10 000 за 45 дней боев на Лужском оборонительном рубеже под Ленинградом.

Тщательно разработанный график плана «Барбаросса» был сорван окончательно в этот первый период войны. Тогда же были заложены основы будущей Победы.

Наш город вызывал особую ненависть Гитлера, он говорил: «Гнездо заразы, Петербург, из которого столь долго изливался яд в Балтийское море, должен исчезнуть с лица земли». Еще в

Красноармейцы 70-й стрелковой дивизии на Лужском оборонительном рубеже, 1941 г.

мае 1941 года командующий 4-й танковой группой генерал-полковник Э.Гёпнер заявил, что война должна вестись как «древняя борьба германцев против славянства, защита европейской культуры от московско-азиатского наводнения... Защита европейской культуры должна... иметь своей целью разрушение нынешней России и вестись поэтому с неслыханной жестокостью».

Все директивы верховного главнокомандования вермахта, сухопутных войск, флота и группы армий «Север» исходили из требований капитуляцию не принимать, город и население уничтожить, «сравнять его с землей, если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты. В этой войне мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города».

В ночь на 26 сентября 1941 года Гитлер заявил: «Я могу представить себе, что иные хватаются за голову: как только фюрер может уничтожить такой город, как Петербург! Конечно, дома я совсем другой.

Я не мог бы никогда видеть страдания и переносить боль, но если я знаю, что раса в опасности, тогда чувство уступает место холодному рассудку. Я вижу только жертвы, которых потребует будущее, если не принести жертву сегодня».

Фашисты планировали стереть наш город с лица земли, население уничтожить, а опустошенную территорию севернее Невы отдать Финляндии. На все это по плану «Барбаросса» отводилось всего полтора месяца. Но ленинградцы в тяжелейших боях на дальних и ближних подступах к городу силами армейских частей, моряков и ополченцев остановили врага. По завершению летней кампании 1941 года ни одна цель, поставленная гитлеровским руководством, достигнута не была. На северном и частично северо-западном направлениях немецкие и финские войска были остановлены и фронт здесь в основном стабилизировался до лета 1944 года.

8 сентября 1941 года началась самая трагическая часть обороны Ленинграда — 900-дневная блокада (точнее — 882-дневная). Ничего подобного в истории человечества не было.

Группа петербургских ученых и специалистов разных направлений с декабря 1997 года при поддержке Фонда Wellcome Trust разрабатывала тему «Жизнь и смерть в блокованном Ленинграде и в последующие годы». В работе в разные периоды и в разной степени приняли участие 19 человек: Л. Г. Батенина, Р. Ш. Бахтияров, Н. В. Ворохобина, Г. В. Глюжецкене, А. Р. Дзенискевич, Т. Б. Журавлева, Н. И. Козелкова,

И. М. Козлов, С. Г. Колосова, О. В. Куликова, Г. И. Лисовская, Н. С. Пешкова, Б. М. Рачков, А. В. Самсонова, Ю. И. Сыроежина, Р. Тихомиров, М. И. Фролов и Н. Ю. Черепенина. Большую помощь группе оказали глава Территориального административного управления Василеостровского района Валерий Александрович Голубев, председатель Общества жителей блокадного Ленинграда Василеостровского района Евгения Михайловна Нилова и ее коллеги по правлению, наши коллеги в Вологде, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Калининграде, Иерусалиме, Лондоне и Чикаго. В работе приняли участие сотрудники отделения нейрохирургии Российского научно-исследовательского института травматологии и ортопедии им. Р. Р. Вредена и кафедры эндокринологии Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования. Совместно руководили работой этой группы автор статьи Ю. И. Колосов и ректор Кинг колледжа Кембриджского университета Дж. Барбер.

Для сравнения, в нашем распоряжении были данные о блокадах Висконсина в США и Парижа во Франции. Первая продолжалась 48 дней (с 18 мая по 4 июля 1863 года). В городе было 34 000 человек (30 000 военных и 4 000 гражданских) Погибло 2 500 человек. Ни одного от голода. Блокада Парижа продолжалась 121 день (с 19 сентября 1870-го по 27 января 1871 года). В городе было около миллиона человек (гражданские и военные). Был голод. Французы ели кошек

и собак. Погибло 30 236 человек, в том числе примерно 16 000 от голода.

В кольце блокады Ленинграда оказались 3 млн. 15 тыс. человек (с пригородами). В самом городе 2 887 000. Погибло около миллиона человек. На Нюрнбергском процессе использовались «Сведения городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о числе погибшего в Ленинграде населения». Там указано, что всего погибло 671 635 человек, в том числе 641 803 человека от голода и ранено 33 782 (данные на 25 мая 1945 года). Между тем как в «Отчете Городского управления предприятиями коммунального обслуживания о работе за год войны с июня 1941 по июнь 1942 года», в разделе «Похоронное дело» (05.04.1943 г.) указывалось, что захороненных и кремированных было 1 203 620 человек.

Достоверность цифр проверялась по разным источникам. Сегодня мы утверждаем, что в городе погибло 750-800 тыс. человек (В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев, М. И. Фролов, С. В. Бизев).

К сожалению, и эти данные еще нуждаются в уточнении. Отделы актов гражданского состояния не справлялись с работой. Так, за 12 апреля 1942 года ими зарегистрировано всего 1 002 смерти, трестом «Похоронное дело» вывезено из моргов, госпиталей, больниц и других мест 4 730 трупов, а на кладбища их поступило 5 435. Нет четкого подсчета отдельно по военным и гражданским лицам. Есть данные о приписках перевозчиков, так как они получали при этом дополнительно пайку хлеба и водку. Возможен двойной подсчет, когда регистрация поименно производилась на Пискаревском кладбище, но оно не справлялось с захоронением и машины отправлялись в крематорий, где счет велся поштучно без регистрации, но шел в общую статистику.

Четкие данные о численности горожан мы имеем по итогам перерегистрации паспортов, проведенной с 8 июля по 25 августа 1942 года. Они были подведены 5 октября. Из них следует, что в Ленинграде, включая Колпино и Кронштадт проживало 790 024 человека. В июне 1943 года, по данным городского бюро продовольственных и промтоварных карточек, численность населения составляла 621 000 человек, а в январе 1944-го она снизилась до 556 200 человек — самого низкого уровня за всю войну. Затем начался медленный рост. Однако, говоря о жертвах блокады, мы все время должны учитывать, что весь период в город прибывали беженцы из Прибалтийских республик, Карелии и Ленинградской области, а также воины для пополнения Ленин-

градского фронта. Их полный учет провести не представляется возможным. Мы знаем из «Отчета городской эвакуационной комиссии об эвакуации из Ленинграда с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г.», что было эвакуировано в первую очередь 8 135 человек беженцев из районов области и 27 274 колхозника с Карельского перешейка. А сколько их прибыло? В этот же период эвакуировано 324 382 человека в общей статистической группе, как «население Эстонской, Латвийской, Литовской и Карело-Финской ССР, эвакуированное ранее в Ленинград, население районов Ленобласти, раненые красноармейцы и командиры». Сколько их прибыло раньше — также не указано. Все это мешает установлению точной цифры погибших ленинградцев.

К жертвам блокады обязательно следует добавить погибших на скорбном пути эвакуации. Группа М. И. Фролова исследовала архивы городов Вологды, Ярославля, Костромы. Мы располагаем фактической картиной процесса эвакуации на участке Ленинград-Вологда. Еще до начала блокады Ленинграда через Вологодскую область проследовало 650 880 человек. Уже тогда выявились серьезные просчеты в организации движения, питания и медицинского обслуживания эвакуируемых.

Самой трагической страницей был второй этап массовой эвакуации по ледовой дороге с 22 января 1942 года. В процессе эвакуации была высокая смертность. Только на участке Финляндский вокзал — Жихарево, по далеко не пол-

ным данным, в январе-феврале 1942 года умерло более 4000 человек. До 20 марта 1942 года по пути к Вологде с эшелонов было снято 2109 трупов, а с 1 по 7 апреля — еще 789. В Череповце с января по 24 апреля — 1301. Шесть госпиталей Вологды, приготовленных для приема больных эвакуируемых, имели 1370 коек, а в период с 26 января по 23 апреля 1942 года пришлось снять с эшелонов и госпитализировать 4685 человек, в Бабаево — 792, Череповце — 1370. В эвакуогоспиталях смертность составляла от 25 до 40% всех поступавших на лечение. Это можно объяснить тем, что больные, снятые с эшелонов, уже находились в необратимой стадии дистрофии, и медицина была бессильной. Всего в Вологодской области к концу апреля 1942 года погибло 4717 человек. Это — учтенных. Из материалов УНКВД Вологодской области следует, что было много неучтенных. В дальнейшем ситуация несколько улучшилась. Но впереди были Ярославль, Ульяновск, Казань... Казахстан.

Нам не известно также точное количество лежащих на дне Ладожского озера.

Мы можем утверждать, что в битве за Ленинград погибло 979 254 военнослужащих и около миллиона горожан, то есть всего около двух миллионов! Такова плата за нашу победу под Ленинградом. Для сравнения скажем, что в Хиросиме 6 августа 1945 года погибло 92 133 человека.

В период блокады энергетическая ценность пищевого рациона ленинградцев резко отличалась от общепринятых

физиологических норм. Для обеспечения нормальной жизнедеятельности человеку требуется 3200 ккал в сутки. Это средняя физиологическая норма. При 1300 ккал продолжительность жизни человека составляет около месяца.

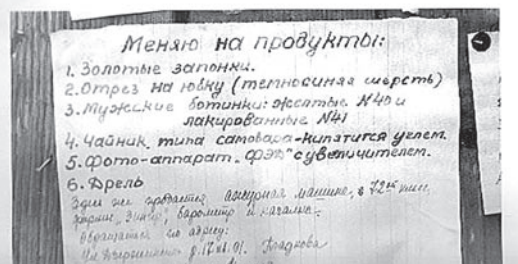
Вермахт не смог штурмом взять город. Поэтому, как утверждал генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, его надо «взять измором. Это имеет важное политическое, военное и экономическое значение». С 20 ноября 1941 года по март 1942 года включительно максимально возможная суточная калорийность пищевого рациона рабочих составляла от 707 до 1087 ккал в сутки, служащих — 437-823, детей до 12 лет — 423-684, иждивенцев — 403-618. В последнюю категорию попадали подростки.

Рабочие карточки получала только одна треть населения города, так как до лета 1942 года примерно половина горожан не работала. Дети составляли около 20%, иждивенцы — 30%. Эта часть населения имела, таким образом, ежесуточно от 403 до 684 ккал. В результате массовой эвакуации к декабрю 1942 года картина несколько изменилась — детей стало 14%, а иждивенцев — 7,4%. При этом следует учитывать, по крайней мере, три обстоятельства. Во-первых, большое количество разнообразных примесей в хлебе, которые постепенно стали добавлять уже с 9 августа 1941 года, в том числе ржаной муки от 55 до 67%, солодовой от 3 до 14%, овсяной и ячменной от 5 до 30%, соевой от 4 до 12%, разный жмых от 2,5 до 10%, от-

руби от 1,5 до 5%, сметки разные и обойная пыль 2%, рисовая лузга 3% и пищевая целлюлоза 5%. Влажность хлеба доходила до 68%. Во-вторых, качественную неполноценность пищи, долгое время почти не содержавшей животных белков и жиров при отсутствии витаминов. В декабре 1941 года карточки по жирам вообще не отоваривались. В-третьих, неблагоприятные метеорологические условия:

с середины декабря 1941-го до апреля 1942 года держались сильные морозы, которые достигали 30 и даже 35 градусов при высокой относительной влажности воздуха от 60% до 92% и сильном ветре.

В этих условиях при таком питании продолжительность жизни человека составляет меньше месяца. За два-три месяца население города должно было погибнуть полностью. Так рассчитал немецкий профессор Цигельмайер в своем докладе А. Гитлеру: «Люди при таком пайке физически выжить не могут»... После войны состоялась встреча Цигельмайера с ленинградским профессором Беззубовым: «Как же вы выдержали? Как смогли? Это же совершенно невозможно». Ответ: «Дело не только в пайке, но и в духе русского человека».

Действительно блокада выявила совершенно удивительные возможности человека. Подготовленный духовно, внутренне, он лучше противостоял голоду. Однако социологическое исследование, проведенное группой профессора М. И. Фролова и охватившее более 2500 человек в Санкт-Петербурге и других городах, выявило также, что почти треть горожан пользовалась «черным рынком» как дополнительным источником выживания. Меняли свои вещи на продукты или покупали их на деньги. Отсюда можно предположить, что в блокированном городе спекуляция хлебом и продуктами носила далеко не единичный характер. Анализ показывает также, что смертность жителей блокадного Ленинграда была

крайне неравномерной. У людей, не имевших никаких других источников существования, кроме продуктов, получаемых по карточкам, она составляла примерно 80%. У горожан, пользовавшихся «черным рынком», — около 20%. К тяжелым последствиям приводило употребление горожанами в пищу заведомо ядовитых продуктов, таких как лепешки из сухой горчицы, косметических миндальных отрубей, содержащих амигдалин, и т.д.

Люди использовали в пищу жмыхи и дуранду (высококалорийные продукты), студень из бараньих кишок, ременной и обувной кожи, целлюлозу, технические жиры, декстрин, столярный клей, вазелин, глицерин и касторку, хлопковый жмых и дикорастущие растения. В городе не стало птиц, собак и кошек.

В декабре 1941 года возникли первые случаи людоедства. За подобные преступления в декабре 1941 года к уголовной ответственности было привлечено 26 человек. В январе 1942-го за совершение этих преступлений были осуждены 366 человек, а за первую половину февраля — 494. Следует отметить, что среди них уроженцы Ленинграда составляли всего 14,7%.

Что же делал голод? Известный патологоанатом профессор Владимир Георгиевич Гаршин описывает так: «Жира (в тканях) нет, это понятно. Но органы... голод «съел» их. Вот печень, она потеряла почти две трети своего веса. Сердце теряет больше трети своего вещества, нередко почти половину, а селезенка уменьшает-

ся в несколько раз. Мы изучали истории болезни этих людей. Некоторые из них уже давно получали достаточное количество пищи, но оправиться не могли. В такой стадии процессы невосстановимы, страшная третья стадия дистрофии необратима. Если этих людей уложить в постель, если давать им достаточное количество пищи, они могут прожить некоторое время, но они обречены. Организм «потребил» не только свои запасы, но разрушил и структуру клеток.

«Голодная болезнь» наложила свой отпечаток на все процессы. У «дистрофиков» обычная картина воспаления легких выражена неясно, извращена. Врачи не замечали ее. Пришлось пересмотреть диагностические признаки пневмоний... особенно трудной оказалась диагностика дизентерии. Поносы трактовались врачами как проявление «голодной» болезни. Оказалось, что это своеобразно протекающая дизентерия.

Туберкулез — странная болезнь. Давно известно, что если у взрослых поражена одна система органов, то другие системы оказываются особенно стойкими. Особенно отчетливо это наблюдается при туберкулезе легких. Обычно только у 50% умерших определялись очаги в других органах. Туберкулезные палочки, попадая в кровь, разносятся по всему организму, но в других органах они как-то не приживаются, организм уничтожает их. В результате человек гибнет от легочной чахотки. У дистрофиков этих закономерностей не существует. Чудовищные фор-

мы рассеивания туберкулезной заразы по всем органам, поражение лимфатических узлов, плевры, брюшины. Сопrotивляемость организма нарушена полностью».

Показатель смертности в Ленинграде в январе-марте 1942 года достиг 500-560 человек на 1000 человек населения.

Медиками и властями города особое внимание обращалось на понимание проблемы «алиментарной дистрофии» как основной причины смертности в период блокады, а также на попытки решения этой проблемы с помощью питания и лечения. Еще в мае 1942 года председатель Исполкома Ленгорсовета П. С. Попков обратил внимание врачей на необходимость разработки терапии дистрофии с тем, чтобы не сводить лечение только к рациональному питанию. В городе были мобилизованы все возможные ресурсы. К 7 мая 1942 года Санитарное управление Ленинградского фронта выделило в военных госпиталях 7000 коек для «восстановления здоровья» гражданских лиц. В ответ на письмо П. С. Попкова А. А. Жданову и А. А. Кузнецову (от 4 июля 1942 года) госпитальный фонд для больных дистрофией был расширен также за счет освобождающихся помещений детских домов. Была создана сеть стационаров и диетических столовых усиленного лечебного питания.

К концу 1942 года показатель смертности удалось снизить до 65-60 на 1000 человек населения. Однако в 1943 году он был еще высок — на уровне 40 на 1000. Это можно объяснить «второй волной»

гибели ленинградцев в связи с отказом секретаря Горкома ВКП(б), ответственного за пищевую промышленность П. Г. Лазутина вновь развернуть столовые усиленного питания, как просил П. С. Попков в письме к А. А. Жданову (от 3 января 1943 года).

В начале декабря 1943 года П. С. Попков снова обращается к медикам, так как четверть населения города больна гипертонией — последствием дистрофии. Важно «найти метод лечения». Аналогично по туберкулезу и аменорее, которой болели в этот период 50% ленинградских женщин. В течение 1943 года Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся принял несколько специальных постановлений по здравоохранению, в том числе по туберкулезу, профилактике гипертонии, диспансеризации гипертоников, медицинского обслуживания в Выборгском, Фрунзенском и Красногвардейском районах города.

Только в 1944 году годовой показатель смертности горожан достиг довоенного уровня (16,8 на 1000 человек населения).

Одним из важных факторов решения проблемы гибели ленинградцев была специальная подготовка и переподготовка медицинских кадров. Этому способствовал созданный Н. И. Галкиным на Ленинградской объединенной киностудии учебный фильм «Алиментарная дистрофия и авитаминозы». В связи с так называемым «делом врачей» и «ленинградским делом» фильм был уничтожен.

Мы искали его два года и нашли с помощью профессора Татьяны Борисовны Журавлевой (ныне покойной), ученицы В. Г. Гаршина, более двадцати лет возглавлявшей кафедру Санкт-Петербургского медицинского института им. И. П. Павлова. Фильм требует реставрации. Мы попытались переснять его на видеопленку. Фильм страшный. Все, что описано В. Г. Гаршиным, там можно видеть.

В борьбе с ленинградской дистрофией и другими болезнями городу помогали около тысячи «зауряд-врачей» добровольцев, студентов III и IV курсов 1-го Московского медицинского института, которые откликнулись на призыв А. Н. Косыгина и наркома здравоохранения Г. А. Митерева. Небольшими группами в одиночных самолетах, чтобы не привлекать внимания немцев, в течение недели они были переброшены в блокадный, фронтной Ленинград. Через шесть месяцев работы их временные дипломы были заменены на постоянные. Никто из них не вернулся в Москву, так как Наркомздрав получил заявления: «Просим считать нас распределенными в Ленинград» — Ленинград, где были холод и голод, где надписи на углах домов сообщали, какая сторона улицы при артобстреле наиболее опасна...

На основании наших исследований, архивных и литературных источников, прозекторских отчетов за предвоенные, военные и послевоенные годы уже можно сделать общий вывод, что основными причинами особенностей клиники и па-

тологии населения Ленинграда во время блокады и после нее вплоть до настоящего времени являлись:

1. недостаточное в количественном отношении питание;

2. качественная неполноценность пищевого рациона (сравнительно долгое почти полное отсутствие животных белков, жиров, витаминов, необходимых минеральных солей и микроэлементов);

3. холод;

4. переутомление, вызванное напряженной работой для обеспечения нужд города-фронта и поддержания собственного существования в исключительно трудных бытовых условиях;

5. стресс, психологическая травма, вызванная длительной блокадой в условиях ежедневных бомбардировок, артиллерийских обстрелов и массовых смертей горожан.

Вообще следует отметить, что частота и течение заболеваний в период блокады Ленинграда каждые несколько месяцев подвергались весьма резким колебаниям. Особую роль в этих изменениях играли алиментарная дистрофия и психическая травматизация в их взаимодействии.

К сожалению, многие последствия блокады оказались более глубокими и дожили до наших дней, передаваясь новым поколениям.

Дистрофия алиментарная (голодная болезнь) — нарушение общего питания организма вследствие длительного недоедания, когда пища содержит недостаточное количество калорий сравнительно с затрачиваемой энергией. После войны у дистрофии появилось еще одно неофициальное название — «ленинградская болезнь»

Массовая гибель горожан в период блокады — еще не вся проблема. Ленинградская комиссия по изучению медико-санитарных последствий войны начала отслеживать влияние блокады на состояние здоровья людей, ее переживших, сразу после окончания войны. Правда, комиссия просуществовала всего полтора года. Было изучено, в частности, состояние здоровья школьников от 7 до 12 лет, которые оказались достаточно здоровыми (более 30%). Однако, следует подчеркнуть, что врачи уже в то время отмечали серьезные медицинские последствия блокады, фиксировали значительные морфологические, функциональные и иммунологические сдвиги в организме детей, и указывали, что восстановление этих изменений совершается крайне медленно. Подчеркивалось, что есть основания предполагать длительные нарушения в системе периферического кровообращения, связанные с рядом изменений внутренней среды организма, вегетативных и эндокринных факторов. Тогда от этого прогноза отмахнулись. Но сегодня мы можем сказать, что он полностью подтвердился. Каждый из оставшихся в живых блокадников имеет в организме необратимые изменения.

Профессор Б. М. Рачков с группой специалистов проводит комплексное обследование ленинградцев, переживших блокаду, их детей и внуков. Обследовано около 300 семей в составе более 1300 человек, у которых выявлено 2573 различных заболевания. 57,3% в этой группе

представляют лица непосредственно пережившие блокаду. Остальные — их дети, внуки и правнуки.

Среди блокадников заболевания опорно-двигательного аппарата и зубов составляют 57,6%, а у их внуков 30,7%. В 1998 году на 1000 человек населения заболевания опорно-двигательного аппарата страдали по России 81 человек, по Санкт-Петербургу — 96, среди блокадников — 570.

На втором месте у блокадников стоят заболевания сердечно-сосудистой системы — 52,9%, у внуков — 17,8%. Затем следуют заболевания желудочно-кишечного тракта — 44,1%, а у внуков — 52,03%.

Врачи Чикаго в результате мониторинга жителей блокадного Ленинграда, проживающих ныне в США, установили, что болезни пищеварения встречаются у 84,1%, гипертония — у 49%, в том числе злокачественная «ленинградская гипертония» большой давности, трудно поддающаяся лечению, — 74,5%. Хронический полиартрит имеют 36,5%, болезни органов кровообращения — 41,3%, остеохондроз — 31,8%. У них на 30% чаще встречаются атрофические изменения в костях верхней и нижней челюстей, а также уменьшение плотности костной ткани.

Аналогичная картина выявлена и в процессе социологического обследования ленинградцев группой профессора М. И. Фролова.

Все блокадники и их потомки нуждаются сегодня в особом питании, лекар-

ственном обеспечении и медицинском обслуживании. Ни первого, ни второго, ни третьего они не имеют.

Можно утверждать, что сегодня фактически сформировалась вымирающая группа населения Санкт-Петербурга — блокадники и их потомки. Эту группу в городе просто игнорируют. Один пример. Сравнительно недавно от рака кожи скончался мужчина средних лет. Его

Эти жизнерадостные ленинградские мальчишки сумели сохранить свой задор. Постоянное недоедание оставило след на их лицах, а мальчик справа, стоящий на лыжах, одет явно не по погоде. Мальчик с сигаретой (в центре), несомненно, наслаждается этим запретным удовольствием

можно было бы спасти, но для этого врачам следовало бы знать, что этот человек родился в блокированном Ленинграде в 1943 году с одной особенностью — две трети его тела не имели кожи. Она появилась значительно позже, после невероятных усилий врачей.

Мы считаем, что четко определилась необходимость исследования генетических факторов, которые позволили бы пролить свет на механизмы в развитии обнаруженных, не характерных для возраста внуков и правнуков блокадников заболеваний.

Проблема выживаемости в экстремальных условиях ленинградской блокады, адаптации человека к этим условиям исследуется нами с разных позиций. Так профессор И. М. Козлов с А. В. Самсоновой собрали и проанализировали материал спортивной жизни блокированного Ленинграда, сопоставив ее с демографическими процессами и военной обстановкой. Выявлением психологических особенностей людей, переживших блокаду, занималась Ю. И. Сыроежина. Голод, систематические бомбардировки и арт-обстрелы противника, горечь утрат родных и близких не могли не отразиться на психике горожан. Только в 1942 году врачами психоневрологических диспансеров было принято 54 203 больных. Возраст 45,1% больных не превышал 39 лет. 48,9% больных были с первичными заболеваниями. Среди заболевших преобладали психозы истощения, шизофрения и эпилепсия. Ю. И. Сыроежиной прово-

дился глубокий социально-психологический опрос блокадников и их потомков в целях выявления социально-психологической картины травмированности личности событиями блокады в совокупности с картиной конкретных соматических расстройств по медицинским показаниям и их влияния на нынешнюю и последующую жизнеспособность этой категории населения. В ходе исследования уже совершенно четко выявился феномен «советского менталитета», как ведущего фактора массовой выживаемости населения осажденного Ленинграда. Первичный анализ позволяет сделать вывод о достаточно широком подтверждении гипотезы об альтруизме и самопожертвовании как факторах жизнеобеспечения ленинградцев. Выявлена также тенденция значимости психологического фактора правды как эффективно управляющего воздействия.

С. В. Магаева сделала интересный анализ психологического воздействия длительного голодания, различных аспектов реакции людей в экстремальной ситуации к пределам лишений.

Следует отметить, что состояние здоровья лиц, переживших блокаду Ленинграда, до настоящего времени остается почти не изученным, хотя эта проблема имеет важное медико-социальное значение, так как прошлое, несомненно, повлияло на судьбу этих людей, их физическое и психоневрологическое состояние.

Мы сделали только первую попытку. А. Адамович и Д. Гранин писали: «Если

это было на планете: тот блокадный смертельный голод, бесчисленные смерти, муки матерей и детей, — то память об этом должна служить другим людям и десятилетия, и столетия спустя».

Ленинградцы были сильны духом. Сражаясь и работая в невероятно тяжелых условиях, не щадя себя для других, они, по утверждению М. И. Калинина, не только спасли собственную честь и славу, но и сорвали «пресловутый план «Барбаросса», став насмерть в обороне важнейших стратегических путей, ведущих к Москве». «Ленинград внес свою долю в освобождение Сталинграда, разгрома немцев под Москвой, на Украине и Кавказе...» Подвиг — это не только бросок на амбразуру. Каждый ленинградец, спасая от голодной смерти себя и своих близких, делал общее дело народной войны. Именно благодаря каждому в отдельности и всем вместе жил город — город, который враг хотел убить. Блокадный подвиг общепризнан в мире. Александр Верт назвал оборону Ленинграда «величайшей из всех русских повестей о человеческой стойкости». И знать эту повесть стоит по-настоящему.

*Колосов Юрий Иванович,
академик Академии Военно-исторических
наук, президент Ассоциации историков
блокады и битвы за Ленинград в годы*

*Второй мировой войны,
председатель Правления Региональной
общественной организации «Юные
участники обороны Ленинграда», участник
Великой Отечественной войны, блокадник*

**Из отчета Городского управления
предприятиями коммунального обслуживания
по работе за год войны с июня 1941-го по июнь 1942 года**

Раздел «ПОХОРОННОЕ ДЕЛО»

5 апреля 1943 года

Секретно

**IV Похоронное дело.
Захоронение трупов людей —
жертв вражеских бомбардировок,
артобстрелов и блокады**

Организация и проведение захоронений трупов людей в городе возложены на трест «Похоронное дело», подчиненный управлению. Захоронение проводилось на 11 находящихся в ведении треста действующих городских кладбищах.

За первое полугодие 1941 года трестом «Похоронное дело» было захоронено 18 909 покойников, что составляет в среднем 105 в день.

Для обслуживания потребностей населения в захоронении трест к началу войны располагал:

а) транспортом для транспортировки покойников на кладбища в количестве 12 автобусов и 34 лошадей;

б) столярно-веночными мастерскими, изготавливающими гробы, венки и полностью удовлетворявшими спрос населения;

в) монументальными мастерскими, изготавливавшими и устанавливавшими памятники, ограды и т.д.

К началу войны кладбища обслуживались 109 могильщиками, 64 уборщиками и 77 сторожами.

Работа по захоронению протекала нормально, без каких-либо затруднений.

Одновременно с этим еще в мирное время штабом МПВО города через управление на трест «Похоронное дело» были возложены разработка и проведение мероприятий по уборке и транспортировке из очагов поражения на кладбища, оформление и захоронение трупов людей, ставших жертвами воздушных бомбардировок и артобстрелов.

Но, увы, кроме наметок по формированию при тресте «Похоронное дело» специального отряда из автомашин треста и работников кладбищ для уборки из очагов поражения трупов людей и транспортировки их на кладбища в мирное время ничего сделано не было.

Начало Великой Отечественной войны и приближение войск противника к городу Ленинграду заставили трест и управление срочно проводить ряд мероприятий по подготовке к транспортировке из очагов поражения на кладбища трупов людей, оформлению на них документов и захоронению.

В июле 1941 года, по требованию управления и треста, последнему Архитектурно-планировочным управлением Исполкома Ленгорсовета были отведены земельные участки для нужд захоронения возможных жертв вражеских бомбардировок и артобстрелов в следующих местах:

1. Правый берег Невы — у Веселого Поселка — Володарский район;
2. Старая Деревня — севернее Серафимовского кладбища — Приморский район;
3. Куракина дорога — у ст. «Купчино» — Московский район;
4. Краснокабацкое шоссе — Кировский район;
5. Восточное Богословского кладбища — Красногвардейский район;
6. Большая Охта — восточное Большеохтинского кладбища — Красногвардейский район;
7. Волкова деревня — юго-западнее Татарского кладбища — Московский район;
8. Остров Декабристов — от набережной реки Смоленки — Василеостровский район.

В течение июля и первой половины августа 1941 года трестом «Похоронное дело» на первых шести вновь отведенных земельных участках были хозяйственным способом построены легкого типа дощатые морги. Они предназначались для хранения трупов людей с момента доставки их из очагов поражения до захоронения. На двух последних земельных участках временные морги построены не были, так как рядом с ними имелись готовые постройки, которые и были использованы в качестве моргов. Морги были оборудованы деревянными топчанами, обитыми клеенкой, для складывания на них доставленных из очагов поражения трупов.

С момента начала строительства моргов, то есть с первых чисел июля и до первых чисел ноября 1941 года, силами рабо-

чих треста «Похоронное дело», а частично и силами рабочих, привлеченных исполкома райсоветов депутатов трудящихся, на отведенных земельных участках было вырыто 280 траншей размером 20х2,5х1,7 метров. Более значительный запас траншей был вырыт на спецплощадках у Большеохтинского кладбища и на острове Декабристов. Моргами и вырытыми траншеями на спецплощадках на Куракиной дороге и на Краснокабацком шоссе воспользоваться не пришлось, так как в конце августа 1941 года они оказались в зоне военных действий и интенсивного вражеского обстрела.

В первые дни Великой Отечественной войны при управлении трестом «Похоронное дело» из рабочих предприятий последнего был сформирован отряд в количестве 21 человека. Отряд был обеспечен четырьмя автобусами. Личный состав снабжен резиновыми сапогами, передниками, перчатками и переведен на казарменное положение, а дежурная часть — на круглосуточное дежурство при управлении трестом. От отряда к медико-санитарной службе города для живой связи были прикомандированы постоянные представители, через которых медико-санитарная служба штаба МПВО города вызывала в очаги поражения команды и автотранспорт отряда для уборки трупов и транспортировки в морги.

Дни с 22 июня по 8 сентября 1941 года были напряженным организационно-подготовительным периодом к обороне города во всех областях, в том числе и

в области захоронений. Начавшаяся 8 сентября 1941 года систематическая бомбардировка, а позже и артиллерийские обстрелы города сопровождались разрушениями и человеческими жертвами. С этого времени началась напряженная работа отряда треста «Похоронное дело». Команды отряда, по указанию своего постоянного представителя при медико-санитарной службе штаба МПВО города, круглосуточно выезжали в очаги поражения, убирали трупы людей, ставших жертвами бомбардировок и артобстрелов, транспортировали их в морги на спецплощадки, где трупы раскладывались на топчаны и в соответствии с ин-

струкцией, утвержденной штабом МПВО города, хранились в течение 48 часов для опознания родственниками.

В первый период бомбардировок и артиллерийских обстрелов 80-85% трупов, доставляемых в морги из очагов поражения, опознавались родственниками и хоронились в обычном индивидуальном порядке на кладбищах города. Неопознанные трупы по истечении 48 часов фотографировались представителем соответствующего отделения милиции, прикомандированным к моргам, оформлялись составлением актов опознания, на основании актов представителя милиции

и врачей оформлялись свидетельства о смерти в ЗАГСах, после чего такие трупы работниками кладбищ, прикомандированными к спецплощадкам, захоранивались в траншеи. Над каждым захороненным в траншее устанавливалась деревянная, окрашенная в красный цвет колонка, на которой писалась фамилия захороненного, при невозможности установить личность писали «Неизвестный». Ценности, обнаруженные при трупах, изымались представителем милиции и по актам сдавались представителям соответствующих райфо (районных финансовых отделов). Морги, построенные на спецплощадках, куда трупы людей, ставших жертвами вражеских бомбардировок и артобстрелов, доставлялись со всех очагов поражений в основном транспортом отряда треста «Похоронное дело», представляли собой жуткое зрелище. Здесь можно было видеть изуродованные, обезображенные трупы людей, части тел (оторванные головы, ноги, руки, разможенные черепа), трупы грудных детей, трупы женщин с крепко обнятыми в агонии смерти трупиками грудных и других возрастов детей. В моргах с утра до наступления темноты бродили люди с унылыми, озлобленными лицами и искали: родители — погибших детей, дети — погибших родителей, братья — сестер, сестры — братьев и просто знакомых.

По мере нарастания бомбардировок росло и число захоронений — из месяца в месяц, о чем говорят нижеприведенные цифры:

июль 1941 года — 3688 захоронений;
август 1941 года — 5090;
сентябрь 1941 года — 7820;
октябрь 1941 года — 9355;
ноябрь 1941 года — 11 401.

Несмотря на значительный рост захоронений в городе за счет жертв вражеских бомбардировок и артобстрелов, трест «Похоронное дело» до декабря 1941 года удовлетворительно справлялся с захоронениями. Правда, встречались затруднения в удовлетворении спроса населения на гробы, так как столярно-веночная мастерская треста по своей производственной мощности и в связи с призывом в РККА части мужчин-мастеров не в состоянии была удовлетворить быстро растущие запросы населения на этот вид изделий.

Исполнительный комитет Ленгорсовета депутатов трудящихся решением от 14 октября 1941 года № 697-с обязал Лендревбумтрест (управляющего товарища Шишалова) организовать к 20 октября 1941 года производство гробов на предприятиях треста, обеспечив ежедневный выпуск в количестве 200-250 штук.

Лендревбумтрест и его управляющий т. Шишалов недооценили значение решения СЗ исполкома о производстве гробов и систематически недовыпускали до 100 гробов в сутки — это усугубляло положение с удовлетворением все возрастающего спроса на гробы, и решением СЗ исполкома от 21 ноября 1941 года № 810-с управляющему трестом т. Шишалову за невыполнение решения СЗ исполкома от 14 октября 1941 года был объявлен выговор.

Но выпускаемые предприятиями Ленбумтреста и мастерскими треста «Похоронное дело» 350 гробов в сутки ни в какой степени не удовлетворяли спроса; в особенности спрос повысился в первых числах декабря, что вынудило СЗ исполкома решением от 14 декабря 1941 года №881-е обязать председателей исполкомов райсоветов организовать на предприятиях и в районных мастерских производство простейшего типа гробов и выпускать их в продажу населению не менее 15 штук в день по каждому району.

Продолжающаяся со второй половины августа 1941 года вражеская блокада города и отсутствие подвоза продовольствия вынудили власти ввести в ноябре 1941 года норму выдачи так называемого хлеба по рабочей продовольственной карточке 250 и по служащей — 125 граммов на человека в сутки при том условии, что других продуктов почти никаких не выдавалось.

Это положение со снабжением населения города хлебом и другими продуктами не замедлило сказаться на небывалом росте смертности.

В дополнение к непрекращающимся вражеским бомбардировкам и ежедневным артиллерийским обстрелам, вырывавшим ежедневно из рядов героически обороняющих свой любимый город ленинградцев десятки и сотни жизней, в декабре на город и его население надвинулся страшный призрак голода. Уже в начале декабря в городе все чаще и чаще можно было встретить истощенных людей

с опухшими лицами, отеками ног и замедленной, неверной походкой, опирающихся при ходьбе на палочки. Нередко наблюдались случаи, когда люди разных возрастов, нередко молодые мужчины, без всякой видимой внешней причины падали на мостовых и были не в состоянии подняться без посторонней помощи. Некоторые из них поднимались и плелись дальше, не реагируя уже ни на что окружающее: людей, движущийся транспорт, артиллерийские обстрелы. Другие тут же, на улице, умирали, и их трупы некоторое время оставались лежать на мостовой, пока представитель милиции при помощи дворника или других лиц не убирала их во дворы домов, где они часто лежали длительное время. Затем поодиночке или по несколько на саночках, на грузовых тачках или автомашинах их отправляли в покойницкую ближайшей больницы, а в конце декабря, когда покойницкие больницы оказались переполненными и отказывались принимать трупы, ночью они просто подбрасывались к ближайшим больницам и поликлиникам — на улицы и площади. Смертность среди населения города на почве истощения от голода, суровых холодов и отсутствия дров в декабре 1941 года резко возросла и, по неполным данным треста «Похоронное дело», достигла 42 050 человек, что по отношению к смертности в ноябре того же составило рост на 247%!

Аппарат треста «Похоронное дело» с его персоналом кладбищ и контор оказался совершенно неподготовленным к прово-

ждению работ по захоронению в таких небывалых масштабах, так как:

а) объем работ, внепланово выпавших на долю треста, по транспортировке трупов и их захоронению оказался неожиданно велик;

б) в аппарате треста не были укомплектованы должности заместителя управляющего трестом, начальника транспортной конторы; главный инженер управления треста Садофьев, заведующий конторой эксплуатации кладбищ Пионтковский и ряд других работников вышли из строя ввиду заболевания на почве истощения;

в) могильщики кладбищ, которых на 1 декабря 1941 года было 109 человек и

которые, выполняя тяжелую физическую работу по рытью могил, много кушали и выпивали водки и пива, очутившись на пайке в 250 граммов хлеба, в первых числах декабря, за исключением единиц, оказались больными на почве истощения и неспособными работать (46 из них впоследствии умерли);

г) транспорт треста не был рассчитан на тот объем транспортировки трупов, с которым пришлось столкнуться в декабре;

д) подготовленные по плану МПВО осенью траншеи, никак не рассчитанные на декабрьскую смертность, были в несколько первых дней декабря полностью использованы.

А смертность среди населения города с каждым днем все возрастала и возрастала, транспорт треста не только совсем отказался от удовлетворения запросов населения на транспортировку покойников из города на кладбища, но далеко не справлялся с вывозом трупов из больниц, госпиталей, эвакуопунктов и других мест. Далеко не удовлетворялся и не мог быть удовлетворен спрос населения на гробы. Население вынуждено было прибегать к частным способам изготовления гробов, чем воспользовались спекулянты и мародеры, требовавшие от заказчика хлеб и другие продукты, и люди, сами голодавшие, но желавшие отдать последний долг умершему близкому человеку, за изготовление гроба отдавали свои последние крохи хлеба или карточки умерших, а те, кто не имел хлеба для платы за изготовление гроба, или сами сколачивали ящик из дверей, старых досок, фанеры, или просто зашивали труп покойника в простынь или одеяло. Этот последний способ как самый легкий и простой особенно широко применялся. Только в одиночных случаях населению удавалось воспользоваться транспортом учреждений и предприятий для транспортировки покойников на кладбища, а в основном покойники транспортировались на саночках, ручных тележках, детских колясках, на листах фанеры и т.п.

По городу двигалось множество своеобразных похоронных процессий, а на уличных магистралях, ведущих непосредственно к кладбищам (Смольный пр.,

Георгиевская ул., Новодеревенская ул., 16-17-я линии Васильевского острова и др.), они представляли сплошную вереницу. Тяжелое впечатление производили они на население города. В густой дымке трескучих морозов закутанные человеческие фигуры медленно и молча с сумочками-авоськами двигались по улицам осажденного, непокоренного города, волоча за собой саночки, фанерные листы с уложенными на них в самодельных гробах, ящиках или зашитыми в одеяла или простыни одним или несколькими покойниками, а иногда толкая перед собой ручную тележку с покойником, подпрыгивающим на ней, илидвигающие перед собой детскую колясочку с покойником, зашитым в одеяло-простынь и усаженным в нее. Перед входами на кладбища скопились сотни людей, саночек, тележек, автомашин, детских колясок.

Канторы кладбищ были битком набиты людьми. Здесь люди ожидали оформления документов, искали кого-либо из работников кладбищ для отвода места под захоронение, но не находили их, так как их было очень мало, да и те были заняты массовым траншейным захоронением. Здесь же толпились так называемые кладбищенские «волки» с ломami, лопатами, топорами и кувалдами. Эти люди, пользуясь бедствием других, их бессилием, отсутствием на кладбищах штатных могильщиков, за хлеб, крупу, табак, водку, продовольственные карточки нанимались рыть могилы, продавая их готовыми, но поскольку надзора за их работой со сто-

роны администрации кладбищ не было, а граждане, доставившие покойника, усталые и озябшие, не всегда могли ждать конца захоронения покойников, то «волки» в отдельных случаях бросали незахороненных покойников на кладбище, иногда отрывали неглубокие ямки-могилы, ставили гроб или укладывали покойника, зашитого в одеяло или простынь, прикрывали его небольшим количеством земли или просто снегом и считали свое дело сделанным.

Нередко и сами граждане, доставившие на кладбище покойника с благими намерениями: своими силами вырыть могилу и захоронить, — получив место или просто выбрав его самостоятельно, начинали рыть могилу, но в силу того, что земля промерзла почти на полтора метра, а у них отсутствовал нужный инструмент и физическая сила, вырывали неглубокую ямку, прикрывали незначительным слоем земли или снега, а иной раз и вообще бросали покойника на кладбище и уходили.

Со второй половины декабря 1941 года кладбища, особенно Серафимовское, Большеохтинское и Волково, представляли такую картину: перед воротами кладбищ прямо на улице, на самих кладбищах у контор, церквей, на дорожках, в канавах, на могилах и между ними десятками, а иногда и сотнями, лежали оставленные покойники в гробах и без них; работники кладбищ их постепенно убирали, хоронили в траншеях, но покойников продолжали подбрасывать, и это зрелище оставалось до марта.

В январе и феврале смертность росла, а люди еще больше физически слабели от истощения. В связи с этим сокращалось и индивидуальное захоронение, и транспортировка покойников на кладбища. Уже в декабре транспорт треста «Похоронное дело» явно не справлялся с вывозом трупов умерших людей из госпиталей, больниц, эвакуационных пунктов и других мест. К 19 декабря их накопилось в городе больше 7 тысяч. Еще в первой декаде декабря в больнице им. 25-летия Октября прямо во дворе и у забора на территории Троицкого колхозного рынка штабелями открыто лежало несколько сот трупов. По этому вопросу 19 декабря в 5 часов утра было созвано совещание у заместителя начальника Управления НКВД по Ленинградской области т. Иванова, на котором присутствовал я, начальник МПВО г. Ленинграда генерал-майор т. Лагуткин, заведующий Горздравотделом т. Никитский, начальник отдела МПВО УНКВД ЛО полковник Деревянко, командир 4-го полка НКВД полковник Сидоров и начальник управления Рабоче-Крестьянской милиции Ленинграда т. Грушко. На совещании было установлено, что в городе имеется более 7 тысяч невывезенных трупов. Совещание решило организовать срочную вывозку тел на кладбища автотранспортом МПВО города, 4-го полка НКВД, управления милиции и трестов «Похоронное дело» и уличной очистки. Между этими организациями были распределены больницы, госпитали, эвакуационные пункты, где имелись трупы, и утром, сразу по оконча-

нии совещания, они приступили к работе. Я лично прямо с совещания направился в трест «Похоронное дело» и взял в свои руки организацию и проведение работ по вывозке трупов, так как в аппарате треста кадров не доставало, а один начальник штаба МПВО треста Калистратов, инвалид (ходил на костылях), хотя и добросовестно относился к работе, но не в состоянии был руководить работой транспорта. Для вывозки трупов было выделено три пятитонных автомашины 2-й автобазы треста уличной очистки и три автомашины треста «Похоронное дело», а к погруз-

ке на автомашины и выгрузке трупов привлечено 50 бойцов МПВО.

С 19 по 25 декабря включительно был вывезен 4591 труп. Но если удалось несколько очистить город от завала трупов, хотя и не на продолжительное время, то значительно усугубилось положение на кладбищах. Там не было свободных траншей, трупы хоронить было некуда, и они просто складывались в штабеля на территории Волкова, Серафимовского, Богословского, Большеохтинского кладбищ и острове Декабристов. Траншеи, подготовленные летом и осенью, оказались уже

заполненными, а 270 рабочих, мобилизованных исполкомами райсоветов в распоряжение треста согласно решению СЗ исполкома от 6 декабря 1941 года. № 852-с для рытья траншей на правом берегу Невы у Веселого Поселка, на острове Декабристов и Волковском, Большеохтинском и Пискаревском кладбищах, не дали положительных результатов. Они выслались на работу неаккуратно, с большими пропусками и не давали выработки.

Проведенная в первой половине декабря работа по захоронению показала, что ее масштабы из ведомственных рамок треста «Похоронное дело» переросли в общегородскую проблему, которую нельзя было разрешить без непосредственного участия исполкомов райсоветов, без привлечения стройорганизаций с их механизмами и формирований МПВО как физической здоровой силы и специалистов-подрывников. 25 декабря 1941 года СЗ исполкома приняло решение по вопросу упорядочения работы городских кладбищ, в котором отметило, что городские кладбища находятся в явно удовлетворительном состоянии. Этим решением был снят с должности как необеспечивший нормальную работу треста управляющий Кошман, а также намечены конкретные меры по упорядочению работы кладбищ, а именно:

а) председателям райсоветов, в районах которых расположены кладбища, было предложено в течение двух дней навести полный порядок на кладбищах, закончив очищение моргов и захоронение всех незахороненных трупов; были установлены са-

нитарные нормы по захоронению, а председатели предупреждены, что будут лично отвечать за допущение в дальнейшем на кладбищах незахороненных трупов;

б) начальнику городской милиции т. Грушко было предложено запретить перевозку трупов по городу без гробов, установив, что все трупы должны сдаваться в районные морги, а оттуда организованно транспортироваться на кладбища; очистить кладбища от случайных могильщиков (спекулянтов), привлекать злостных из них к уголовной ответственности;

в) председателям исполкомов, райсоветов и УПКО предложено навести порядок в организации работы кладбищ и прекратить ломку населением на кладбищах крестов и оград;

г) было разрешено производить массовые захоронения на нижеследующих новых участках: при Большеохтинском, Серафимовском, Богословском и за Татарским кладбищах, на острове Декабристов и у Веселого Поселка;

д) предложено УПКО передать стройконтору треста зеленого строительства тресту «Похоронное дело» для производства работ по рытью траншей;

е) начальники УЖС т. Дроздов и УКБС т. Кутин обязаны выделить в распоряжение УПКО на арендных началах четыре исправных экскаватора с необходимым персоналом для рытья траншей;

ж) до 28 декабря 1941 года председателям исполкомов райсоветов было предложено организовать районные морги для сбора в них трупов, оформления докумен-

тации и транспортировки на кладбища для захоронения средствами райсоветов;

з) в целях недопущения скопления трупов в больницах и госпиталях горздравотделу было предложено установить минимальный срок оформления документов, а УПКО — в течение суток вывозить трупы на кладбища для захоронения.

и) как временная мера, было разрешено производить захоронение трупов из больниц и госпиталей по спискам, составленным ими, с последующим оформлением через ЗАГС;

и) штат могильщиков на городских кладбищах доведен до 200 единиц, введены должности заместителей заведующих кладбищами, пересмотрены в сторону повышения ставки зарплаты руководящим работникам кладбищ и повышены расценки оплаты могильщиков за рытье могил.

Принятые и проведенные в жизнь мероприятия на короткий период улучшили дело захоронений на городских кладбищах, но поскольку количество покойников, поступавших на кладбища в январе 1942 года, возросло в два с лишним раза по сравнению с декабрем 1941 года, эти мероприятия оказались недостаточными и не обеспечивали своевременного захоронения. Смертность неуклонно росла, а население слабо от истощения, вся тяжесть по захоронению ложилась на трест и исполкомы райсоветов. Если в декабре еще значительную часть умерших транспортировало на кладбища население, то в январе — уже нет. Покойников стали массово подбрасывать к больницам, по-

ликлиникам, выбрасывать на лестницы, во дворы и даже на улицы города. Организации и предприятия вывозили из города трупы умерших людей и, боясь, что администрация кладбищ их не примет из-за отсутствия документов, сваливали трупы незаметно для сторожей на кладбищах или на улицах вблизи них. На Кременчугской улице у наружных дверей покойницкой больницы им. Боткина ежедневно беспорядочно в куче лежали подброшенные покойники. Кроме того, их можно было часто по утрам видеть у ворот домов, на лестницах. При подъезде к кладбищам на дорогах, в канавах, в кустах валялись брошенные трупы людей, их можно было видеть и на свалках вывезенными вместе с мусором — в частности это имело место на дороге, идущей от Богословского кладбища на Пискаревскую дорогу восточнее 1-го овощекомбината.

В январе опять незахороненные трупы накапливались в городе и на кладбищах, хотя к этому времени на кладбищах стало больше порядка, так как исполкомы райсоветов вплотную занялись кладбищами, прикрепили для руководства работами на них ответственных работников: к Волкову кладбищу был прикреплен зам. председателя исполкома Московского райсовета т. Романов, к острову Декабристов — зам. председателя исполкома Василеостровского района Каракозов, да и председатель исполкома т. Кусков повседневно занимался кладбищем, к Серафимовскому — зам. председателя исполкома Приморского района.

С января 1942 года к руководству трестом «Похоронное дело» пришел энергичный инженер П. И. Чайкин, а снятый с работы Кошман был арестован, осужден и приговорен к восьми годам лишения свободы за непринятие мер к заготовке нужного количества запасных траншей и упорядочению работы кладбищ.

В январе в городе были установлены случаи людоедства, они постепенно распространялись. Кладбища охранялись плохо из-за отсутствия нужного количества людей и занятости их на других работах. С кладбищ начали похищаться части разрушаемых тут же трупов, особое приращение проявлялось к детским трупам,

разрубались и похищались трупы, брошенные в городе. Вот несколько примеров.

1. На Еврейском кладбище было обнаружено, что во вскрытом незахороненном гробу были оставлены отрубленные голова и ступни ног, а все остальные части тела унесены.

2. На Серафимовском кладбище его заведующим Беляевским и участковым инспектором милиции была найдена отрубленная голова покойника, следы от места обнаружения головы привели в деревянные дома, расположенные на западной окраине кладбища, где и было установлено, что жители домов занимались варкой человеческого мяса.

3. Сторож Богословского кладбища т. Самсонова в марте 1942 года задержала гражданку, которая вечером на ручных саночках вывозила что-то в наматраснике с кладбища. При осмотре в мешке было обнаружено пять детских трупов. Гражданка была отправлена в милицию.

4. На Кременчугской улице недалеко от покойницкой больницы им. Боткина был обнаружен труп с отрубленными мягкими частями тела.

5. На кладбищах находили черепа, из которых были извлечены мозги...

На кладбищах часто находили оставленные отрубленные части тел покойников. Также нередко, особенно весной с таянием снега, они обнаруживались в жилых кварталах города и доставлялись на кладбища для захоронения. Такое положение вынудило власти поставить милицейскую охрану на все большие кладбища.

15 января 1942 года исполком Ленгорсовета решением №34-с в целях усиления работ по рытью траншей для массового захоронения обязал всех председателей исполкомов райсоветов к 17 января 1942 года направить на спецучастки по 400 человек, разрешив им в случае необходимости перевод рабочих с оборонно-строительных работ. Это решение полностью было выполнено только исполкомом райсовета Красногвардейского района. Им был сформирован специальный батальон во главе с т. Матюшиным. Батальон вел работы на Большеохтинском кладбище по рытью траншей, захоронению и приведению в порядок траншей вес-

ной. Рытье траншей на Серафимовском кладбище и захоронение было поручено штабу МПВО города, который провел там большую работу. Проведение подрывных работ, рытье траншей и захоронение на Пискаревском кладбище было поручено 4-му полку НКВД. В связи с большими морозами, превышающими -25°C , и промерзанием грунта на 1,5 метра исполком выделил штабу МПВО, 4-му полку НКВД и тресту «Похоронное дело» водку для выдачи рабочим и бойцам, работавшим на рытье траншей и захоронении.

Поскольку отсутствие нужного количества траншей для массового захоронения все время являлось тормозом, а четыре экскаватора типа «Комсомолец», выделенные по решению исполкома Ленгорсовета от 25 декабря 1941 года управлениями жилищного и культурно-бытового строительства, себя в работе по рытью траншей не оправдали, горком ВКП(б) и Ленгорисполком обязали 20 января 1942 года 5-е особое строительное управление (Союзэкскавация, начальник т. Чернышев), располагающее мощными экскаваторами типа «АК» и опытными квалифицированными кадрами, приступить к работам по рытью траншей на Пискаревском кладбище. Это управление во главе с т. Чернышевым приступило к работам и успешно их провело. Пискаревское кладбище, где заведующей работала и в настоящее время работает т. Валерьянова Антонина Владимировна, как новое, располагающее значительным земельным участком, явилось основным местом для

массового захоронения. Здесь на протяжении с 16 декабря 1941-го по 1 мая 1942 года вырыто и захоронено 129 траншей, не считая воинской площадки. На данном кладбище есть шесть траншей 4-5 метров глубиной, 6 метров шириной и до 180 метров длиной, которые вместили по 20 с лишним тысяч трупов каждая. По неподдающимся проверке данным, на этом кладбище только за два с половиной месяца с 1 января по 15 марта 1942 года похоронено около 200 тыс. покойников, а всего с декабря 1941-го по 1 июня 1942-го — 371 428.

Последние дни января и февраль были периодом, когда количество захоронений достигло наивысшей точки. В больницах, госпиталях, на эвакуопунктах и в районных моргах опять скопилось большое количество трупов. Нужны были чрезвычайные меры, и исполком Ленгорсовета решением от 2 февраля 1942 года №72-с обязал:

1. председателей исполкомов райсоветов, УПКО и начальника МПВО города генерал-майора Лагуткина в пятидневный срок произвести вывозку трупов из районных моргов, больниц, госпиталей и их захоронение на городских кладбищах;

2. ежедневно выделять для вывозки трупов следующее количество больших грузовых машин с прицепами: АТУЛ — 10 машин, МПВО — 15 машин, УПКО — 5 машин, исполкомы райсоветов — не менее двух машин в сутки каждый;

3. начальника МПВО города генерал-майора Лагуткина — закрепить за машинами АТУЛа и УПКО 100 бойцов МПВО для погрузки и выгрузки трупов.

4. установил водителям автомашин и рабочим по перевозке трупов дополнительно за каждую вторую и последующие поездки по 100 граммов хлеба, 50 граммов водки или 100 граммов вина, а рабочим, занимающимся приемом, отправкой и захоронением трупов, дополнительно по 100 граммов хлеба и 100 граммов водки или вина в день. Этот пункт решения исполкома 2 февраля 1942 года был утвержден постановлением Военного совета фронта;

5. генерал-майора Лагуткина — выделять для повседневной работы на спецплощадку острова Декабристов, на Серафимовское и Богословское кладбища бойцов МПВО города для обеспечения полного захоронения всех поступающих трупов.

Трестом были установлены нормы погрузки трупов на каждую автомашину в зависимости от тоннаж: на 5-тонную — 100, на 3-тонную — 60, на полутонную — 40 трупов.

Приведенным решением исполкома Ленгорсовета от 2 февраля 1942 года успешно разрешался вопрос вывоза из города трупов на кладбища, но не решался вопрос захоронения, так как нужного количества готовых траншей не было, несмотря на хорошо проведенную 5-м ОСУ работу по рытью траншей. Экскаваторы работали круглые сутки при морозах, достигавших –30 и больше градусов. Отличились бригады экскаваторов братья Галанкины Николай Михайлович и Алексей Михайлович, которые по несколько

суток не уходили с работы и обеспечивали выполнение норм на 200%; начальник участка Ручьевский Георгий Петрович и зам. главного инженера 5-го ОСУ Гладкая Александра Никитична, которые, не уходя домой по двое-трое суток, в лютые морозы провели большую организационную работу и обеспечили своевременное начало работ и успешное их выполнение; старший прораб участка Щелоков Иван Александрович, который днем и ночью руководил работами и проявил много энергии и упорства в выполнении спецзадания.

Надо прямо сказать, что хорошо проведенные 5-м ОСУ земляные работы по рытью траншей в основном и решили проблему захоронения трупов людей.

В течение значительного количества дней февраля только на Пискаревское кладбище привозили для захоронения 6-7 тыс. трупов в сутки. В связи с дополнительной прогрессивной выдачей хлеба и водки за вывозку трупов автомашины использовались очень интенсивно. Можно было наблюдать двигавшиеся по городу 5-тонные автомашины, нагруженные трупами людей в полтора раза выше бортов

автомашины, плохо прикрытыми, наверху сидели пять-шесть человек рабочих. Вопрос вывоза трупов был разрешен положительно.

Кроме экскаваторов на кладбищах города в феврале 1942 года трудилось около 4000 человек ежедневно. Это были бойцы МПВО, работавшие на Серафимовском, Богословском, Большеохтинском кладбищах и спецплощадке острова Декабристов; бойцы 4-го полка НКВД под руководством очень энергичного и волевого майора Матвеева работали на Пискаревском кладбище; рабочие и служащие фабрик, заводов и учреждений привлекались в порядке трудповинности. Специальные команды МПВО и 4-го полка НКВД производили подрывные работы, от которых на таких кладбищах, как Серафимовское и Пискаревское, круглые сутки гремела канонада взрывов. Остальные бойцы, рабочие и служащие после подрыва вручную рыли траншеи, укладывали в них покойников, вынимая их из гробов (так как захоронение гробов в траншеях занимало много места, а траншей не хватало), зарывали траншеи, заполненные покойниками. Несмотря на такие масштабы работы по рытью траншей, их все же не доставало. Нужны были срочные меры по решению вопроса с захоронением. Вырыть требовавшееся количество траншей в короткий срок было невозможно, копить трупы в городе и на кладбищах было нельзя.

3 февраля 1942 года исполком Ленгорсовета принял решение об использовании

под братскую могилу имевшегося на Богословском кладбище песочного карьера, который был заполнен в течение пяти-шести дней 60 тысячами трупов людей. Под захоронение были использованы и бомбовые воронки на Богословском кладбище, в которые захоронили около 1000 трупов. Позже было решено использовать под захоронение часть противотанкового рва, расположенного рядом с песочным карьером с северной стороны, где было тоже захоронено больше 10 тысяч покойников.

На северной окраине Серафимовского кладбища 18 волчьих ям, подготовленных в качестве противотанковых препятствий, были использованы под захоронение около 15 000 трупов. Но темпы поступления на кладбища трупов значительно обгоняли быстро нарастающие темпы заготовки траншей, а потому и проведенные мероприятия по использованию под захоронение карьера и волчьих ям не устранили диспропорции между наличием готовых траншей и завозом на кладбища трупов.

На Пискаревском кладбище количество незахороненных трупов, сложенных в штабеля длиной до 180-200 метров и высотой до двух метров, из-за отсутствия траншей в отдельные дни февраля достигало 20-25 тысяч; на Серафимовском кладбище трупами был забит морг, церковь и часть их лежала просто на кладбище. Штабель из почти 5 тысяч трупов лежал и на Большеохтинском кладбище, там же полностью был заложен трупами морг. На кладбище Памяти жертв 9 Января

ря в сенном сарае лежало около 3 тысяч незахороненных трупов.

Такое положение на кладбищах длилось до конца февраля 1942 года, то есть до наступления переломного момента, когда началось хоть и медленное, но снижение поступления трупов для захоронения на кладбища в связи со снижением смертности в городе.

В еще худшем, чем Ленинград, положении по части захоронения находился город Колпино ввиду его непосредственной близости к позициям немецко-фашистских войск. У колпинцев возникла мысль о кремации трупов людей в термических печах Ижорского завода, и исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся решением СЗ от 27 февраля 1942 года №140 разрешил исполкому Колпинского райсовета производить сжигание трупов людей в термических печах. Кремация колпинцами трупов погибших навела заместителя председателя исполкома Ленгорсовета т. Решкина, непосредственно руководившего в городе захоронением и весьма много сделавшего в этой области, на мысль о возможности использования для этой цели предприятий города. Такое предприятие было найдено — 1-й кирпичный завод Управления промышленности строительных материалов, расположенный на Московском шоссе, 8, и 7 марта 1942 года СЗ исполкома решением №157-с обязало начальника Управления промышленности стройматериалов т. Васильева организовать на 1-м кирпичном заводе сжигание трупов, пустив в эксплуатацию одну из тоннельных пе-

чей завода к 10-му, а вторую к 20 марта 1942 года с соответствующим приспособлением вагонеток для кремации трупов. Несмотря на сопротивление старых теплотехников, доказывавших, что в тоннельных печах невозможно создать нужных температур, начальник управления т. Васильев Николай Матвеевич, главный инженер завода т. Мазохин Василий Дмитриевич, главный механик завода т. Дубровин Сеерафим Александрович с группой рабочих упорно и успешно провели опыты и подготовительные работы и добились положительных результатов. В противовес десятки лет проектировавшемуся, но так и не построенному крематорию 15 марта 1942 года в Ленинграде на указанном заводе заработал невиданный в истории и во всем мире крематорий, рожденный мыслью по-фронтовому работавших людей, блокадой и тяжелой обстановкой, в которой находился тогда наш город.

16 марта 1942 года крематорий принял и успешно кремировал первые 150 трупов, а 29 марта довел пропускную способность уже до 880 трупов. 18 апреля 1942 года он кремировал 1425 трупов за сутки, работая уже на двух печах. В апреле всего подверглось кремации 22 861 трупов, в мае — 29 764, а всего до 1 января 1943 года было кремировано 109 925. В качестве топлива использовались дрова и сланец.

Работа крематория по сжиганию трупов значительно облегчила дело захоронения и дала возможность в конце марта ликвидировать залежи незахороненных

трупов на кладбищах, привести наличие готовых траншей в соответствие с потребностью в захоронении поступающих на кладбища трупов, а с 1 июня 1942 года, благодаря успешной работе крематория и значительному снижению смертности, мы совсем прекратили массовое захоронение трупов людей на кладбищах, а все трупы из больниц, районных моргов и других мест трестом «Похоронное дело» транспортируются в крематорий и предаются кремации.

С 1 июня и по настоящее время на кладбищах производится только индивидуальное захоронение.

Проведенное в зимних условиях массовое траншейное захоронение с нарушением по ряду кладбищ санитарных правил при приближении весеннего периода потребовало:

а) проведения срочной работы по подбору в первую очередь с кладбищ незахороненных трупов и перезахоронению неправильно захороненных;

б) упорядочения и изменения способа транспортировки трупов;

в) упорядочения работы районных моргов, замены некоторых помещений и приспособления их всех к приему трупов в весенне-летний период;

г) уточнения структуры управления кладбищами, районными моргами, их штатов и ставок;

д) налаживания учета и оформления документов на поступающие в районные морги трупы.

СЗ исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся 14 апреля 1942 года приняло решение №206-с, в котором дало конкретные указания по работе на городских кладбищах в весенне-летний период и устранению нарушений, допущенных при захоронении в зимних условиях, предложило управлению разработать и представить на утверждение штаты и ставки работников районных моргов, а начальнику МПВО Ленинграда генерал-майору Лагуткину — сформировать специальную роту в 300 человек для обеспечения погрузки и выгрузки трупов, их захоронению и устранению недочетов

захоронения, произведенного в зимних условиях.

Приближалась весна и весенне-летнее тепло. Исполком, управление и трест «Похоронное дело» хорошо понимали, что предотвратить возникновение эпидемических заболеваний в результате допущенных санитарных нарушения при захоронении зимой можно было только проведением больших и срочных работ на кладбищах и в самом городе.

С началом таяния снега на всех кладбищах (особенно на Волковом, Большеохтинском, Серафимовском и Памяти жертв 9 Января) было обнаружено много вытаявших из-под снега гробов с незахороненными трупами. Их нужно было до наступления тепла убрать, кремировать или захоронить в имевшиеся траншеи. Приказом по Управлению №29 от 15 апреля 1942 года управляющий трестом «Похоронное дело» был обязан:

а) с утра 16 апреля 1942 года организовать на всех кладбищах города работу по уборке вытаявших из-под снега и льда трупов и немедленному их захоронению;

б) для организации этих работ и руководства ими к большим кладбищам в помощь заведующим прикрепить ответственных работников управления треста и нужное количество автомашин;

в) закончить уборку трупов 18 апреля 1942 года и в этот же срок убрать с кладбища все гробы, одеяла, стружки и другой мусор, который может способ-

ствовать возникновению эпидемических заболеваний.

В эти три дня все работники треста во главе с управляющим т. Чайкиным, работники кладбищ, около тысячи человек рабочих и работниц фабрик и заводов, мобилизованные исполкомами райсоветов, собрали 12 900 трупов-«подснежников», как их тогда называли, их вынимали из гробов, грузили на автомашины и направляли в крематорий, а если он не мог принять — на Пискаревское кладбище для захоронения в имевшиеся там подготовленные траншеи. Оставшиеся гробы и другие принадлежности захоронения сжигались на месте — весь день на кладбищах пылали костры, и от них поднимался густой дым.

Если в конце декабря 1941 года, в те тяжелые дни, исполком допустил возможность захоронения трупов из больниц и госпиталей по спискам с последующим оформлением смертей в органах ЗАГСа, чего больницы и госпитали не делали, то с 15 апреля тресту и кладбищам было категорически запрещено принимать трупы к захоронению без свидетельств о смерти, это внесло порядок в дело учета смертности.

Многое в стихийно возникших и наспех организованных в декабре 1941 года районных моргах совершенно не годилось к эксплуатации в весенне-летних условиях (в Октябрьском районе — морг на Канонерской ул., 33; в Кировском районе — морг при больнице им. Володарского;

в Ленинском районе — морг на 12-й Красноармейской ул., где доставляемые трупы складывались прямо во дворах), у них не было утвержденных штатов и ставок работникам, не было разработано никаких форм регистрации трупов и инструкций, каждый морг работал по-своему и подчинялся разным организациям в районе.

15 апреля 1942 года Управлением и трестом на основе пункта 13 решения СЗ исполкома от 14 апреля 1942 года №206-с было предложено райкоммунотделам — Ленинскому, Василеостровскому, Фрунзенскому, Красногвардейскому, Дзержинскому, Володарскому, Октябрьскому, Свердловскому, Приморскому — в трехдневный срок подобрать другие помещения под районные морги. Помещения были подобраны, преимущественно бывшие церкви, и до 1 мая 1942 года были приняты по актам специальной комиссии из представителей соответствующих райкоммунотделов, отделений милиции, райгоссанинспекции и треста «Похоронное дело». Была установлена следующая дислокация районных моргов:

1. Василеостровский — Васильевский остров, 8-я линия, 73;
2. Володарский — Кладбищенская ул., 4;
3. Выборгский — ул. Батенина, 5;
4. Дзержинский — набережная канала Грибоедова, 2 (церковь);
5. Куйбышевский — ул. Маяковского, 12;
6. Красногвардейский — Арсенальная ул., 8;

7. Пороховые — Ильинская церковь;
8. Ленинский — пр. Красных Командиров (Троицкий собор);
9. Московский — Смоленская ул., 11;
10. Октябрьский — Канонерская ул., 3;
11. Петроградский — набережная реки Карповки, 2;
12. Приморский — Большая Зеленина ул., 9;
13. Смольнинский — Александроневская лавра (часовня);
14. Свердловский — Смоленское кладбище (церковь);
15. Фрунзенский — Лиговская ул. (ныне Лиговский пр.), 128 (церковь);
16. Кировский — ул. Стачек, 54 (больница им. Володарского).

Установлен строгий санитарный контроль за состоянием моргов, налажена регулярная дезинфекция помещений.

Решением от 29 апреля 1942 года исполком утвердил разработанные управлением штаты и ставки работникам районных моргов в количестве 204 штатных единиц с месячным фондом зарплаты в 64 600 рублей.

18 мая 1942 года Управление утвердило им же разработанную инструкцию о работе районных моргов и все формы учета их работы.

Весной и летом трупы должны были вывозиться из районных моргов, больниц, госпиталей и кремироваться немедленно. Исполком закрепил за трестом «Похоронное дело» 25 автомашин из автотранспортного управления для регулярной вывозки

трупов, обязал генерал-майора Лагуткина выделить в каждом районе по одной автомашине в распоряжение районных моргов для сбора из районов трупов и доставки их в районные морги.

В апреле 1942 года сформирована специальная рота МПВО в 200 человек для погрузки и выгрузки трупов на транспорте, для проведения других срочных работ на кладбищах. Рота размещена в отдельном помещении. Личный состав роты и районных моргов снабжен полностью специальной одеждой и обувью: непроницаемые комбинезоны, резиновые сапоги и перчатки; бойцы роты и работники районных моргов получают дополнительно хлеб и водку.

Снижение смертности, проведенные перечисленные выше мероприятия, хорошая работа крематория обеспечили:

а) упорядочение работы районных моргов и возможность гражданам и учреждениям, не имеющим сил и средств для захоронения покойников, сдать их в районный морг;

б) создание достаточного для текущего захоронения покойников запаса траншей;

в) концентрацию вывозки покойников со всего города в одних руках — в тресте «Похоронное дело», ежедневную вывозку из больниц, госпиталей и районных моргов всех трупов на кладбища для захоронения и в крематорий для кремации.

Хотя в среднем в день в апреле вывозилось 3316 тел, в городе уже не стало залежей невывезенных, а на кладбищах незахороненных трупов. Только в отдельных местах в городе обнаруживались трупы, о наличии которых узнавали случайно. Так, например, после того как эвакуировался Эрмитаж, в подвалах его здания было обнаружено 109 трупов. Это умирали работники Эрмитажа, а администрация их складывала в подвале и, уезжая, оставила, никому ничего не сказав.

Зимой 1941-1942 года много индивидуальных захоронений было произведено с грубым нарушением санитарных норм, то есть на глубине 5-40 сантиметров от поверхности земли вместо положенных 80.

По приказу Управления во второй половине апреля и первой половине мая 1942 года на всех кладбищах города их работниками под руководством и контролем работников Управления треста были обследованы все могилы индивидуального захоронения в осенне-зимний период 1941-1942 года на предмет выявления могил, где захоронение произведено с нарушением санитарных норм и подлежащих перезахоронению. На основе данных обследования была установлена очередность перезахоронений. Перезахоронение покойников проводилось силами работников кладбища и рабочих, привлеченных райсоветами в порядке трудовинности, путем углубления могил и опускания покойника. В отдельных случаях покойника перезахоранивали тут же на кладбище в траншею. Всего за весенне-летний

период на кладбищах города было перезахоронено 9173 индивидуально захороненных покойника.

Наступление весенне-летнего тепла и начало процесса разложения захороненных покойников требовали от Управления, треста и работников кладбищ повседневного строгого наблюдения за индивидуальными и братскими могилами, тем более что значительная часть их была только слегка присыпана землей. Начались провалы насыпей индивидуальных и братских могил, обнажение трупов, появление трупного запаха. Это грозило возникновением эпидемических заболеваний. Управление и трест срочно поставили на засыпку братских могил на Пискаревском кладбище два экскаватора типа «Комсомолец», а на другие — людей: всех работников кладбищ, часть личного состава спецроты МПВО и рабочих, мобилизованных райсоветами. В первую очередь были засыпаны все братские могилы с образованием на них холмов, в течение лета насыпи на некоторых могилах оседали несколько раз, их каждый раз подсыпали вновь. К осени 1942 года были приведены в полный порядок с оформлением надмогильных холмов 17 850 индивидуальных и 584 братские могилы. Только на 78 братских могилах на Пискаревском кладбище не были окончательно оформлены надмогильные холмы. Засыпку братской могилы на Богословском кладбище (песочный карьер) по решению СЗ исполкома Ленгорсовета от 17 июня 1942 года №309-с производило экскава-

торами Управление культурно-бытового строительства. Процесс засыпки длился в течение всего лета, так как по мере разложения трупов насыпанная земля осаживалась. Всего насыпано на эту братскую могилу 15 тысяч кубометров земли, а засыпка далеко не окончена.

Особо серьезное значение летним работам на кладбище в части повседневного наблюдения за братскими могилами и поддержанием их в порядке придавалось из-за того, что подобного нашему опыту массовых захоронений не знает история. Отдельные специалисты-санврачи предполагали, что процесс разложения может привести к тому, что на отдельных братских могилах могут забить фонтаны из массы разлагающихся тел. Разных панических разговоров по этому вопросу было много, а мы, работники «Похоронного дела», считали, что надо не допускать только обнажения трупов при провалах надмогильных насыпей, а остальное пойдет нормально, и мы оказались правы. После такого массового захоронения город не имел эпидемических заболеваний.

Пережив весьма горький опыт отсутствия запасных траншей для массового захоронения в зиму 1941-1942 года, а также имея ввиду продолжавшуюся блокаду, бомбардировки и обстрел города, по ходатайству Управления исполком Ленгорсовета решением СЗ от 14 июня 1942 года №305-с разрешил тресту в течение лета произвести работы по рытью запасных братских могил. Эту работу в основном

проводило 5-е ОСУ. Сейчас каждое кладбище имеет запасные братские могилы, а всего в разных местах 96 братских могил длиной 6620 метров и вместимостью на 134 120 покойников.

В заключение нужно сказать, что при всех имевших место больших недостатках, вызванных в основном внезапностью возникновения и невиданным в истории размахом захоронений, проведена гигантская работа.

К сожалению, в городе нет организации, которая могла назвать точную цифру умерших в городе Ленинграде людей за период с 1 декабря 1941-го по 1 июня 1942 года. Это объясняется тем, что, по неточным данным произведенных кладбищами захоронений, последние в декабре 1941 года по отношению к ноябрю выросли на 247%, в январе 1942 года по отношению к декабрю — больше чем на 400%, в феврале по отношению к январю — больше чем на 100%.

Никто к таким размерам смертности и молниеносности ее роста не только не был подготовлен, но даже и не мог помыслить о чем-либо подобном.

К оказанию помощи тресту «Похоронное дело» в проведении захоронений были привлечены исполкомы районных Советов депутатов трудящихся, штаб МПВО города с его подразделениями и некоторые воинские части. Все они были заняты решением одной основной задачи — как захоронить покойников и избежать скопления их в городе и на кладбищах незахороненными.

В органы ЗАГСа за оформлением смертей ходила незначительная часть населения, предприятий и учреждений, так как в начале роста смертности ЗАГСы также оказались неподготовленными к регистрации такого большого количества смертей — создались огромные очереди. В связи с этим, а также дальнейшим ростом смертности и физическим истощением населения, количество желающих оформить в ЗАГСах и своими силами захоронить умершего падало, а подбрасывание покойников возрастало, и оформление их через органы ЗАГСа было невозможно. Возможен был учет только на кладбищах,

но и здесь работники были заняты в первую очередь тем, чтобы скорее захоронить в большом количестве поступающих на кладбища покойников, а поэтому кладбища тоже, к великому сожалению, не имеют точного учета захороненных.

О масштабах работы по захоронению можно судить хотя бы по тому, что с 1 июля 1941-го по 1 июля 1942 года, кроме индивидуального, под захоронение занято на кладбищах города и вновь отведенных участках 662 братских могилы протяжением 20 233 погонных метра, из них вынута земли в условиях суровых морозов и промерзания грунта до полутора

метров — 60 135 куб. метров, не считая занятых под захоронение песочного карьера, противотанкового рва, бомбовых воронок на Богословском кладбище и волчьих ям на Серафимовском.

По данным кладбищ города, далеко не точным, возможно завышенным, ими за период с 1 июля 1941-го по 1 июля 1942 года захоронено 1 093 695 покойников.

Транспортом городского треста «Похоронное дело» и транспортом других организаций, предоставляемым в распоряжение треста из гражданских госпиталей, больниц, эвакуопункта, районных моргов и других мест, вывезено за период с 1 декабря 1941-го до 1 декабря 1942 года 444 182 покойника.

По приходе в январе 1942 года на работу управляющим в трест «Похоронное дело» т. П. И. Чайкина удалось несколько укрепить аппарат треста и кладбищ. При всех недостатках работники кладбищ и треста под руководством т. Чайкина и его заместителя т. Тибанова провели очень большую и небывало трудную работу, а некоторые из них проявили еще и исключительную самоотверженность. Так например:

1. начальник штаба отряда МПВО т. Калистратов, инвалид (без одной ноги), в течение почти трех месяцев — декабря, января и февраля — в самые тяжелые дни блокады и работы треста по захоронению самоотверженно, недоедая, засыпая на два-три часа в сутки, а иногда и меньше, не уходя домой, руководил работой транспорта по вывозу покойников из города на

кладбища. Он часто работал больной, с повышенной температурой, но сознавал, что уйти нельзя, так как работы было много, а заменить его было некем;

2. заведующая Пискаревским кладбищем Валерьянова Антонина Владимировна в течение трех месяцев тяжелых бытовых условий жила в конторе кладбища. На этом кладбище в некоторые дни одновременно работали на рытье траншей и захоронении до 700 человек, в феврале завозилось в день для захоронения до 10 000 покойников. И Антонина Владимировна день и ночь организовывала и руководила работой. В лютые морозы, вьюги, днем, поздно вечером и ночью ее всегда можно было видеть за кипучей работой на территории кладбища или в конторе. Она на деле показала себя как истинная патриотка;

3. заведующий Серафимовским кладбищем Беляевский Алексей Яковлевич пришел на эту совершенно ему не знакомую работу 2 февраля 1942 года — в самый трудный период блокады и больших работ по захоронению на этом кладбище. Быстро освоил работу; в течение двух с лишним месяцев не уходя с кладбища, проживая в тяжелых бытовых условиях, не считаясь со временем и здоровьем, организовывал и проводил огромную работу, навел на кладбище порядок. Весной и летом в целях предотвращения эпидемических заболеваний осуществил перезахоронение 2910 индивидуальных и привел в порядок 199 братских могил;

4. Спиридонов Иван Алексеевич, заведующий участком захоронений на правом берегу Невы у Веселого Поселка, в мае 1942 года, будучи направлен на эту новую для него должность исполкомом Володарского райсовета депутатов трудящихся, правильно осознал значение порученной ему работы, быстро ее освоил, сколотил дружный коллектив персонала кладбища, не считаясь со временем и силами, круглыми сутками трудился на участке и обеспечивал бесперебойное захоронение. Весной и летом провел большую работу по рытью запасных и приведению в образцовое состояние уже захороненных братских могил;

5. Сидоров Павел Михайлович, заведующий Большеохтинским кладбищем, молодой товарищ по возрасту и стажу административной работы. На этом кладбище на одном из первых началось большое индивидуальное и массовое захоронение — с первых чисел декабря 1941 года. Могильщики почти все заболели, и т. Сидоров, собрав остатки работников кладбища, преимущественно женщин, правильно их расставил, правильно понял сам и передал своим подчиненным значение проводимой кладбищем работы в условиях блокады и дружно вместе с коллективом взялся за эту работу. Осуществил захоронение 127 братских могил. Весной и летом все братские могилы привел в порядок, произвел перезахоронение 2594 индивидуальных могил. В течение декабря, января и февраля, почти не уходя с кладбища, самоотвер-

женно работал, не считаясь со временем и здоровьем.

Руководимые высоким сознанием долга, в тяжелых условиях, несмотря на суровые морозы и постоянное недоедание, хорошо выполняли свой долг, отдавая все свои силы, **на Волковом кладбище:**

1. Кузьмина Анна Васильевна;
2. Лобанова Матрена Матвеевна;
3. Федорова Мария Ивановна;
4. Кудрявцева Пелагея Дмитриевна;
5. Даниленко Сергей Семенович;
6. Шишов Михаил Никитич.

На Большеохтинском кладбище:

1. Алексеев Андрей Алексеевич;

2. Горячева Феодосия Харитоновна;
3. Егорова Екатерина Ивановна;
4. Хмелинская Клавдия Кузьминична;
5. Алексеева Елена Никитична.

6. Тов. Ефимов — работал до полного истощения и, несмотря на отсутствие сил, ходил на работу до последнего дня жизни. В тот день он был на работе, пошел домой и, не дойдя до квартиры, умер на лестнице своего дома.

На Богословском кладбище:

1. Меленкова Мария Ивановна;
2. Самсонова Ксения Никифоровна;
3. Меленков Павел Александрович;
4. Андрюшов Алексей Алексеевич;
5. Бужинский Виктор Иванович — работал до полной потери сил и истощения, в результате чего умер.

На Серафимовском кладбище:

1. Филатова Наталья Васильевна;
2. Тимофеева Татьяна Григорьевна;
3. Лаврова Фекла Исаевна;
4. Петухова Мария Алексеевна.

Отдельные сотрудники кладбищ, учитывая важность и срочность проводимой работы, трудились до последних сил. Некоторые могильщики, вырыв с невероятным напряжением сил могилу, не в силах были без посторонней помощи из нее выбраться или, опуская покойника в могилу, падали за ним сами.

Имели место случаи, когда могильщики Волкова кладбища Зуев, Новиков, Митькин, Дмитриев и Ковшов умерли на кладбище, на работе. Один из них вырыл

могилу, лег на дно ее отдохнуть и больше не встал — умер.

Все это показывает, что работники кладбищ, невзирая на трудности, считали своим долгом перед родиной отдать все свои силы и жизнь за порученное им дело.

Но масштабы захоронений были таковы, что одним сотрудникам кладбищ и аппарата треста эту работу без помощи исполкомов райсоветов, штаба МПВО, воинских частей и стройорганизаций провести было нельзя. Существенную роль в деле упорядочения мероприятий по вывозу из города покойников и их захоронению сыграли исполкомы райсоветов: Красногвардейского, Московского, Василеостровского, Володарского и Приморского. Они взяли под непосредственный контроль работу кладбищ и ежедневно помогали им рабочей силой, инструментом и транспортом.

Очень большую работу по вывозке покойников из города на кладбища, рытью братских могил и захоронению провели подразделения МПВО под руководством начальника МПВО генерал-майора Лагуткина и начальника штаба майора Трегубова. Из общего очень большого числа личного состава подразделений МПВО следует особо отметить хорошую работу следующих товарищей:

1. Типкин Георгий Иванович — начальник дегазационной команды МПВО участка. В период зимы 1941-1942 года все время работал по рытью траншей в тя-

желых условиях при морозе $-30-35^{\circ}\text{C}$. Работы выполнял в срок, за что имеет благодарность от начальника МПВО города Ленинграда;

2. Зуев Василий Дмитриевич — боец участкового формирования МПВО. Всю зиму 1941-1942 года занимался рытьем траншей, выполняя нормы на 150-200%. Дисциплинированный, преданный делу боец;

3-4. Петров Николай Яковлевич и Алексеев Александр Григорьевич — начальники штаба МПВО Приморского района. Дисциплинированные, энергичные, волевые командиры. За весь зимний период 1941-1942 года формирования МПВО непосредственно руководили рытьем траншей. В результате район отлично справился с возложенными задачами;

5. Устьянцев Иван Николаевич — начальник штаба МПВО Красногвардейского района. В период зимы 1941-1942 года формирования МПВО руководил и непосредственно участвовал в земляных работах по рытью траншей. Район отлично справился с возложенными задачами;

6. Медведева Мария Афанасьевна — командир подрывного взвода 1-й роты

штаба МПВО Ленинграда. В период зимы 1941-1942 года была занята на земляных работах по рытью траншей. Тов. Медведева четко и быстро выполняла задания командования, показывала пример мужества бойцам своего взвода.

В невероятно трудных условиях сотрудниками кладбищ при большой помощи исполкомов районных Советов депутатов трудящихся, подразделений МПВО и стройорганизаций проведена в течение года войны и блокады гигантская, невиданных масштабов работа по захоронению.

Результат работы был достигнут хороший — город и его население, пережив небывалые лишения, после такого массового захоронения с нарушением санитарных норм избежали эпидемических заболеваний.

Начальник УПКО исполкома
Ленгорсовета депутатов трудящихся
А. Карпушенко

*Из книги: «ЛЕНИНГРАД В ОСАДЕ»
ЦГА СПб., ф. 2076, оп. 4, д. 63, л. 147-191.*

Седьмая симфония Дмитрия Дмитриевича Шостаковича

Не хлебом единым жив человек...

27 января 2014 года исполняется 70 лет со дня полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Трагедия мирного населения и воинов, оборонявших город, широко известна.

Но ленинградцы не только страдали — они боролись.

Внутри осадного кольца разрабатывались стратегические планы по деблокадированию города, создавалось оружие, необходимое фронту, изыскивались средства борьбы с голодом, предпринимались меры по сохранению здоровья людей и поддержанию в них душевных сил, столь необходимых для сопротивления и победы над врагом.

Каждый горожанин вносил свой посильный вклад. Не остались в стороне и деятели литературы и искусства, чьи имена вошли в «золотой фонд» отечественной культуры военных лет.

В этой плеяде почетное место занимает имя великого русского композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

Д. Д. Шостакович родился 25 сентября 1906 года в Санкт-Петербурге. Он был очень молод, когда город был переименован сначала в Петроград, а затем в Ленинград. Именно с Ленинградом связаны важнейшие события его жизни и творчества. Он сам говорил: «Ленинград — это мой дом».

*Портрет Мити Шостаковича. 1919 г.
Художник Б. Кустодиев*

Наш город был «домом» не только для Дмитрия Дмитриевича, но и для других членов его семьи. Ведь еще его дед Болеслав Петрович Шостакович, поляк по происхождению, жил в Петербурге, но был осужден на пожизненную ссылку в Томскую губернию за причастность к делу Д. Каракозова, покушавшегося на жизнь императора Александра II, и за укрывательство государственного преступника

Ярослава Домбровского, который, оказавшись во Франции, стал генералом Парижской Коммуны и погиб на ее баррикадах.

Отец, Дмитрий Болеславович, родился в Сибири, но для продолжения образования был отправлен родителями в Санкт-Петербург, где поступил на естественное отделение университета. После получения диплома был приглашен Д. И. Менделеевым для работы в Главной палате мер и весов, в которой много лет трудился под руководством великого ученого-химика. По отзывам современников, Д. Б. Шостакович был обаятелен и музыкален.

Мать, Софья Васильевна, урожденная Кокоулина, училась в Консерватории, но после замужества оставила занятия и посвятила себя мужу и детям, которых было трое: две дочери и сын Митя. Семья жила дружно и счастливо.

Мать сама учила детей игре на фортепиано. Занимаясь с Дмитрием, она обратила внимание на его склонность к импровизации и решила показать сына известному педагогу И. А. Гляссеру, организовавшему свою музыкальную школу, в которую мальчик и был принят. Обучение проходило успешно. Его интерес к сочинению музыки преподавателями поощрялся.

Родители были в затруднении, не зная, какое профессиональное направление выбрать для сына. В 1919 году произошла встреча талантливого подростка с композитором А. К. Глазуновым, кото-

рый убедил отца и мать учить мальчика композиции и дал совет поступать в Консерваторию. В том же году Д. Д. Шостакович был зачислен студентом в Консерваторию и обучение в ней сочетал с учебной работой в школе.

В 1920 году им была написана опера «Цыганы» на сюжет поэмы А. С. Пушкина. Опера не получила широкой известности, но именно этот год Дмитрий Дмитриевич считал началом своей профессиональной композиторской деятельности.

В 1922 году умирает отец Дмитрий Болеславович и семья оказывается в крайне тяжелом материальном положении. Необходимость помогать семье заставляет 16-летнего Дмитрия искать возможность заработка. Наряду с учебной работой в Консерватории он участвует в платных концертах и работает тапером в кинотеатрах города, сопровождая игрой на пианино демонстрацию немых фильмов.

А. К. Глазунов, стараясь поддержать талантливого юношу, добивается у наркома А. Луначарского включения Шостаковича в список деятелей науки и искусства, имевших право на дополнительное питание. До окончания Консерватории он получал персональную стипендию.

Выпускной экзамен состоялся 17 июля 1923 года. У Д. Д. Шостаковича он прошел с триумфом. В прессе появились первые печатные отзывы о нем.

Наступила пора самостоятельной творческой деятельности. Шостаковичу было 20 лет, когда он написал свою пер-

вую симфонию, редактором которой был А. К. Глазунов. Она с успехом была исполнена не только в городах нашей страны, но и в Берлине. Всего в довоенный период Шостаковичем было создано шесть симфоний, но молодой композитор проявлял профессиональный интерес и к другим музыкальным формам. Наряду с инструментальными произведениями он создает оперы «Нос», «Катерина Измайлова», балеты «Болт», «Золотой век», пишет музыку к театральным постановкам и кинофильмам.

В 1930-е годы появляется звуковое кино, а вместе с ним и новый вид искусства — киномузыка. Ведущие кинорежиссеры тех лет: Г. Козинцев, Л. Трауберг, С. Юткевич и другие — активно привлекают Дмитрия Дмитриевича к совместной работе.

Он пишет музыку к таким картинам, как «Встречный», «Подруги», «Трилогия о Максиме» и другие. «Встречный» — один из самых первых звуковых фильмов в нашей стране. Песня, написанная к нему на слова Б. Корнилова, звучит и в наши дни, и не только у нас. В Швейцарии она стала народной свадебной песней.

В тридцатые годы Шостакович много концертирует по стране и сам исполняет свои произведения. Его имя известно не только у нас, но и за рубежом.

В 1937 году он стал преподавателем Консерватории по приглашению ректора Б. И. Загурского. Среди его студентов были будущие композиторы Г. Свиридов и О. Евлахов.

Дмитрий Дмитриевич активно участвовал и в общественной жизни. Был избран депутатом Октябрьского районного совета трудящихся, а затем и Ленинградского городского. Также он вошел в состав правления Союза советских композиторов (Ленинградское отделение) и много помогал начинающим авторам.

В 1932 году он женился на студентке физико-математического факультета Ленинградского государственного университета Нине Васильевне Варзар. Молодые супруги были счастливы. У них росли маленькие дочь и сын. В предвоенные годы семья проживала на Большой Пушкарской ул., 23/59 (ныне 29/37), в квартире №5.

После окончания в Филармонии концертного сезона 1940-1941 года Дмитрий Дмитриевич подал заявку на включение в репертуар 1941-1942 года Седьмой симфонии, к написанию которой он собирался приступить.

Известие о начале войны застало Д. Шостаковича в Малом зале Консерватории, где он принимал у выпускников государственные экзамены. Кто-то положил на стол записку с единственным словом «Война».

Трагедия, которая стояла за этим словом, резко изменила привычное течение жизни. Д. Шостакович написал заявление с просьбой отправить его на фронт, но ему было отказано.

Вместе с коллективом Консерватории он мобилизован на оборонные работы и роет окопы в районе больницы Фореля.

По завершению задания Шостакович вместе с известным пианистом В. Софроницким был зачислен в пожарную команду и дежурил на «Посту №5», то есть на крыше здания Консерватории. Фотография композитора в форменном обмундировании публиковалась во многих периодических изданиях у нас и за рубежом.

Некоторые деятели искусств выражали опасения, стоило ли так рисковать талантливым композитором, ведь это могло лишить всех нас Седьмой симфонии, на что знаменитый драматический актер В. Яхонтов ответил: «А может быть, иначе не было бы Седьмой симфонии?».

В июле стало формироваться народное ополчение. Шостакович был зачислен в 3-ю дивизию и назначен заведующим музыкальной частью Театра народного ополчения. Начали создаваться также концертные фронтовые бригады. Дмитрий Дмитриевич участвовал в подготовке репертуара и подборе исполнителей, занимался обработкой музыкальных произведений, делая возможным их исполнение в походных условиях.

Самым востребованным жанром становится песня. Он участвует в подготовке песенников. Лично просматривает поступающий материал, отбирает лучшее. Им самим для 3-й дивизии была написана песня «Идут бессмертные полки». Всего ленинградскими композиторами за лето и осень 1941 года было создано около 400 песен.

Но, работая с малыми формами, Дмитрий Дмитриевич не находил полного

творческого удовлетворения. Он считал, что только крупномасштабное симфоническое произведение может дать наиболее полную картину трагедии, которая обрушилась на нашу Родину.

Положение на фронте было тревожным. С июля на Лужском рубеже велись упорные бои. Городу угрожала опасность.

Д. Шостакович говорил, что его обуяло страстное желание скорее внести свой ощутимый вклад в борьбу. И уже 15 июля 1941 года он приступил к работе над симфонией, которую впоследствии стали называть Седьмой, Ленинградской, Огненной.

Писал он увлеченно и быстро. Брал партитуру с собой на дежурство на пост №5 и прерывался только по сигналу «Воздушная тревога», что и отмечал в рабочих записях буквами «в.т.». Произведение задумывалось как четырехчастное.

Он закончил первую часть 3-го, вторую — 17-го, третью — 29 сентября, а четвертую — 27 декабря, уже находясь в эвакуации в г. Куйбышеве (Самара).

Трудно поверить, что такое грандиозное произведение написано в столь короткий срок, но он сам писал композитору Шебалину: «Сочиняю я с адской скоростью и не могу остановиться».

На титульном листе автор написал: «Посвящается городу Ленинграду...»

В городе знали, что Шостакович пишет симфонию. 17 сентября он выступил по радио и рассказал ленинградцам о своей работе.

В это трудное время Шостакович занимался не только музыкальной, но и общественной деятельностью, так как был утвержден председателем президиума Ленинградского отделения Союза композиторов.

Дмитрий Дмитриевич хлопотал о материальной поддержке семей композиторов-фронтовиков, ссужал деньгами тех, у кого были маленькие дети, помогал с эвакуацией.

Из города уехали Академическая капелла — в Киров, Консерватория — в Ташкент, Филармония — в Новосибирск, Те-

атр оперы и балета им. С. М. Кирова — в Пермь, Малый оперный — в Оренбург.

Сам Шостакович от предложений покинуть Ленинград отказывался.

Кроме того, на нем лежала и забота о своей семье, где были двое детей. Каждый день после работы он заходил к матери, которая жила с его сестрой и маленьким племянником, и делился с ними своим пайком.

30 сентября раздался звонок из Смольного с категорическим требованием об эвакуации: «Раз вас вывозят — значит нужно!».

Шостакович с женой и детьми вылетел из Ленинграда самолетом. Вещей взяли мало — только самое необходимое. Правда, пришлось взять большую куклу, с которой дочь никак не желала расставаться. Партитуру симфонии положили в чемодан с одеждой.

В столице поселились в гостинице «Москва». Это было тяжелое время. Немцы приближались к главному городу нашей страны и были уверены в победе. Часто звучали сигналы воздушной тревоги, и надо было спускаться в бомбоубежище. Д. Д. Шостакович стал просить разрешения вернуться в Ленинград, но ему было отказано.

Тогда Дмитрий Дмитриевич попросил, чтобы его включили в группу композиторов, эвакуирующихся из Москвы. Среди них были А. И. Хачатурян и Д. Б. Кабалевский.

При посадке в поезд Шостаковичи потеряли вещи. Дмитрий Дмитриевич был в отчаянии — ведь вместе с ними была и рукопись симфонии.

Высадились они в Куйбышеве, где встретили старую знакомую — художницу Анну Вильямс, которая приютила их в своей крохотной комнатке. Вместе они прожили несколько дней, пока семье Шостаковича не дали комнату. Рукопись благополучно нашлась вместе с остальными вещами на вокзале.

Композиторы, оказавшиеся в Куйбышеве, сформировали отделение Союза композиторов, а председателем правления выбрали Дмитрия Дмитриевича.

Он, как и в Ленинграде, считал главной своей обязанностью заботу о семьях музыкантов-фронтовиков, помогал им материально и предоставлял временный приют, в том числе в своей комнате.

В декабре 1941 года он завершил работу над Седьмой симфонией и задумался вопросом: кто, где и когда сможет ее исполнить. Многие музыканты ушли на фронт, другая война разбросала по разным городам.

Самая заветная мечта — чтобы его симфония была исполнена в Ленинграде. Но город в блокаде, ленинградцы измучены голодом и лишениями.

Первое ознакомление с симфонией происходило на квартире известной арфистки В. Г. Дуловой. Присутствовали певец А. И. Батулин, пианист Лев Оборин и дирижеры Большого театра А. Мелик-Пашаев и С. А. Самосуд. Услышанное всех потрясло! Самосуд тут же забрал партитуру и сказал, что он завтра же начнет репетиции с оркестром.

Д. Д. Шостакович и С. А. Самосуд перед премьерой Седьмой симфонии. 1942 г.

Для репетиций был выделен зал Дворца культуры. Музыканты к работе над симфонией относились с большой ответственностью. Ее нельзя было исполнить плохо. Она имела огромное не только культурное, но и морально-политическое значение.

Самосуд писал, что в тот момент, когда весь мир повергся в пучину небывалого катаклизма, в этот момент именно в Советской стране появляется такой Эльбрус музыкального творчества, как Седьмая симфония.

5 марта 1942 года в Куйбышеве состоялась премьера Седьмой симфонии. Дирижировал С. А. Самосуд. Исполнялась она во Дворце культуры и транслировалась всеми радиостанциями Советского Союза. На концерте присутствовали государственные деятели, дипломаты, деятели культуры, корреспонденты отечественных и зарубежных газет.

Исполнение симфонии вызвало массу печатных отзывов. А. Толстой писал: «Седьмая симфония возникла из совести русского народа... Написанная в Ленинграде, она выросла до размеров большого искусства...»

29 марта Седьмая симфония была исполнена в Москве. Дирижировал С. А. Самосуд. Присутствовал Д. Д. Шостакович. Как и в Куйбышеве, концерт прошел с большим успехом.

22 июня Седьмая симфония была исполнена в Ташкенте, а 9 июля — в Новосибирске оркестром Ленинградской филармонии. Дирижировал Е. А. Мравинский. На концерте присутствовал Шостакович.

Перед началом со вступительным словом выступил Соллертинский.

В апреле Д. Д. Шостакович отнес рукопись в типографию. Это был его единственный экземпляр, который он привез из блокадного Ленинграда. На титульном листе он написал «Посвящается городу Ленинграду». Тираж партитуры был 700 экземпляров. Сама рукопись передана в Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки.

11 апреля 1942 года было опубликовано постановление Совета Народных Комиссаров СССР о присуждении Д. Д. Шостаковичу Государственной премии первой степени. Вскоре ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Слава Седьмой симфонии Шостаковича перешагнула рубежи нашей Родины. Интерес к ней проявили некоторые страны Европы и Американского континента.

22 июня 1942 года, в годовщину нападения гитлеровцев на Советский Союз, симфонию исполняют в Лондоне. Дирижер — Генри Вуд.

В этом же году она звучит в шведском городе Гетеборге. Дирижер — И. Добровейн.

Большой успех творение Шостаковича ждал в США. Многие ведущие дирижеры претендовали на право премьерного исполнения. Среди них 75-летний А. Тосканини, С. Кусевицкий, Л. Стоковский и другие.

Но Дмитрий Дмитриевич предпочел всем Тосканини.

Артуго Тосканини — выдающийся дирижер своего времени. Много лет он отдал оперному театру, но так же успешно он работал и с симфоническими оркестрами. В 1929 году он уехал из Италии в США, так как на его родине к власти пришли фашисты.

19 июля 1942 года в Нью-Йорке состоялась премьера Седьмой симфонии. Ее исполнил оркестр Национальной радиовещательной компании. Дирижировал Артуго Тосканини.

Успех был огромен! Было опубликовано много восторженных отзывов, в некоторых из них Седьмую симфонию сравнивали с творениями Бетховена.

Журналист А. Колдуэлл в «Ивнинг рекорд» писал: «После последнего взмаха Тосканини, завершившего поистине грандиозный финал симфонии, я думаю, что каждый из присутствующих в зале, повернулся к своему соседу (я сделал это!) и сказал: «Какой дьявол может победить народ, способный создавать музыку, подобную этой?!».

За год симфония была исполнена не менее 60 раз. Она звучала в Канаде, Мексике, Аргентине, Перу и Уругвае. Дирижировали Э. Макмиллан, К. Чавес, Х. Кастро, Ф. Буш. По завершении финала люди аплодировали стоя. Исполнялся гимн страны.

Но вернемся в Ленинград 1942 года. 5 марта группа сотрудников радиокомитета слушала Седьмую симфонию, которую транслировали из Куйбышева. После окончания передачи кто-то предложил: «А что, если и нам попробовать?». Пред-

ложение было заманчивым, но трудно-выполнимым. Самая тяжелая блокадная пора еще не миновала.

Летом 1941 года из Ленинграда были эвакуированы Консерватория и Филармония. Симфонический оркестр радиокомитета остался единственным в городе, и на него легла вся ответственность за состояние музыкально-концертной деятельности. Дирижером был Карл Ильич Элиасберг. Положение в блокированном Ленинграде с каждым днем ухудшалось, тем не менее коллектив продолжал работать.

28 сентября в 24 часа по московскому времени оркестр играл 5-ю симфонию П. И. Чайковского, которую транслировали для Англии.

Оркестр выступал теперь не только в радиокомитете, но и в Большом зале Филармонии. Исполнялись произведения русских и зарубежных композиторов. Зал всегда был полон.

9 ноября, когда продуктов оставалось на несколько дней, а по городу было выпущено 197 вражеских снарядов, в Филармонии состоялся концерт. Была исполнена 9-я симфония Бетховена, которая завершилась одой Шиллера «К радости». Люди встали и молча, без улыбки, аплодировали.

7 декабря состоялся последний концерт 1941 года. В программу были включены 5-я симфония Бетховена и увертюра «1812 год» П. Чайковского, в которой Элиасберг заменил старый гимн «Боже, царя храни» на хор «Славься» из оперы М. Глинки «Иван Сусанин».

Музыканты и слушатели сидели в промерзшем зале, одетые в ватники, пальто и полушубки.

Это был самый трагический период ленинградской блокады. Норма хлеба — 125 граммов, отсутствие тепла и света отнимали у людей последние силы. В середине декабря прекратил работу городской транспорт.

В концертной деятельности оркестра наступил перерыв, который продлился до 5 апреля 1942 года.

Зимой 1942 года в гостинице «Астория» открылся стационар для поддержки деятелей науки и искусства. Туда вместе с женой был помещен и К. И. Элиасберг. С Васильевского острова, где он жил, в стационар его везли на детских саночках, сам он идти не мог, и только после того, как его там немного подкормили, смог самостоятельно передвигаться.

Вскоре его к себе пригласил Б. И. Загурский. Он вернулся после контузии с фронта и занимал должность начальника управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета. Речь шла о восстановлении оркестра. Прежде всего о людях. Потери были велики. Из 105 оркестрантов, 27 человек умерли, кто-то ушел на фронт, кто-то эвакуировался. Многие сильно истощены. Только единицы были работоспособны.

Вывесили объявление и передали его по радио: «Просьба ко всем музыкантам Ленинграда явиться в Радиокomiteт». Руководитель радиовещания Я. Бабушкин вспоминал, как оживились люди,

когда их стали вытаскивать из темных квартир, как извлекали они свои концертные фраки и музыкальные инструменты и как в обледенелом здании Радиокomiteта начались репетиции.

Загурский добился для музыкантов дополнительных пайков, а для исполнителей на духовых инструментах — карточек для рабочих.

Власти города поддерживали музыкантов. Элиасбергу был выделен велосипед и дана квартира в здании Филармонии, расположенном недалеко от Радиокomiteта, так как он еще плохо ходил после пережитого зимой.

К музыкантам потянулись и певцы: С. П. Преображенская, Н. Л. Вельтер, В. И. Касторский.

5 апреля в помещении Театра драмы им. А. С. Пушкина после долгого перерыва состоялось открытие концертного сезона. Элиасберга, еще не окрепшего после зимы, привели под руки. Зрители тепло приветствовали исполнителей.

После того как оркестр был восстановлен, стали решать вопрос об исполнении Седьмой симфонии Шостаковича. Для этого надо было получить партитуру. Я. Бабушкин сделал запрос, и 2 июля летчик Литвинов доставил из Москвы четыре тетради, которые он лично принес в Радиокomiteт.

Ознакомившись с партитурой, Элиасберг был удручен. Для исполнения симфонии требовался увеличенный состав оркестра, особенно в части духовых инструментов. Взять людей было неот-

куда, и Карл Ильич решил обратиться к военному командованию.

Его принял начальник политуправления Д. Холостов. В начале к просьбе дирижера он отнесся скептически: «Бросим воевать, пойдем играть!» Но потом спросил, где находятся музыканты, и услышав, что часть в оркестре комендатуры, а другие на фронте, обещал помочь. Вопрос был в том, как их отыскать.

Вернувшись в Радиокomiteeт, Элиасберг стал просматривать письма фронтовиков, и по номерам полевой почты нужных людей удалось найти. Все они были отозваны с фронта, а в их командировоч-

Карл Ильич Элиасберг

ных удостоверениях указано, что они должны явиться в распоряжение дирижера Элиасберга.

Начались репетиции оркестра. Работать пришлось в небывало трудных условиях. Люди были истощены. Пальцы утратили былую гибкость, духовикам в легких не хватало воздуха, было тяжело держать инструменты, особенно медные. Репетиции длились по пять-шесть часов. Но дирижер был требователен, и постепенно все препятствия удалось преодолеть. Музыканты добились должного звучания оркестра.

10 июля О. Ф. Берггольц выступила по радио и сообщила, что оркестр Радио-

комитета работает над Седьмой симфонией Д. Д. Шостаковича и что скоро появится афиша о ее исполнении. «Может быть, эта афиша будет висеть рядом с прошлогодним воззванием «Враг у ворот». Может быть, к тому времени воззвание будет уже только историей. Но пока оно еще звучит. Да, враг еще у ворот!»

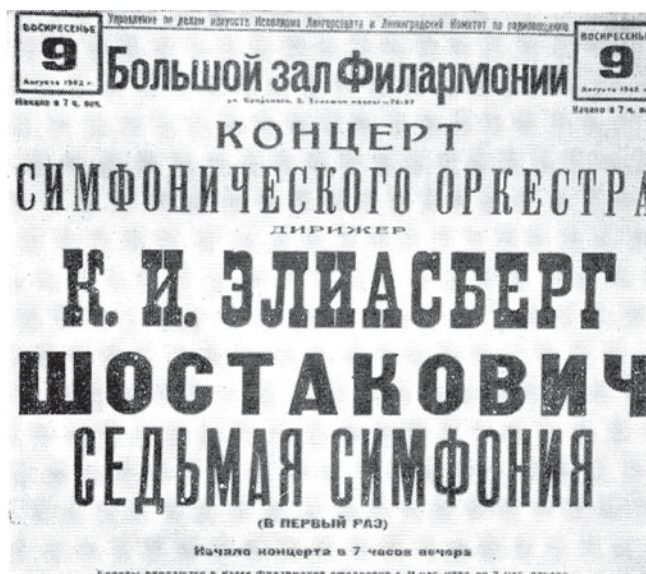
Да, враг действительно все еще был у ворот! Город ежедневно подвергался артиллерийским обстрелам и бомбардировкам. Немцы знали, что в городе готовится к исполнению Седьмая симфония Шостаковича и существовала реальная угроза, что они предпримут попытку сорвать концерт, начав обстрел здания Филармонии и площади Искусств, что неминуемо привело бы к большим человеческим жертвам. Необходимо было принять контрмеры.

Поэтому, когда еще шли репетиции, командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров пригласил командиров-артиллеристов и дал задание, чтобы во время концерта ни один вражеский снаряд не разорвался на улицах города. Началась подготовка к выполнению приказа. В шутку ее назвали «второй репетицией».

Прежде всего, еще раз уточнили место расположения батарей противника, определили нужное количество снарядов и их калибр. Также необходимо было рассчитать длительность операции. Исходили из того, что для исполнения симфонии потребуется 80 минут, сбор публики 30 минут и разъезд тоже 30 минут. Итого — 2 часа 20 минут.

В артиллерийский «оркестр» вошли дальнобойные орудия. «Басовую группу» составили орудия главного калибра морской артиллерии. Для подавления огня противника было выделено три тысячи крупнокалиберных снарядов. «Дирижером» был назначен командующий артиллерией 42-й армии Михаил Семенович Михалкин. Операции было присвоено кодовое название «Шквал».

Как и предсказывала в своем выступлении Ольга Берггольц, на улицах Ленинграда появились афиши, извещающие горожан о том, что 9 августа 1942 года в 19.00 в Большом зале Филармонии симфоническим оркестром под управлением К. И. Элиасберга будет исполнена Седьмая симфония Шостаковича. И в круглых скобках мелким шрифтом добавлено «в первый раз», то есть — в Ленинграде. Афиша была издана небольшим тиражом и в настоящее время оставшиеся экземпляры хранятся в Российской национальной библиотеке.

Со дня начала блокады прошло 11 месяцев. Город и его жители находятся во вражеском кольце, и вот происходит событие, которое современники назовут «венцом творческой деятельности блокадного оркестра» и «событием исторического масштаба».

Большой вклад внесли и технические службы. Комендант Филармонии А. Петров, несмотря на трудности зимы 1941-1942 года сумел сохранить красоту концертного зала.

Осветитель М. Пирогов устанавливал аппаратуру на хорах напротив эстрады. Он должен был участвовать в съемках документального фильма, но, к сожалению, сделать этого не удалось из-за слабого напряжения в сети.

Н. Беляев подготавливал радиотехнику к трансляции, которая должна была вестись на весь город.

Благодаря усилиям электриков в зале горели все люстры, хоть и в полнакала.

Добровольцы дежурили на крыше на случай налета авиации.

День 9 августа был солнечным и теплым. Люди стали собираться за час-полтора до начала концерта, так как боялись опоздать из-за тревоги. В 18 часов 30 минут раздались первые раскаты выстрелов нашей артиллерии.

Л. А. Говоров прислушался и сказал: «Наша симфония началась».

На концерте присутствовали представители руководства города и командования Ленфронта: А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, Л. А. Гово-

ров, Д. И. Холостов, а также писатели, музыканты и другие видные деятели науки и культуры.

Среди публики в зале были и постоянные посетители, и люди, пришедшие в Филармонию впервые. Некоторые были в гражданской одежде, но большинство — в военной форме.

На лицевой стороне программки, распространявшейся перед концертом, в качестве эпиграфа приведены слова Д. Д. Шостаковича: «Нашей борьбе с фашизмом, грядущей победе над врагом, моему родному городу Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию».

Исполнение симфонии Радиокomite-том транслировалось по всему городу как свидетельство неистребимого духа ленинградцев, их стойкости и веры в победу. Перед началом концерта диктор объявил: «Слушайте, товарищи! Сейчас будет включен зал, откуда будет исполняться Седьмая симфония Шостаковича».

Прозвучал третий звонок, и на эстраду стали выходить музыканты. Очевидцы свидетельствуют, что более пестрого оркестра в стенах Филармонии не было. Одни были одеты в военную форму, другие были в пиджаках, джемперах и т.п.

Карл Ильич Элиасберг вышел подтянутый, во фраке. Он занял свое место дирижера и сделал первый взмах рукой... Историческое исполнение легендарной симфонии началось.

Зазвучала музыка. Она рассказывала собравшимся в зале о мирной предвоенной жизни, о надвигающейся угрозе

СОСТАВ СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА

1-е скрипки

1. АРЖИН С. А. — солист
2. МАТУЛИН Д. М.
3. ДУБИН С. А.
4. МИНАТОВ В. С.
5. ПРИБИТОВ А. Р.
6. ГИТЕР В. С.
7. ЕРМАКОВ С. В.
8. ГЕРШЕНБЕРГ А. Д.
9. ПАВЛОВ С. И.
10. ВЕРДИНОВ В. И.

2-е скрипки

11. САВЕЛЬЕВ В. В.
12. ОКУНЬ Э. И.
13. ЗАЦАРНИН А. Л.
14. СЛОВИДСКАЯ С. В.
15. КАЧУБОВСКАЯ Р. А.
16. ЛЕВИТИН П. И.
17. ФЕДЬКО Г. Ф.
18. КРЕСИН Н. О.

Альты

19. ВСЕНЕСКИЙ И. А. — солист
20. ПИНОРЛОВСКИЙ И. И.
21. ИГНАТИЕВКО Е. Д.
22. НАРОДОВИЧСКИЙ А. И.
23. МИНСКИН Н. И.
24. ЕДИЗАРОВ В. А.

Виолончели

25. АНАНИН К. М. — солист
26. САФОНОВ А. И.
27. ХРАМОВ Н. В.
28. ШОСТАКОВ И. И.

Контрабасы

29. ШЕМО П. Д. — солист
30. БАЛАУЗЕВ И. В.
31. АГАБЕКОВ Г. Ф.
32. ФЕДОРОВ Д. Я.

Арфы

33. ПОВЕРХОВА Л. А. — солист
34. ГРУБЕРОВ Д. Ф.

Рояль

35. ЕРОШИНОВА Н. Э.

Флейты

36. ТЕЛЫТНИК С. Ф. — солист
37. ЕРШОВА Г.
38. СОЛОВЬЕВ А. И. } солисты
39. КАЦМАН Д. С. }

Трубы

40. МУЗЕНКО З. Ф. — солист
41. ГРИСЕН П. В.
42. КЛИМОВ Г. Д.
43. ГЛИНСКИЙ В. П.
44. НОСОВ И. А.
45. ПОЧЛАД А. Ф.
46. ВАХРАМЕЕВ В. А.

Тромбоны

47. ОРЛОВСКИЙ В. М. — солист
48. СМОЛЕН М. Е.
49. ЮДИН И. И.
50. БОГДАНОВ П. В.
51. КАРПЕН И. И.
52. ЦЕКАЛОВ И. М.
53. ИДЕЛЬСОН Ж. А.

Тубы

54. ШАДОВСКИЙ А. И.
55. МУРЗАКОВ И. Э.

Литавры

56. ОСАДЧУК В. Е. — солист

Ударные

57. ПЕТРОВ А. А.
58. МУЗЕНКИН А. И. а. в. р.
59. КУЛИКОВ Е. И.
60. АЙДАРОВ Ж. И.

ДИРИЖЕР — ЭЛИАСБЕРГ Н. И.
Ассистент дирижера — АРЖИН С. А.

Руководители дутых оркестров, участвующих в исполнении симфонии:
Исполнитель I рода ГЕНСАЛТ А. М.
Исполнитель оркестра — ПРИБИТОВ А. Р.
Исполнитель III рода МАСЛОВ Е. И.
Баллотировщик — ШЕЛКИНА О. О.

1942

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ИСПОЛКОМА ЛЕНИНГРАДСКОГО
И
ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
БОЛЬШОЙ ЗАЛ ФИЛАРМОНИИ

„Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду и посвящаю свою 7-ую симфонию“.

Д. ШОСТАКОВИЧ

Ц. О. „Правда“ № 63 (8339), 26/11-42.

СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ

Дмитрия ШОСТАКОВИЧА

ЛЕНИНГРАД
1942

Дмитрий ШОСТАКОВИЧ

дважды лауреат Сталинской премии

СИМФОНИЯ № 7

оп. 60

(в 1-й раз)

I часть — Allegretto, C-dur

II часть — Moderato poco allegretto, h-moll

III часть — Adagio, D-dur

IV часть — Allegro non troppo, Ee-dur, C-dur

исполнит Ленинградский симфонический оркестр

Дирижер — Н. И. ЭЛИАСБЕРГ

„Седьмая симфония возникла из с. вестей русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами. Написанная в Ленинграде, она выросла до размеров большого мирового искусства, понятного на всех широтах и меридианах, потому что она рассказывает правду о человеке в небывалую годину его бедствий и испытаний“.

Аленой ТОЛСТОЙ

Ц. О. „Правда“ № 47 (5825), 23/11-42

„Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича — это выражение растущей и неизбежной победы советского народа над гитлеровской Германией, симфония всепобеждающего мужества, симфония торжествующей правды советского народа над всеми реакционными силами мира“.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

Ц. О. „Правда“ № 83 (8360), 30/11-42.

и бедствиях, обрушившихся на город, о невозвратных потерях, яростной борьбе и победе над врагом.

Эту музыку слушали не только в зале. Ее слушали у репродукторов дома и на улицах. Ее слушали люди, пережившие страшную зиму 1941-1942 года и все еще остававшиеся в условиях осажденного города. До прорыва блокадного кольца оставалось еще четыре с половиной месяца.

Композитор В. М. Богданов-Березовский писал: «Нельзя говорить о впечатлении от симфонии. Это не впечатление, а потрясение!».

Любимый ленинградцами артист Театра музыкальной комедии А. Королькевич в своей книге «А музы не молчали» вспоминал: «Я не только слышал, я видел музыку. Я ее ощущал — грядущую Победу...»

Управлял и парил над всем этим скелетообразный Элиасберг, готовый выскочить из своего фрака, который болтался на нем... Когда играли финал, весь зал встал. Я стоял вместе

со всеми потрясенный, мурашки бегали по спине».

Во время исполнения симфонии звуки музыки и артиллерийской стрельбы сливались воедино.

Л. А. Говоров, пожимая руку К. И. Элиасбергу, сказал: «Мы для вас тоже поработали». За все время концерта на город не упал ни один снаряд!

Молодой солдат, участник тех событий, написал стихотворение:

*И когда в знак начала
Дирижерская палочка поднялась,
Над краем передним, как гром, величаво
Другая симфония началась, —
Симфония наших гвардейских пушек,
Чтоб враг по городу бить не стал,
Чтоб город Седьмую симфонию слушал...
...И в зале — шквал,
И по фронту — шквал...
...А когда разошлись по квартирам люди,
Полны высоких и гордых чувств,
Бойцы опустили стволы орудий,
Защитив от обстрела площадь Искусств.*

После войны он окончил Ленинградский театральный институт и работал в области культуры.

Д. Д. Шостакович прислал приветственную телеграмму.

Было опубликовано много восторженных отзывов, а Седьмая симфония прочно вошла в репертуар оркестра.

Исполнение симфонии не оставило равнодушными и наших противников, чему имеется немало свидетельств. Вот одно из них.

В 1970-е годы в Ленинград с туристской группой приехали двое молодых людей из Германской Демократической Республики. Они рассказали К. И. Элиасбергу, что их отцы сидели в окопах под Ленинградом, когда исполнялась Седьмая симфония. Музыка транслировалась по радио через громкоговорители на весь город. Услышав ее, немцы поняли, что эту страну им не победить.

За создание Седьмой симфонии Шостакович был награжден медалью «За оборону Ленинграда» и удостоен Государственной премии.

После окончания Великой Отечественной войны Дмитрием Дмитриевичем было создано еще восемь симфоний, значительное количество инструментальных произведений, вокально-симфоническая поэма «Казнь Степана Разина», музыка к кинофильмам «Гамлет», «Король Лир», «Овод», оперетта «Москва-Черемушки» и другие произведения, которые вошли в золотой фонд не только отечественной, но и мировой музыкальной культуры.

Композиторскую деятельность Шостакович сочетал с общественной. Он был депутатом Верховного Совета СССР 6-го созыва, активно работал в Союзе композиторов СССР, являлся почетным членом музыкальных обществ ряда стран, был профессором Ленинградской консерватории.

Правительство высоко ценило его за услуги. Он имел звание Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных и Ленинской премии, был награжден орденами и медалями.

Начиная с 1960-х годов здоровье Дмитрия Дмитриевича стало ухудшаться, но он мужественно боролся, продолжал творить и был полон замыслов. Весной 1975 года он начал писать сонату, но закончить работу над ней не успел. Летом его не стало.

Скорбное известие облетело всю страну. В газетах был опубликован некролог, подписанный Л. И. Брежневым и другими руководителями партии и правительства. Сочувственные отклики появились и в прессе зарубежных стран, в газетах «Нью-Йорк таймс», лондонской «Гардиен» и других.

Похоронен Д. Д. Шостакович в Москве на Новодевичьем кладбище.

Дмитрий Дмитриевич любил Ленинград, и город хранит о нем добрую память. На доме, где была создана бессмертная симфония, и на здании Филармонии, где она была исполнена в 1942 году, установлены мемориальные доски.

Ленинградской (Санкт-Петербургской) филармонии присвоено имя Д. Д. Шостаковича.

В 1962 и 1972 годах были организованы торжественные концерты, приуроченные к 20- и 30-летию юбилею первого исполнения симфонии в блокированном Ленинграде. Были приглашены участники этих событий.

25 сентября 2011 года в честь 105-летия Д. Д. Шостаковича в Большом зале Филармонии под руководством Юрия Хатуевича Темирканова была исполнена Седьмая симфония.

Юрий Хатуевич — один из крупнейших дирижеров в нашей стране и за рубежом. Воспитанник Ленинградской консерватории, мальчиком он пережил Великую Отечественную войну, на которой погиб его отец. Зал был переполнен. Большую часть слушателей составляла молодежь.

В 1960-х годах в школе №235, по инициативе преподавателя Е. Линда и поддержке всех учителей школы, был создан музей «А музы не молчали», посвященный первому исполнению Седьмой симфонии в Ленинграде. Музей уникален. В нем хранится партитура симфонии с личными автографами композитора, дирижерская палочка К. И. Элиасберга, с которой он вышел к оркестру 9 августа 1942 года. Имеются и другие ценные реликвии. Школьники сами проводят экскурсии, занимаются оформлением экспонатов, приобщаясь к исследовательской работе. Музей имеет звание народного.

В 1995 году Ю. А. Башмет создал благотворительный фонд, которым учреждена премия им. Д. Д. Шостаковича.

В 1942 году в газете «Известия» Дмитрий Дмитриевич писал: «Моя мечта, чтобы Седьмая симфония в недалеком будущем была исполнена в Ленинграде, в родном моем городе, который вдохновил меня на ее создание». Его мечта сбылась 9 августа 1942 года.

Умер Д. Д. Шостакович 9 августа 1975 года. В своем прощальном слове композитор Т. Хренников сказал: «Шостакович не умер. Он ушел в бессмертие».

А. А. Самохвалова

И между строчек синий платочек снова встает предо мной

Есть в Петербурге уникальный народный музей, созданный 45 лет назад блокадниками, ленинградцами-фронтовиками, энтузиастами послевоенных поколений. Он называется «А музы не молчали» и все эти годы существует при школе, носящей имя Дмитрия Шостаковича. Сквозной темой его замечательной экспозиции является духовная жизнь осажденного города. Стол Ольги Берггольц, пишущая машинка Даниила Гранина; дирижерская палочка Карла Элиасберга, стоявшего за пультом во время первого исполнения Ленинградской симфонии; издания, выпущенные во время блокады, афиши... Среди них и афиша концерта «артистки Ленгосэстрады» Клавдии Шульженко и джаз-ансамбля Владимира Коралли, состоявшегося в 1942 году. Того самого, на котором певица исполнила ставший к тому времени уже знаменитым «Синенький скромный платочек». Так любимая миллионами песня впервые «вживую» появилась в родном городе Михаила Максимова — человека, давшего довоенному вальсу Ежи Петербургского вторую жизнь.

22 июня 1941 года было нежарким, но солнечным. Обычный выходной день, и ленинградский инженер-технолог Михаил Максимов с женой и семилетней дочкой Леной отправился в Петергоф. «С подружкой, также поехавшей с нами, сфотографировались в парке, фото должны были прислать через несколько дней, — рассказывает Елена Михайлов-

на. — Народу было множество, и мы ушли в глубь парка, бродили по дальним тихим аллеям. А через пару часов началось что-то невообразимое: какая-то суета, люди стремительно покидали парк, шли к выходу. Война!» А петергофское фото, о котором, конечно, все забыли в смятении первых военных дней, Максимовым действительно прислали на ленинградский адрес. Теперь оно — семейная реликвия.

Михаил Максимов ушел на фронт добровольцем в начале августа 1941 года, хотя имел бронь. Начал службу в 1-й горнострелковой бригаде в должности помощника командира артиллерийско-пулеметного батальона. Из боевой характеристики о прохождении им службы в 1-й отдельной горнострелковой бригаде: «С 10 августа по 15 сентября 1941 года

Ежи Петербургский

Михаил Александрович Максимов. Май 1945 г.

лейтенант Максимов принимал участие в боях за Шимск, Новгород, Чудово, Любань, Тосно, Мгу, Синявино. Проявил себя смелым офицером, действуя как командир, а в отдельных случаях и как рядовой боец. 14 августа ранен под Новгородом. В боях под Синявино неоднократно ходил в разведку в расположение противника, проявил себя при отражении ночного налета автоматчиков на КП бригады и прикрывал с комендантским взводом отход КП. В боях под Черной речкой в трудных условиях доставлял боеприпасы на передовую...». Жена и дочь Михаила Максимова остались в Ленинграде, вокруг которого 8 сентября сомкнулось коль-

цо блокады. «Зима... Буржуйка и любимые книги, которые в ней горят... Помню, идем с мамой по набережной Невы, мимо Эрмитажа. Люди в саночках воду везут, медленно, осторожно, чтобы не разлить. Или чтобы самим не упасть. Еще саночки — с покойником, тоже везут медленно. Вот эта вереница саночек долго потом мне еще снилась, — сдержанная интонация Елены Михайловны резко контрастирует со взглядом ее светлых глаз. — Как-то с утра бабушка ушла за хлебом со всеми нашими карточками. И пропала, нет и нет... Уже к вечеру привели совершенно незнакомые люди. Она упала в обморок от голода — тогда это было обычным делом.

Но никто карточки не взял. Это было чудом!». Максимов присылал семье посылки с продуктами из своего офицерского пайка. «Иначе до эвакуации мы, наверно, не дотянули бы», — пытаюсь казаться спокойной говорит Елена Михайловна. А еще он присылал свои стихи.

*Расставаясь оба мы не знали —
Быть в разлуке месяц или года,
Одного лишь слова избегали —
Горестного слова «навсегда».*

*Мы с тобою в верности до гроба
Никогда друг другу не клялись,
Но без слов ей присягнули оба
В час, когда, прощаясь, обнялись.*

*Помню все. И как стоял в вагоне,
Паровоза тягостный гудок,
И твою фигурку на перроне,
И слезами смоченный платок.*

*И тогда, на всех других похожий,
Я, себя вчерашнего кляня,
Понял ясно, что всего дороже
Заново ты стала для меня.*

Лена Максимова с мамой и бабушкой эвакуировалась 2 марта 1942 года по «Дороге жизни» — по льду Ладожского озера, как и тысячи других ленинградцев, в крытой брезентом полуторке. «Сидим скрючившись, машину болтает, покачивает. Брезент снаружи как градом обдает — это осколки льда от взрывов рядом рвущихся снарядов падают».

Лейтенант Максимов в это время стал военкором газеты «В решающий бой!» 54-й армии Волховского фронта. Репортажи о «боях-пожарищах», о буднях и подвигах написаны умелым, живым пером. Были у Максимова задания и не окопные — праздничные. Так ему было поручено написать отчет о концерте Клавдии Шульженко, приехавшей на Волховский фронт. Концерт устроили в честь присвоения гвардейских званий отличившимся в боях частям и соединениям 54-й армии. Певица обратила внимание на интеллигентного, очень музыкального военкора, легко подбиравшего по слуху аккомпанемент к любой мелодии. «У папы был врожденный абсолютный слух. Это был такой домашний аттракцион — ему играли незнакомую мелодию, и он тут же садился к инструменту и воспроизводил ее», — рассказывает Елена Михайловна.

Узнав о том, что Максимов пишет стихи, Шульженко вдруг предложила ему написать новый текст на музыку довоенной песни «Синий платочек», чтобы в нем были слова, которые созвучны времени. Причем, написать нужно было уже к утру, чтобы на концерте она прозвучала уже с новыми стихами. «Шел второй год войны, солдаты истосковались по родным, многие потеряли близких, — вспоминал позже Максимов. — Я решил писать о теме верности, о том, что эту верность мы и защищаем в бою». Шульженко стихи понравились, и вечером в железнодорожном депо станции «Волхов» она спела их впервые:

Фронтное выступление Клавдии Шульженко

*Помню, как в памятный вечер
 Падал платочек твой с плеч,
 Как провожала
 И обещала
 Синий платочек сберечь.
 И пусть со мной
 Нет сегодня любимой, родной,
 Знаю: с любовью
 Ты к изголовью
 Прячешь платок дорогой.*

А впервые опубликованы они были в дивизионной газете «За Родину!». Это произошло 8 июня 1942 года. И военкор Максимов в одночасье стал знаменитым. Популярность была ошеломляющая — вальс пели повсюду и на передовой, и в тылу, его перепечатывали многие фронтовые газеты, огромными тиражами выходили открытки с его текстом. О «Платочке» слагали стихи. «Не напрасно сложили

песню/Мы про синий платочек твой», — так начинается стихотворение «Русской женщине» — одно из лучших военных стихотворений Михаила Светлова, написанное в 1943-м. Из письма Михаила Максимова жене и дочери в Череповец, куда они были эвакуированы: «Вчера на почте были в продаже открытки-песни. Среди них мой «Синий платочек», тот, что я писал для Шульженко... Приезжали с юга — рассказывали, что ее пел весь Сталинградский фронт. Это приятно... Не скучайте. В этом году войну закончим, а больше нам ничего не надо». Письмо написано 26 февраля 1943 года. До Победы оставалось больше двух лет.

Юлия КАНТОР

Прочитать блокадный дневник Елены Михайловны Петровой можно на стр. 229.

Радио блокадного Ленинграда

69

Нигде радио не значило так много, как в нашем городе в дни войны.

Ольга Берггольц

«Говорит Ленинград!» — эти слова в годы войны собирали у репродукторов миллионы людей. Голос осажденного города слушали в глубоком тылу и на фронте, подпольщики и бойцы партизанских отрядов. Оно было вестником тяжелых испытаний и первых побед, тружеником-метрономом, отсчитывавшим страшные часы бомбардировок и артобстрелов.

Для жителей блокадного Ленинграда радио стало единственной ниточкой, связывающей окруженный город со страной. Сейчас даже невозможно представить в каких нечеловеческих условиях трудились люди. Работники Ленинградского радио разделили с горожанами их нелегкую судьбу. Также мерзли и голодали, но ни на секунду не оставляли трудовой вахты. Их голоса вдохновляли и поддерживали ленинградцев в самые страшные дни блокады. «Прекратить передачу нельзя» — эти слова, звучавшие в Доме радио, навсегда отпечатались в сердцах людей, переживших то страшное время.

Николай Черкасов, Ольга Берггольц, Всеволод Вишневский, Мария Петрова, Моисей Блюмберг — имена дикторов, редакторов, журналистов радио стали настоящим символом Победы!

Уважаемые читатели! Мы публикуем отрывки из глав книги Александра Ильича Рубашкина «Голос Ленинграда», посвященной профессиональному и человеческому подвигу сотрудников Ленинградского

радио, готовивших передачи и выходивших в эфир в страшные дни блокады.

Слушай, родная страна!

Все менялось на глазах, менялись и условия, в которых жил и работал коллектив Ленинградского радио. О блокадном Ленинграде, особенно первой зиме, написано много. И во всех книгах, во всех документальных свидетельствах подчеркивается, что в девятисотдневной осаде города была пора особенно трудная, когда жизнь едва теплилась в Ленинграде.

Дом радио на Итальянской ул., 27

Не сразу, не за один день стал город таким, каким он запечатлен на гравюрах А. Остроумовой-Лебедевой и рисунках Я. Николаева, каким донесли его до нас кадры кинохроники, воспоминания, стихи — пустынным, умирающим городом.

В сентябре началась блокада, в эти же сентябрьские дни враг стремился взять Ленинград штурмом. Бомбежки и обстрелы несли разрушения, еще больше действовали они на человеческую психику. Из-под развалин домов вытаскивали убитых и раненых. В город шли и шли беженцы — теперь уже из Пушкина, Петергофа, Стрельны. Немцы считали, что судьба Ленинграда предрешена.

15 сентября город непрерывно в течение 18 часов 32 минут находился под огнем вражеской артиллерии. 19 сентября шесть раз объявлялась воздушная тревога. Немецкие самолеты сбросили около двух тысяч фугасных и зажигательных бомб. 23 сентября сигналы воздушной тревоги подавались одиннадцать раз. Были сирены, сотрясались от взрывов дома. В переполненных бомбоубежищах плакали дети... Но по-прежнему ленинградцы шли на работу, вставали на посты МПВО. На заводах и фабриках работали для фронта по двенадцать часов в смену. Продолжалось движение транспорта. Вечером в тщательно замаскированных квартирах зажигался свет.

Немцы знали о пожарах, разрушениях, жертвах. Они знали и о том, что паники в городе нет. В этих условиях перед Ленинградским радио вставали задачи необы-

чайной сложности. В конце августа — начале сентября немцы обстреляли и вывели из строя длинноволновую радиостанцию РВ-53, оказавшуюся у линии фронта. Часть оборудования станции под обстрелом, буквально на глазах противника удалось демонтировать и вывезти в город. Молчание Ленинграда встревожило всю страну. Центральный Комитет партии обратил внимание ленинградских руководителей на огромное военное и политическое значение, которое могло бы иметь возобновление передач Ленинграда на страну. Эту задачу ленинградские связисты выполнили в тяжелейших условиях.

Теперь средневолновая РВ-70, оснащенная коротковолновыми передатчиками (вскоре был изготовлен второй), работала непрерывно, обеспечивая выход в эфир передач, получивших название «Говорит Ленинград». К тому времени почти все нити, связывающие город со страной, были оборваны. Радио первым прорвало кольцо блокады.

Передачи из Ленинграда слышала страна, слышали их и немцы. Не укрывались от них и стометровые мачты, служившие хорошим ориентиром для бомбардировщиков. По свидетельству инженера Ф. Кушнера, станция РВ-70 «в один из первых ночных налетов... подверглась основательной бомбардировке. На антенное поле, на крышу бассейна, на нефтехранилище посыпались сотни зажигательных бомб. На склад вместе с «зажигалками» сбросили бочку с горючим, которое вызвало огромный очаг

пожара». Эта бомбежка, к счастью, не повредила мачты антенн. Очаги пожара были погашены еще до прибытия пожарных команд. И вскоре вновь радиостанции Москвы приняли из Ленинграда и ретранслировали на страну: «Говорит Ленинград! Говорит город Ленина!»

17 сентября 1941 года, раньше, чем Ленинград, страна услышала историческую речь Д. Д. Шостаковича. «Два часа назад, — сказал он, — я закончил две первые части симфонического произведения». Композитор сообщал об этом, чтобы вся страна, весь мир знал — в Ленинграде не прекращается нормальная жизнь. В своем выступлении Дмитрий Шостакович говорил о напряженной работе над Седьмой симфонией. Это было в дни продолжавшегося штурма города.

По свидетельству О. Берггольц, когда композитор ехал на машине в Радиокomitee, началась воздушная тревога. В студии Шостакович попросил у редактора лист бумаги. Ни редактор, ни композитор не заметили в тот момент, что на обороте листа был записан план передач

на тему «Организация уличных боев в Ленинграде».

Передача началась словами: «*Слушай нас, родная страна! Говорит город Ленина. Говорит Ленинград!*». Д. Шостакович рассказывал о своем городе, о своем любимом искусстве: «*Будем же защищать нашу музыку. Музыка, которая нам дорога, созданию которой мы отдаем все лучшее, что у нас есть, должна так же расти и совершенствоваться, как это было всегда... И чем лучше, чем качественнее будет наше искусство, тем больше будет у нас уверенность, что его никогда и никто не разрушит*».

Состав оркестра:

Fl piccolo (mista in Fl G. B)	5 Corni in F	2 Aste
2 Flauti gr. (Fl I mista in Flauto contralto in G)	6 Trombe in B	Piano
2 Oboi	6 Tromboni	Violini I
Corno Inglese	Tuba	Violini II
Clarinetti in B. A	5 Trombani	Viole
Clarinetti in A. B	Xylophone	Celle
Clarinetti basso in B	Chitarra	Bassi
2 Fagotti	Bamburino	
Contra-fagotto	Timpano	
	Jam. Tam	
	2 Piatti	
	Gr. Cassa	

Первое исполнение

5-го марта 1942 г. в г. Курьишес Дворец Культуры

Дирижер: Людмила Старицкая Прото, Народный артист СССР С. Р. Соловьев

Оркестр Государственного Ордена Ленина Академического Большого Театра СССР

I скрипки: Полев Е. М. Зоря И. А. Семар А. С. Дальнев М. С. Вайцман А. С. Фридман М. В. Вайцман Л. А. Ромашкин А. И. Лобановский В. И. Вельман И. И. Лутман У. Г. Михайлов С. И. Зеленин С. И. Зеленовский В. В. Шуцман А. И. Борисов И. И. Налива Н. С. Шуцман П. В. Томашко В. А. Торчицкий Г. С. Резниченко Ю. М.	Альти: Вуцки М. М. Ильин И. Ж. Волков А. В. Резванов Э. А. Варкович А. С. Щеглов И. И. Ильинский Д. Д. Корсаков Б. М. Корсаков Э. И. Варшавский И. М. Гальперин В. М. Павловский В. И. Шуцман Ф. Г. Корсаков И. И.	Клавир: Маторов И. И. Резниченко В. М. Корсаков А. И.	Фрагменты: Колотовый И. И. Дуклак Е. М. Ильинский К. М. Шуцман В. Ф.	Валторны: Корсаков В. В. Петров А. С. Варшавский В. И. Цирков Г. В.	Трубы: Васильевский А. А. Шелестовский Ю. М. Вельманский И. И. Петрашвили Н. З. Луканович А. А. Корсаков И. И.	Тромбаны: Резниченко В. И. Турецкий И. С. Цирков А. Т. Шуцман А. С. Цирков И. Д. Шуцман А. М.	Тубы: Ильинский Г. И. Луканович Г. И.	Ударные: Шуцман В. В. Петрашвили В. И. Петрашвили В. В. Петрашвили В. В. Петрашвили В. В. Петрашвили В. В. Петрашвили В. В. Петрашвили В. В.	Арфа: Дулавов А. Г.	Фортепиано: Кухарев А. М.
---	--	--	--	---	--	---	---	--	----------------------------	----------------------------------

Д. Шостакович видел свой долг художника в творческой работе. Но он считал общественным долгом и это выступление по радио: *«Я говорю с вами из Ленинграда в то время, как у самых ворот его идут жестокие бои с врагом, рвущимся в город, и до площадей доносятся оружейные раскаты... Я говорю с фронта».*

Потом, после сентября, особенно в первую блокадную зиму Ленинград перенес куда более трудные и длительные испытания. Но в военном отношении сентябрь 1941 года был периодом высшего напряжения. И радио стремилось донести до сознания каждого всю меру опасности, помочь не дрогнуть в сложной обстановке. Осенью 1941 года Ленинградское радио уже заняло особое место в жизни блокадного города. И редакторы, авторы, дикторы — весь коллектив Радиокomiteта — это чувствовали. Люди работали, не покладая рук, в сложнейших условиях осени, а затем и страшной зимы 1941-1942 года.

Жизнь — работа

Январь — самый тяжелый месяц блокады. Готовить передачи, организовывать выступления почти не удавалось. Пришлось главным образом пользоваться готовыми газетными материалами. Передачи за целый день составляли совсем немного времени. Читали сводку Информбюро, газетную статью, немного информации. Это был голодный паек, но и за него приходилось бороться. Вот еще один документ, письмо председателя

Радиокomiteта в Ленинградский обком ВКП(б) (А. Н. Кузнецову) от 25 февраля 1942 года: «Ленинградский радиокomiteт просит Вас распорядиться о предоставлении для радиовещания одного экземпляра газеты ц.о. «Правда», получаемой обкомом ВКП(б). В силу ряда условий прием ТАССом и нами телеграмм, важнейших статей и сообщений затруднен. Записи, которые мы производим, часто не могут идти из-за того, что два-три слова не поддаются расшифровке».

Самое страшное — молчать. Это понимали в Доме радио. И поэтому даже в январе, пусть с перебоями, пусть не везде, радио говорило. Оно не умерло. Обесиленное, шептало слова надежды.

То, что о радио писали литераторы, — понятно. Они сами были связаны с радио, через него общались со своими читателями и слушателями. Не менее важны свидетельства тогдашних рядовых слушателей. Нет, пожалуй, ни одного блокадного дневника, где бы ни упоминались передачи по радио, не давалась оценка роли радио в жизни города.

В декабре 1941 года работница одного из заводов Е. Васютина, ставшая писательницей уже после войны, отметила в дневнике: *«Я живу не одна. Репродуктор сейчас — самое близкое живое существо. Он сообщает необходимые правила поведения в нашей сложной жизни... Он единственный питает меня рассказами, культурой, а главное — вестями с фронта».*

Пройдет год. Многое изменится в жизни города. Вторая блокадная зима не при-

несет людям стольких страданий, как первая. И все же, говоря о фронтовой жизни Ленинграда, другая ленинградка скажет о радио: *«Ночью шла по городу. Тихо. Слышатся вокруг лишь звуки радио. О, верный друг ленинградцев! Спасибо ему. Спасибо работникам радио. Я просто с нежностью думаю о них и тревожусь. Ведь они на опасном посту»*. Город жил. Ежедневная почта шла на радио. Это было сигналом: «Вас слушают. Вас ждут». И редакторы, дикторы, диспетчеры, звукорежиссеры знали — ослабевшие люди прижимаются ухом к тарелке радиорепродуктора, чтобы слышать. И они слышали знакомые голоса...

Общегородская трибуна

Многие ленинградцы побывали в годы войны в Доме радио или встречались

с репортерами. Так же как без журналистов и писателей, нельзя представить себе блокадное радио без тысяч людей — летчиков, танкистов, бойцов МПВО, рабочих, ученых, которые выступали у микрофона.

За первые двадцать месяцев войны ленинградцы услышали голоса трех тысяч фронтовиков, выступали сотни передовиков производства, многие хозяйственные и партийные руководители. Конечно, дело не только в цифрах, но и они подтверждают, что радио не напрасно называли общегородской трибуной.

Население города с этой трибуны чаще всего представляли женщины: после ухода большинства мужчин в армию они составили большую часть рабочих на заводах и фабриках. 27 сентября 1941 года в течение дня горожане узнали об обще-

городском митинге женщин, услышали выступления работниц фабрики «Красное Знамя», их обращение к ленинградцам. Выступления швейниц были записаны. Мария Проскудина сказала: *«Фашисты, видя, что бомбежкой и обстрелом нас не запугать, посылают к нам своих шпионов, шептунов, пытающихся посеять среди нас панику. В своих отравленных листовках гитлеровцы уговаривают жителей пропустить их в город. Не на таких напали, господа!»*.

В информации с общегородского митинга, где выступали рабочая и дружинница, артистка и ученая, приводились слова обращения ленинградских женщин: *«Женщины города Ленина! Подумайте о близкой зиме. Готовьте для фронта теплые вещи. Организуйте кружки рукоделия. Шейте и вяжите в них белье для бойцов»*.

О трудовой дисциплине говорил слесарь машиностроительного завода, о первом фронтовом заказе — ученик ремесленного училища, о качестве вооружения — директор завода, о противохимической обороне — военный комиссар штаба МПВО, о народных мстителях — редактор партизанской газеты. Главный архитектор города призывал заботиться о каждом доме, врач рассказывал о том, как предохранить себя от заболеваний. Старые питерские рабочие, депутаты первого Совета 1905 года делились радостью: на собранные ими деньги куплен пулемет.

С радиотрибуны доносились голоса людей, которых разлучила война. Дваж-

ды в день шли передачи «Письма с фронта и на фронт». У них был вполне конкретный адрес, он менялся, и каждый раз ленинградцы ждали, что назовут их улицу, их дом. *«Улица Марата, 73, квартира 18, Анна Лаврентьевна Бедарева, подойдите поближе к репродуктору. Сейчас вы услышите голос своего мужа с фронта...»* — *«Слушайте новогодние приветы защитников Ленинграда. К Лидии Ефимовне Шаровой обращается ее муж Сергей Александрович Ершов...»* — *«Говорит бывший агроном, ныне артиллерист Степанов: «Привет вам всем, земляки, и тебе, моя старушка, любимая мамаша, живущая в городе Борисоглебске. Будь уверена, что сын, воспитанный тобой, сумеет постоять за Родину»*. Это из передачи на Москву, оттуда привет артиллериста Степанова пойдет дальше... Адреса — один, другой, пожелания, расспросы, слова верности. *«Я часто думаю, что разлука учит больше ценить и любить близкого тебе человека»*.

Письма в несколько строк и страницы, исписанные карандашом, детские каракули на открытке и четкий, уверенный почерк... Тысячи людей обращались к помощи радио. Эти дружеские слова поддержки слышали защитники Эзеля, Даго, Гогланда и полуострова Ханко, продолжавшие бороться в глубоком тылу врага. В передачах для партизан письма читались без упоминания фамилий: *«Партизан Федор Яковлевич С.! Вам пишет ваша жена Антонина Ивановна. Повторяю»*. Тут же следовал дважды повторен-

ный адрес отправителя письма. Диктор просил запомнить, от кого и кому отправлены эти письма, передать товарищам: «Весточка от близких людей обрадует их и вселит в них новые силы и энергию».

Письмам с фронта и на фронт не только посвящались отдельные передачи, порой они были частью какой-то большой программы, например концеранса к концерту для бойцов...

Нередко журналисты комментировали письма: «Маленькое письмо — тетрадный листок, свернутый треугольником. Далекий путь оно прошло: из колхоза имени Ворошилова Бухарской области... Маленькое письмо, говорящее о большой, кровной связи фронта и тыла, о дружбе наших народов». Письмо краснофлотцу узбеку Г. Даулатову напоминало бойцам из Средней Азии об их родных домах, о том, что и о них думают за тысячи километров от Ленинграда. Бойцы прислушивались: может быть, назовут знакомое имя.

В конце 1924 года через первые два репродуктора — у Гостиного двора и на углу Надеждинской улицы и Невского проспекта — ежедневно толпы людей в часы передач слушали музыку, новости. Летящие из рупоров звуки воспринимались как одно из чудес развития техники и науки. Через четверть века так же были восприняты зрителями первые изображения на телевизионном экране. Но к тому времени, когда телевидение только зарождалось, радификация Ленинграда достигла огромного размаха.

К 1940 году ленинградцы имели в своих квартирах свыше четырехсот тысяч репродукторов. В самом начале войны радификация продолжалась: почти полмиллиона семей — практически весь Ленинград — могли слушать радио.

О чем же радио сообщало по городской трансляционной сети? О внутренней жизни города, о том, что касалось жителей Ленинграда. 27 июня по городской трансляционной сети было передано сообщение: «Товарищи радиослушатели! В городе военное положение. Помните об угрозе воздушного нападения, не выключайте репродукторы. По радио передаются сообщения штаба противовоздушной обороны... Не выключайте репродукторы!».

В июне 1941 года еще кому-то об этом нужно было напоминать. Потом такие предупреждения исчезли.

Ленинградцы привыкли, что в любую минуту репродуктор может принести сообщения, важные для всех. В июне это было постановление о сдаче приемников, в июле — о введении карточек, в августе — приказ начальника МПВО снести деревянные заборы и постройки. Эти решения печатались в газетах, но переданные многократно, они были услышаны сотнями тысяч — дома, на улицах, в цехах, в булочной. Сигналы штаба МПВО об очередной воздушной тревоге, постановления и приказы давались на радио для немедленного исполнения.

Некоторые передачи носили характер напоминания, они предупреждали, подсказывали, советовали. Само появление бесед, например, о том, где и как укрыться при воздушной бомбардировке, говорило о непосредственной угрозе налетов противника уже в августе 1941 года, когда город еще не бомбили. В эти же дни ленинградцы слышали многократно: «Будьте готовы на случай воздушного налета врага. Проверьте светомаскировку».

В сентябре горожане узнали, что такое свистящий звук, вслед за которым раздается гулкий, грохочущий раскат. Едва разрывался первый снаряд, как вся радиотрансляционная сеть района, с сотнями километров линий, десятками тысяч репродукторов, мощными уличными динамиками и несколькими усилительными подстанциями, переключалась

в распоряжение штаба МПВО. Сообщения о воздушной тревоге, оповещения об обстреле немедленно приносило радио. Сообщалось, какие площади и улицы обстреливаются, приостанавливалось движение. Жители получали указания о наименее опасных сторонах улиц. Подобная служба оповещения была исключительно делом радио. Других средств мгновенно поднять весь город не существовало.

Радио сообщало о тревоге и артобстреле, и оно же несло «о хлебе весть», слова, от которых зависела жизнь. В начале ноября 1941 года радио передавало предупреждения о том, что некоторые граждане небрежно хранят карточки, которые в случае потери не будут возобновляться. Извещения горторготдела за подписью И. Андреевского передавали из уст в уста, их боялись пропустить. О первом повышении хлебной нормы 25 декабря большинство жителей узнало также по радио.

С сентября по декабрь 1941 года сеть была разрушена в 1177 адресах. Возле командного пункта дирекции Ленинградской городской радиотрансляционной сети (ЛГРС) прямым попаданием бомб ранило 148 и убило 98 человек. Пока был бензин, восстановительные бригады пользовались машинами, потом пришлось ходить пешком.

Во многих воспоминаниях о блокаде сказано, что радио говорило тихо и даже шептало. Так давал о себе знать энергетический голод. В декабре 1941 года Ленинград получил лишь десятую часть необходимой ему электроэнергии, в январе эта

Обстановка редакторского кабинета

цифра упала до четырех процентов. Возникла серьезная угроза остановки усиленных подстанций. Вот почему радио стало шептать. Но чтобы оно хоть шептало, требовались усилия сотен людей. По свидетельству Н. Павлова, электроэнергия на некоторые подстанции подавалась только в определенные часы, чтобы передачи сводок Совинформбюро звучали как можно громче. Это давало экономии энергии, но стали промерзать помещения, стены и аппаратура покрывались плотным слоем инея.

До сих пор лишь в специальной печати рассказывалось о подвиге, без свершения которого Ленинградское радио могло замолчать на довольно долгое время. Подвиг этот совершил коллектив ЛГРС. Когда стало ясно, что город остался почти без электроэнергии, руководители сети (начальником был Н. Тарасов) приняли неотложные меры по созданию собственных энергетических баз. По ледовой трассе с Большой земли доставили в Ленинград дизели и генераторы и начали строительство собственных блок-электростанций.

Конечно, это были небольшие сооружения, но все-таки пришлось класть фундамент, прокладывать кабели, монтировать оборудование. Кончился запас радиоламп. Решили заняться регенерацией старых. Ленинградцы продолжали слушать сводки, городские новости, сообщения штаба МПВО, не подозревая даже, какая борьба шла за то, чтобы голос Ленинграда продолжал звучать.

Пять электростанций были введены в строй в блокадном Ленинграде. Они обеспечили автономным электропитанием узловые подстанции центра города, Петроградской и Выборгской стороны, Васильевского острова, позволили часть энергии отдать заводам, работавшим для фронта.

Радио продолжало свой разговор с ленинградцами и фронтовиками. Среди писем, приходивших на радио, все больше становилось солдатских треугольников без марок. Это означало, что близость фронта позволила десяткам тысяч воинов слушать передачи по городской сети. Их слушали не только в частях, расположенных в самом Ленинграде, не только в госпиталях, батальонах выздоравливающих, подразделениях МПВО, но и в Колпино, и на ближайших городских окраинах. Так возникла в самом конце октября 1941 года «Красноармейская газета» по радио. Она стала своеобразной школой боевого опыта, рассказывала о лучших бойцах, предоставляла им слово. Газета была совместным начинанием радио и Политуправления фронта.

Как и в Радиохронике, в создании выпуска газеты участвовали журналисты и писатели, ее трудно представить без живых репортажей.

Из «Красноармейской газеты» слушатель мог составить представление о фронтовых биографиях многих командиров и бойцов. Вместе с военной печатью радио возвращалось не один раз к подвигам воинов подразделений и частей Федюнинского, Бондарева, Краснова, рассказывало о снайперах Пчелинцева и Смольячкова, экипаже подлодки командира Грищенко, летчиках, танкистах, саперах, отличившихся в боях. Многие улицы Ленинграда носят сейчас имена этих героев.

Радио неоднократно возвращалось к рассказу о людях, которых уже знали ленинградцы. Осенью 1941 года были переданы рассказы майора Краснова о боях на подступах к городу. Весной 1942 года передавались очерки о полковнике Краснове и его дивизии. Спустя несколько месяцев ленинградцы слышали по радио выступление гвардии полковника, а затем и генерала Краснова. Журналисты и писатели не только следили за успехами боевых командиров, своими выступлениями они поддерживали инициативу и решительность людей.

Радио не могло пройти мимо трагической темы, оно отдавало долг погибшим бойцам. В двадцать девятом номере «Красноармейской газеты» 30 января 1942 года передавалась корреспонденция «Воин-большевик». О бойцах армии Федюнинского, о мужестве политрука Ивана

Старцева, о письме его жены, которое он прочел перед своим последним боем... Такие очерки и корреспонденции укрепляли доверие слушателей к материалам радио.

С весны 1942 года слушателей у «Красноармейской газеты» стало больше: 7 апреля председатель Радиокomiteта в письме в Политуправление фронта сообщил, что газета передается не только по городской сети, но и вышла в эфир, и теперь «уверенно слышна во всех армиях Ленинградского фронта».

Радио, естественно, не могло только информировать. Оно развивало организаторскую работу. Не было в блокадном Ленинграде ни одного начинания, которое прошло без существенного участия в нем радиожурналистов. И так же, как приказы и постановления, звучавшие по радио, эти начинания характеризуют саму жизнь города на разных этапах блокады.

В конце января 1942 года одна из передач для молодежи называлась «Комсомол в быту». Секретарь комсомольской организации прядильно-ткацкой фабрики и другие участники передачи делились опытом помощи населению. Речь шла о самом насущном — топливе для квартир, работе столовой, теплом белье, поддержке больных. Слушателям не нужно было разъяснять, что эти больные — в основном дистрофики, каких в Ленинграде были сотни тысяч. В феврале и в марте, рассказывая об опыте бытовых отрядов, радио, по существу, организовывало их. Эта организационная работа проявлялась по-разному. Репортажи

с субботника по уборке города и передача очерков «На улицах Ленинграда в дни марта» и «Преодоление испытаний» показывали горожанам, что стало сейчас первоочередной задачей. В перерывах между передачами звучал лозунг-призыв, в котором тоже подчеркивалась главная тема дня: «Ленинградец! Ты помог войскам Ленинградского фронта остановить врага, отстоять родной город... С такой же настойчивостью и упорством борись за преодоление трудностей, вызванных блокадой».

Решение Ленгорисполкома «О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся города» было принято 26 января 1942 года. Речь шла о спасении жизней десятков тысяч ленинградцев. День за днем в выпусках «Последних известий» (чаще всего с пометкой «только по ГТС») шли сообщения о работе управхозов, об уборке лестниц, о санитарных комиссиях. 21 февраля корреспондент радио сообщал, что в одном из домов на улице Марата «в двух теплых светлых комнатах устанавливается 11 кроватей. Здесь больные будут получать уход и питание».

Обнадеживающе звучали эти сообщения в голодном Ленинграде середины февраля 1942-го. Конкретная информация мобилизовывала людей. Смысл всех этих известий был таков: «Да, еще умирают наши близкие, еще занесены сугробами улицы и холодно в домах, но вот где-то... пущена в ход прачечная, установлен кипятильник для общего пользования,

оборудована специальная теплая комната для больных. Сделай то же и в своем доме».

Слово «голод» не произносится, но дыхание голода ощущается в каждой из этих заметок, передаваемых «только по ГТС». Без пафоса и надрыва 26 января 1942 года, в один из двух дней, когда из-за отсутствия электроэнергии остановились хлебозаводы, и смертность была наивысшей, радио сообщало о подвиге, совершенном рабочими энской фабрики, которые «без электроэнергии, применяя ручной труд, наладили выпуск продукции и организовали бесперебойную работу ведущего цеха». Спустя несколько дней тот же коллектив справился с перебоем водоснабжения: «В свободное от основной работы время рабочие доставили на фабрику сотни ведер воды...» В будущей летописи блокадного города, очевидно, найдется место и заметке о расширении сети общественного питания, переданной 20 февраля: «Стахановцы повара и кулинары настойчиво работают над изысканием дополнительных источников питания. На фабриках-кухнях, пищекомбинатах и в крупных столовых налажено массовое производство фруктового желе, студня из яичного порошка, разных изделий из казеина. Кроме того, развивается производство глюкозы и витамина С из хвои...»

На протяжении всей блокады велись специальные передачи для молодежи. Здесь были беседы, репортажи, информация. Многие трудности жизни фронтового города отразились в этих материалах,

ведь на плечи молодежи легли бытовые отряды, заготовка топлива в преддверии второй блокадной зимы, шефство над ранеными воинами. «Молодые стахановцы военного времени», «Что ты делаешь для фронта?», «Дружинницы города Ленина», «Молодежь — на лыжи», «Комсомол в быту» — таковы лишь некоторые направления работы радио с молодежью. По существу же к ней были обращены и многие другие передачи. Большую часть воинов — и флота, и армейских частей — представляла молодежь. Тысячи комсомольцев отличились в боях, в отрядах МПВО. Их имена звучали по радио, они выступали как в программах для молодежи, так и в других передачах.

Особую роль сыграли передачи «Смена» по радио». Их появление связано с теми сложностями, которые возникли при выпуске газеты из-за перебоев электроэнергии. В декабре 1941 года «Смена» выходила трижды в неделю, формат ее был уменьшен, до нескольких тысяч сократился тираж. И все же бывали случаи серьезных опозданий и задержек с ее выходом в свет.

Начиная раздел передачи для молодежи, который назывался «Трибуна бойцов бытовых отрядов», ведущий говорил: «Товарищи бойцы и командиры Красной Армии! Петроградский райком комсомола попросил нас сегодня предоставить трибуну бойцов бытовых отрядов Тамаре Арсеньевой. Отец Тамары до войны работал механиком на Кировском заводе. Сейчас он воюет с фашистами на фронте.

Товарищ Арсеньев Леонид Дмитриевич, слушайте вашу дочь Тамару Арсеньеву». Тамара, обращаясь к отцу, говорила о своих делах, о ленинградской жизни: «У нас теперь живет Зоя Васильева. Помнишь, я с ней все дружила, еще когда войны не было. У Зои все умерли, и мама взяла ее на воспитание... А еще, папочка, я теперь начальник бытового отряда. Это такой отряд, который помогает семьям фронтовиков».

Удивительный документ. Обыденным тоном девочка-ленинградка говорит о своей подруге, у которой «умерли все». Для Ленинграда, потерявшего каждого третьего жителя, в этих словах констатация сурового факта. И то, что девочка могла быть начальником бытового отряда, а пятнадцатилетние подростки стояли у станков, никого не удивляло. Это — будни фронтового города. Самое важное в этой передаче — прямое обращение к фронтовику. Леонид Дмитриевич Арсеньев мог и не услышать слов дочери,

но тысячи отцов крепче сжимали оружие, слушая выступление Тамары.

В условиях лета 1942 года, когда вновь возникла опасность вражеского штурма, на радио, с разрешения Военного совета фронта, были организованы выступления подполковника Васильева об особенностях боев в крупных населенных пунктах. Эти передачи велись после падения Севастополя, в дни немецкого наступления на Сталинград и появившихся вновь признаков военной активности противника на Ленинградском фронте. Автор не скрывал сложности нашего положения летом и осенью 1942 года. «Товарищи ленинградцы, — говорил Васильев, — будем учиться у защитников волжской твердыни, чтобы никакие кровавые авантюры не застали нас врасплох».

Радиожурналисты не регистрировали события. Их материалы продиктованы долгом, страстью, болью. Осенью 1942-го такой болью был Сталинград. Связаться со Сталинградом по радио оказалось невозможным, решили послать телеграмму. Послали без особой надежды, что дойдет. Но оказалось, слова поддержки Сталинграду не только дошли, их читали бойцы на узком клочке волжской земли. А 17 октября радио передало письмо из Сталинграда: «Трудящиеся города Ленина! В дни суровой, тяжелой борьбы за нашу родную, любимый Сталинград мы приветствуем вас, мужественные ленинградцы! Более двух месяцев идет кровопролитная битва у стен нашего города. Взавшись за оружие, мы сказали себе: выстоим, как

ленинградцы. Мужеству, стойкости, выдержке в борьбе с немецкими захватчиками мы учились у вас, герои-ленинградцы... Чем тверже стоит Ленинград на Неве, тем тверже защита Сталинграда на Волге».

5 мая 1945 года один из сотен тысяч радиослушателей, выступая по радио, сказал то, что чувствовали тогда многие: «На всем протяжении блокады радио ободряло нас и напоминало, что за нашей героической борьбой следит вся страна».

К современникам и потомкам

В условиях доселе невиданных говорило Ленинградское радио, и поэтому оно искало новые формы разговора со слушателями. Одной из таких форм стали беседы писателей с горожанами. Они существенно отличались от прежних, довоенных выступлений литераторов. Теперь писатели прежде всего касались не узколитературных проблем, а того, что составляло суть сегодняшней жизни. Поэтому нельзя считать выступления Н. Тихонова и В. Вишневского, О. Берггольц и С. Спасского лишь очередными литературными передачами. Ленинградцы продолжали в декабре работать на заводах, писать книги, дежурить на крышах. Но уже умерли голодной смертью десятки тысяч, от бомбежек горели дома, тушить их не было сил... В последний раз прозвучала музыка по радио и в зале Филармонии, потом замолкла на долгие недели. Как и что говорить в таких условиях — нелегкий этот вопрос стоял перед публицистами. Успешное наступление наших войск

под Москвой, разгром немцев у Тихвина дали оружие всей нашей пропаганде.

В первой половине декабря самих писательских выступлений было немного. Часто, по несколько раз в неделю, передаются статьи Эренбурга и корреспонденции с Западного фронта. К концу месяца радио, сравнивая декабрь со штурмовым сентябрем, признавало: «Нам декабрьские дни сентября тяжелей». Речь шла не о военной ситуации, а о жизни, быте самих ленинградцев. И все же именно в конце декабря в голосе публицистов, выступавших по радио, появились обнадеживающие ноты.

Тогда, после возвращения Тихвина, о близком прорыве блокады говорили всюду. Это казалось делом весьма реальным и придало оптимизм предновогодним выступлениям Л. Радищева, С. Марвича, О. Берггольц. 29 декабря О. Берггольц говорила о победе: «Да, нам сейчас трудно... Но мы верим... Нет, не верим, знаем — она будет... И может быть, товарищи, мы увидим наш сегодняшний хлебный паек, этот бедный, черный кусочек хлеба в витрине какого-нибудь музея». В этих выступлениях не было «лжи во спасение». Публицисты выражали общую надежду, их поддерживала вера, которая и помогла выстоять. Это чувство выносил ленинградец, слушая в бомбоубежище, квартире, на улице, в цеху слово публициста. Уверенностью проникнуты передачи Ленинградского радио страшных зимних месяцев.

Совсем по-особому звучали на блокадном радио стихи.

Поэзия на Ленинградском радио военных лет — это частушка и лозунг, фельетон и басня, баллада и поэма. Это многообразие поэтических голосов и обилие форм. На протяжении дня стихи могли составить... передачу и служить своего рода заставкой, подобно музыкальной, или связать отдельные материалы между собой. И во всех стихах, независимо от их поэтического уровня, было главное, то, ради чего они писались, — напряженность, призывность, ощущение момента. Они должны были быть услышаны! Вся без исключения поэзия стала пропагандистской. Из фронтовой печати были взяты и включены в передачи радио стихи В. Шефнера.

*Меж нами дымные пустыни,
Обугленные города.
И ни с каких вокзалов ныне
К тебе не ходят поезда.*

Именно в блокадном кольце и должны были родиться такие строки.

Вопрос о том, что отобрать, какие произведения нужно прочитать сегодня, был вопросом и политики, и такта. Многое зависело тут от чувства времени и художественного вкуса работников литературной редакции. Их выбор убеждает: в Ленинграде передавались лучшие произведения советских поэтов военной поры. Той же зимой в одну из Радиохроник были включены стихи К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», стихи о трудном отступлении 1941-

го, о Родине, о том огромном потрясении, которое перенес народ. У ленинградцев были свои поэты, которые достойно сказали и о городе, и о блокадном быте, и о стойкости. Рядом с «Февральским дневником» О. Берггольц и стихами Н. Тихонова и А. Прокофьева в Ленинграде в феврале 1942 года звучало обращение К. Симонова к другу-поэту, напоминая об общности народной судьбы.

*Ты знаешь, наверное, все-таки Родина,
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.*

Эти стихи звучали по Ленинградскому радио в феврале 1942 года, помогая горожанам пережить страшную зиму.

Летопись подвига

В 1943 году значительно усилилась роль художественного вещания в общем объеме передач, произошли изменения форм этого вещания. Хотя поэзия и публицистика были весьма заметны, они не занимали уже прежнего места. Постепенно художественное чтение, музыка, театр — все виды искусства выходят на радио на первый план. Характерная особенность этой поры — обилие инсценировок, радиопьес, литературных монтажей. Активизация такой работы, как известно, началась еще в апреле 1942 года. Примером эволюции форм литературного вещания может служить передача «Фронтовая лирика» (1943). Ее нельзя было предста-

вить, скажем, летом 1942 года, когда решалась судьба страны. Целый час, отданный лирическим стихам, отражал новый этап в развитии поэзии военных лет, да, пожалуй, и всей нашей литературы. После военного перелома радио в союзе с искусством и литературой искало новые пути воздействия на читателя и слушателя.

Заметнее стала деятельность детской редакции. Длительное время она практически осуществляла ту же работу, что и литературная. Это объяснялось рядом причин. Передач для дошкольников не велось совсем. Многие ребята были эвакуированы еще летом 1941 года, другие — зимой и весной по Дороге жизни. Оставшиеся в городе дети повзрослели раньше времени. К ним, наряду с детскими писателями Н. Дилакторской, Е. Борониной, Н. Владимирской, М. Эрбштейн, Н. Паперной, часто обращались литераторы, уже знакомые нам по другим передачам Ленинградского радио.

Из материалов вещания для детей в 1942 году можно отметить лишь несколько. Выступления ребят в передаче 30 марта «Сделаем Ленинград чистым и красивым», две трансляции из госпиталей, в которых побывали школьники, и трансляцию 2 июля торжественного вечера выпускников ленинградских школ Смольнинского района. Их было совсем немного — десятиклассников, окончивших школу летом 1942 года, но они были, и ленинградцы с радостью восприняли эту весть.

Среди других передач лишь регулярные выпуски «Костер» по радио» были действительно рассчитаны на школьную, пионерскую аудиторию (передача не только заменила переставший выходить журнал «Костер», но и стала на время единственной трибуной для детских писателей). Все остальное могло бы с тем же успехом быть передано другими редакциями.

В 1943 году главное место в работе детской редакции занял рассказ о том, как ребята помогают Родине в трудные дни. Вот некоторые, самые характерные передачи: «Наши тимуровцы», «Чем ты поможешь фронту», «За наши дела пионерские спасибо нам Родина скажет». Все чаще к микрофону подходят сами ребята. В один из июньских дней в студию пришли школьники Петя Бабурин и Юра Артюхин, награжденные медалями «За оборону Ленинграда». Это были сверстники бывшего блокадного мальчишки, ныне поэта Юрия Воронова, который написал: «Нам в сорок третьем выдали медали и только в сорок пятом — паспорта».

Перед ребятами выступали герои Ленинградского фронта, для них передавались очерки о подвигах бойцов и командиров, в передачах использовали и материалы других редакций. В то же время голоса подростков, работавших на заводах, звучали в передачах для взрослых.

Осенью 1943 года были осуществлены постановки радиопьес по произведениям Г.-Х. Андерсена и Конан-Дойля — «Дюй-

мовочка» и «Лига красноголовых». Эти передачи свидетельствовали об огромных изменениях, произошедших в Ленинграде за два блокадных года. Теперь детская редакция, вопреки продолжающейся осаде города, вела свой, особый разговор с детьми. Но в 1941-1943 годах она выполняла главным образом непосредственно политические задачи.

На протяжении всей блокады самой регулярной передачей и в 1941-м, и в 1944 годах оставались «Последние известия». Они составляли существенную часть всего радиовещания. Можно было пропустить что-либо другое, но не этот важный отчет о происходящем в городе и в мире. Ленинградцы были вознаграждены за свою верность «Последним известиям» в январе 1944-го. И тогда же продолжением самого значительного известия, которое услышал Ленинград в те годы, стали все другие передачи.

Впрочем, о январских передачах 1944 года следует говорить особо. Именно в январе пришли дни, когда артиллерийский гул слышался совсем не так, как во время почти ежедневных артиллерийских обстрелов. Встречаясь на улице, люди понимающе улыбались друг другу, знали — сбывается мечта о полном разгроме врага у стен города. Это настроение ленинградцев и все события тех дней запечатлело радио. Вновь говорила Берггольц: «И все свершилось, все настало, и правдой сделалось все то, что бредом гордости казалось». Поэтесса читала стихи и, как обычно, обращаясь к другу-ленинградцу,

беседовала с ним: «В Ленинграде тихо. Это так удивительно, так хорошо, что минутами не верится даже... А когда подумаешь, что это не та коварная тишина, которая устанавливалась между обстрелами и не радовала, а томила, хочется смеяться и плакать от радости...»

Выступала Вера Инбер: «Впервые в приказе по войскам есть обращение к гражданскому населению города. Эта честь выпала на долю Ленинграда». И она же говорила о первом салюте, первом мирном залпе освобожденного города: «Кто видел сияние всех этих человеческих глаз, тот уже никогда не забудет этого. Такое можно пережить только раз в жизни».

Индекс _____

ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМИТЕТ РАДИОВЕЩАНИЯ

Микрофонная карточка.

9 мая 1944 г. Начало _____ Окончание _____

ГОВОРИТ ЛЕНИНГРАД!

Работают радиостанции на волнах _____ и Ленинградская городская радиотрансляционная сеть.

Передает: Комитет

Участвуют: _____

(Не читать: грамзапись, топфильм, диск, магнитофон, с конференсом, без конференса.)

Слеса: _____ Редактор: Таруак

№ по порядку	Автор произведения	Название произведения	Фамилия исполнителя	Хронометраж
1	Берггольц	Посадим марш		3:28
2	Давидов	Песня о радике		1:11
3	Давид	Марш "Завтра мы выйдем"		4:04
4	Таруак	Москва майская		3'
5	Вин	Как вьюга над нами		4:52
6	Давид	Колонный марш (Марш Давидов)		1:10
7	Берггольц	Моя страна		3:23
8	Берггольц	Марш старейших		2:45
9		Мини-марш		1'

Диктор блокадного радио Мария Григорьевна Петрова

Работа радио в годы блокады неразрывно связана с именем актрисы Марии Григорьевны Петровой. Ее любит и помнит не одно поколение радиослушателей. За 56 лет непрерывной работы на Ленинградском радио легендой эфира были прочитаны десятки тысяч страниц литературных произведений и сыграны сотни ролей в радиоспектаклях.

Мария Григорьевна Петрова — это целая эпоха в жизни города. Ее голос, интонации были позывными Ленинграда. Взрослые и дети включали радио на полную громкость и слушали, как она читала.

Когда началась Великая Отечественная война, Мария Петрова оставалась в Ленинграде и продолжала работать на радио. 22 июня 1941 года она должна была читать главы из повести Льва Кассиля «Великое противостояние». Были отпечатаны программы с ее портретом. Утром 22 июня сотрудники уехали за город отдохнуть. Пели, смеялись и вдруг заметили, что машины с большой скоростью несутся в сторону города. «Эй вы, радио что ли не слышали? Война!» — крикнул шофер. А через несколько дней текст этой мирной радиопрограммы разрезали на узкие полоски и наклеили на оконные стекла...

Работников радио перевели на казарменное положение, то есть они пребывали в постоянной боевой готовности. Мария Григорьевна была назначена политруком «объекта». Так стал называться Дом радио.

Далее следуют выдержки из интервью для одной радиопередачи, в котором Мария Петрова рассказывает о себе. Ее воспоминания о блокаде.

«Тон нашего разговора в блокадные годы с самого начала войны можно разделить на несколько периодов. В самом начале войны шли по микрофону марши, песни, призывы, оперативные сводки. Но обстановка в стране менялась. Особенно остро ленинградцы ощути-

ли это, когда в сентябре сомкнулось кольцо блокады. Мы были отрезаны от Большой земли, радио оставалось единственным источником информации, и тон нашего разговора с радиослушателями совершенно изменился. Он стал более доверительным, более дружеским, более серьезным, несмотря на то, что мы испытывали те же трудности, такой же голод и холод, узнавали те же горькие сводки с фронтов. Мы должны были работать иначе. Иногда мы получали письма, в которых люди писали: наверное, вы не голодаете, не холодаете, иначе как же вы можете говорить такими бодрыми, уверенными голосами? Однако, мне кажется, ленинградцы, пусть и не сразу, но понимали, что голос наш был своеобразным оружием. Мы не могли говорить тусклыми, унылыми голосами. Мы должны были заставить себя так говорить, несмотря ни на какие лишения.

В один из дней пришло письмо: «Спасибо, что вы не уехали. Мы слышим ваш бодрый, мужественный голос, мы верим, что скоро наступят лучшие дни. Мы, ленинградцы, знаем, что радио с нами, радио говорит, радио работает. И мы верим каждому слову».

Мы должны были вселять бодрость в ленинградцев, отрезанных кольцом блокады. И мы это делали. По-настоящему, не считаясь ни с чем: ни с болезнями, ни с голодом.

Я помню такой случай. У нас в комнате на шестом этаже стояла печурка. Мы ломали мебель, стулья. И согре-

вались. У этой печурки велись душевные разговоры. Очень часто сидела с нами Ольга Берггольц, которая жила тут же на казарменном положении, работала, писала свои замечательные стихи, говорила с ленинградцами. Ее несколько ироничный, картавый, душевный голос я не могу забыть, потому что мы много дней провели вместе. И когда у меня пропали хлебные карточки, то Ольга попросила, чтобы люди принесли мне свою буханку хлеба. Я отказалась, сказав, что я такая же ленинградка, как и все.

Несмотря на свою иронию, Ольга Берггольц была со мной предельно мягка. Когда я беру ее последнюю синюю книгу, которую она мне подарила, там есть слова, обращенные ко мне: «блокадной моей подруге»...

До сих пор я вспоминаю какие-то истории — очень веселые истории, которые она рассказывала нам, пытаюсь отвлечь от той горечи, которая невольно охватывала многих. В этой опухшей, одетой в ватничек женщине была такая неженская сила патриотки, что очень многим было чему поучиться. Она верила в людей. И всех призывала верить в то, что никогда в Ленинград не вступит нога врага».

В послевоенные годы творческая жизнь Марии Григорьевны продолжалась. Она работала не только актрисой, но и режиссером, ставя «Пионерские вестники», работала с молодыми акте-

рами, продолжала читать сказки для детей. В послевоенные годы репертуар Марии Петровой пополнился любимой ею классикой: «Война и мир» Льва Толстого.

24 января 1992 года Марии Григорьевны не стало.

Похоронена она на Богословском кладбище рядом с мужем Ярославом Николаевым.

Шестьдесят лет голос Марии Григорьевны звучал у микрофона. Звучит он и сейчас. Она ушла из жизни, но остались те, кто чтит ее память.

*Ю. О. Радкевич
А. И. Рубашкин*

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в годы Великой Отечественной войны

Никто не мог и предположить, что война продлится четыре бесконечных года и унесет миллионы жизней. Никто не знал, что Ленинград будет взят в кольцо блокады, что враг подойдет к самым его границам и все же не сможет одолеть измученный, израненный город.

900 дней блокады... Ежедневный подвиг его жителей, которые своей жизнью, своим трудом, волей к победе навсегда останутся в памяти. Никто не забыт и ничто не забыто.

Начало войны

С первого до последнего дня Великой Отечественной войны Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина была открыта для всех желающих.

В первые недели сразу же после начала Великой Отечественной войны в ряды Красной Армии, в народное ополчение, истребительные батальоны, а не-

Фасад библиотеки в годы блокады

сколько позже — в партизанские отряды из Публичной библиотеки ушло свыше пятидесяти сотрудников. Были призваны в РККА: А. З. Абрамишвили, Б. Л. Агафонов, С. Х. Григорьянц-Акопьянц, Е. И. Кожевников, И. А. Месеняшин, С. Г. Миляев, Н. Я. Морачевский, И. В. Тарасов, И. М. Юновер. Среди библиотекарей, добровольно ушедших в армию и народное ополчение, были и женщины: Е. Е. Канина, А. В. Черных, А. В. Семенова, Е. М. Зубчанинова, З. П. Титова, М. Н. Вальтер, Г. Т. Сиротенко, Х. А. Сунчелеева, незадолго до начала войны окончившие курсы медсестер. На фронте и в частях МПВО сражались позднее секретарь комитета ВЛКСМ Л. В. Шаропова, библиограф Р. М. Берлинская, библиотекари Э. М. Гиршгорн, Н. Я. Сергеева, В. М. Цвибак, Н. В. Фролова, В. С. Грязева.

Эвакуация

С первых месяцев войны библиотека оказалась разделенной надвое. Наиболее ценные фонды: собрание рукописей, коллекции инкунабулов, альдов и эльзевиров, книги церковнославянской печати, издания гражданского шрифта, вышедшие при Петре I, собрание русских книг XVIII — первой четверти XIX века, коллекции «Россика», «Пушкиниана», «Вольная русская печать», библиотека Вольтера, архив дома Плеханова и другие были

Каталоги библиотеки, перемещенные в подвальные помещения. Зима 1941-1942 гг.

эвакуированы в глубокий тыл, в г. Мелекесс (ныне Димитровград) Ульяновской области. 20 июля 1941 года из Ленинграда отбыл первый эшелон, прибыв по назначению 31 июля. Вместе с фондами уехала группа сотрудников, на которых возлагалась огромная ответственность по сохранению книг. В августе 1941-го начало работать Мелекесское отделение в составе 24 человек под руководством В. И. Гранского, с марта 1942-го — А. Х. Вольпера.

Перемещение фондов

В военные годы библиотеку возглавляла единственная женщина-директор

в истории ГПБ — Елена Филипповна Егоренкова. В самой библиотеке с конца июля 1941 года начались внутренние перемещения фондов.

В нижние этажи и подвалы главного здания были переведены Центральная справочная библиотека, основные каталоги, Фонд эстампов; Общий читальный зал — в помещение Кабинета Фауста; Научный читальный зал — в Отдел рукописей. Перенесены подручные библиотеки (100 тыс. экз.), справочная библиотека Консультационно-библиографического отдела (свыше 50 тыс. экз.), упакованы в ящики и

спущены в подвал материалы Фонда эстампов. Большие перестановки были произведены также в зданиях резервных фондов, расположенных в Петропавловской крепости и Александро-Невской лавре. В общей сложности за короткий срок было упаковано, снято со стеллажей и перемещено около миллиона единиц хранения книг, журналов и других изданий.

МПВО

Начавшиеся с 8 сентября 1941 года воздушные налеты и артиллерийские

обстрелы города поставили под непосредственную угрозу существование библиотеки. В результате воздушных налетов в Главном здании и филиалах были выбиты почти все стекла. 26 января 1942 года погас свет, замерз водопровод. Для защиты книгохранилища от атмосферных осадков силами сотрудников некоторые оконные проемы были заделаны фанерой и папками, а окна первого этажа — специально изготовленными щитами.

В день начала войны на казарменное положение полностью перешла команда МПВО. Она сыграла значительную роль

Сотрудники ГПБ на казарменном положении. Зима 1941-1942 гг.

*В штабе МПВО ГПБ (слева направо)
Л. Тovoкайне, Л. Шарапова, В. Назаренко,
Л. Григорьева*

в деле охраны библиотеки в труднейших условиях блокады, в бесчисленные часы бомбежек и обстрелов.

Силами команды МПВО для защиты библиотеки от зажигательных бомб были подняты на чердаки многие сотни ведер с песком, перекрытия были окрашены огнеупорными красками. С первых воздушных тревог различными службами команды МПВО руководили Т. И. Антонец, Ф. Д. Бартовская, Т. С. Григорьянц, Ф. И. Горенштейн (Бархатова), А. М. Древинг, З. И. Зазыкина (Иванова), Т. В. Клочихина (Макарова), Р. С. Подрайская, О. А. Каллер (Суслова), М. М. Чернякова. С 6 июля 1943 года начальником штаба МПВО ГПБ был назначен В. С. Люблинский, до этого служивший в штабе МПВО Куйбышевского района.

В одно из дежурств тяжелое ранение получила Зинаида Ивановна Зазыкина, впоследствии награжденная орденом Боевого Красного Знамени.

Блокадные дни

В течение суровой зимы 1941-1942 года началась борьба за жизнь самих библиотекарей. Голод и холод унес жизни 138 сотрудников Публичной библиотеки. Среди них: В. Э. Банк, Е. П. Гребенщикова, П. М. Иванова, Н. Д. Игнатьев, Л. Д. Кранцфельд, И. И. Слонимский, В. В. Майков, М. Э. Орловская, Е. Ф. Проскуракова, Б. В. Сайтов и многие, многие другие, чьи имена, как и имена павших на фронте Б. Л. Агафонова, Г. М. Ершова, С. Г. Миляева, И. М. Юновера, помнит библиотека.

В здании библиотеки был открыт стационар, куда на лечение и усиленное питание на 10-12 дней направляли ослабевших от голода людей. Душой стационара были С. С. Казакевич и З. И. Меерова. Часть мест предоставлялась библиотеке в стационаре Педагогического института им. А. И. Герцена. Всего через стационар прошло около 200 сотрудников, и многим из них была спасена жизнь.

Сотрудницы ГПБ на ремонтно-восстановительных работах. 1942 г.

Весной 1942 года, вместе со всеми ленинградцами спасая город от эпидемии, сотрудники Публичной библиотеки принимали активное участие в очистке улиц и дворов Ленинграда. В разное время в оборонных работах участвовало свыше 400 человек.

Уход на фронт, эвакуация, гибель от голода и болезней — все это привело к резкому сокращению количества сотрудников библиотеки. Если в канун войны их было около 800 человек, то к концу 1942 года осталось 200.

Библиотека живет и работает

И все же в невероятно тяжелых условиях блокады Публичная библиотека продолжала работу, основные направления которой определились с первых же дней Великой Отечественной войны: предварительное удовлетворение нужд фронта и оборонной промышленности; помощь партийным и советским организациям города; оказание помощи библиотекам

Сотрудники библиотеки разгружают дрова. 1943 г.

Сотрудники ГПБ пилят дрова. Зима 1943-1944 гг.

воинских частей; обеспечение сохранности фондов и их пополнение. Сотрудникам приходилось шифровать требования при слабом освещении коптилок, книги разыскивались под освещение фонаря «Летучая мышь» и снимались с полок при температуре $-25-30^{\circ}\text{C}$. Были случаи обморожения рук у сотрудников. Каждый читатель был обязан, приходя на длительное время, приносить свечку или фонарь, особенно после 18 часов.

Рабочий день сотрудников начинался с заготовки дров. Для того чтобы обеспечить теплом читальные залы и служебные помещения, сотрудники разгрузили свыше 6000 кубометров дров. Они же обеспечивали охрану библиотеки, дежурили на крышах, убирали снег, скалывали лед, работали на огородах. В то же время будни библиотеки были заполнены заботой о приобретении новой литературы, чтением лекций в воинских частях и госпиталях, составлением библиографических списков для выставок, дежурст-

вами во время воздушной тревоги. Библиотекари не только продолжали работу, но и стремились ее усовершенствовать. Ни на один день не прекращали своей деятельности И. А. Бычков, М. А. Садова, М. В. Кальфа, В. А. Каратыгина, В. Н. Струлева, О. П. Захарьина, Е. М. Соловейчик, М. В. Машкова, А. К. Шкеле, О. Л. Петрова, Т. С. Григорьянц и др.

Читатели в годы войны

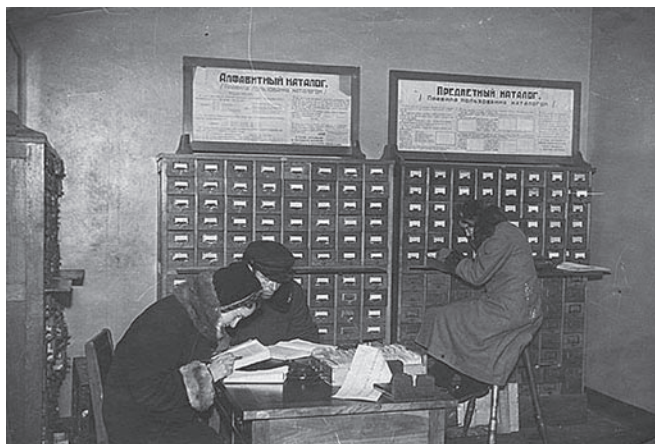
За годы Великой Отечественной войны Публичная библиотека обслужила 42 597

читателей, которые посетили ее 463 846 раз и получили 1 474 408 единиц хранения. Только за годы блокады Ленинграда читателями библиотеки состояли 9 229 человек, и им было выдано 502 867 книг, журналов, газет и других материалов.

К фондам библиотеки обращались люди разных профессий, среди них резко увеличилось число военных специалистов, врачей, медсестер, политработников армии и флота, пропагандистов, агитаторов, лекторов, работников радио и кино, участников партизанского движения.

Читальный зал РНБ

В войсковые части и госпитали было отправлено 18 тысяч книг. Сотни книг, преимущественно художественной литературы, по просьбе солдат и офицеров направлялись прямо на фронт. Для Волховского фронта была сформирована специальная библиотека.

Примерная тематика запросов отвечала нуждам военного времени — о ведении уличных боев, строительстве оборонительных сооружений, устройстве и оборудовании госпиталей, гаражей и убежищ, о строительстве ледяных дорог. Медицинских работников интересовала литература об авитаминозе, голодном отеке, съедобных дикорастущих растениях, о калорийности глюкозы, об огородничестве, разведении шампиньонов и т.д.

Часто поступали просьбы на книги о героическом прошлом русского народа, о выдающихся полководцах, героях гражданской войны, о Ленинграде в Великой Отечественной войне, об участии женщин в обороне города, защитниках города и др.

С началом Великой Отечественной войны многие сотрудники Публичной библиотеки работали в госпиталях, воинских частях, военкоматах, пунктах всеобуча и т.п.

Посильную помощь обороне Ленинграда Публичная библиотека оказывала и своей справочно-библиографической работой.

Центральное место занимали справки по военной технике, военной медицине и социально-экономическим вопросам. В 1945 году увеличилось число библиографических запросов по литературе и искусству. Тогда же Консультационно-библиографический отдел возобновил прерванное в начале войны составление рекомендательных списков по актуальным вопросам и к красным датам календаря.

Сохранение книжных ценностей города

В условиях города-фронта Публичной библиотеке пришлось приложить особые усилия к созданию полного собрания ленинградских изданий. Были установлены контакты с издательствами и типографиями. В своем дневнике Г. А. Озерова называет посещение типографий и издательств походами («поход в типографию Володарского», «поход в издательство «Искусство»). Памятником мужества, стойкости и беззаветной преданности делу стали ленинградские издания периода блокады в фондах Публичной библиотеки.

В марте 1942 года было принято решение создать коллекцию «Ленинград в Великой Отечественной войне». В нее поступали все виды печатных изданий. Особое внимание уделялось сбору фронтовой печати. Поиском материалов занималась специальная комиссия под руководством В. А. Каратыгиной. Вместе с ней трудились Е. С. Коц, В. П. Шмидт, М. К. Зиновьева, Н. И. Кашменский, В. А. Филатова, Р. М. Рубина, З. Н. Косичкина-Богословская и др. К 1944 году коллекция насчитывала 28 422 единицы хранения, в том числе: газет — 12 007, афиш, программ, пригласительных билетов и других подобных изданий — 5422, иллюстраций — 4426, листовок — 3479. В 1944 году коллекция «Ленинград в Великой Отечественной войне» пополнилась материалами по истории партизанского движения в Ленинградской области (свыше 200 единиц).

Эвакуация жителей города, тяжелые условия зимы 1941-1942 года, разрушение от бомбежек и артиллерийских обстрелов квартир ленинградцев поставили перед библиотекой вопрос о необходимости принять срочные меры по спасению личных библиотек, погибающих в разбитых домах, в заброшенных, опустевших квартирах. С мая 1942 года в эту работу под руководством М. В. Машковой включилась большая часть сотрудников Отдела комплектования.

К концу 1942 года было выявлено свыше 170 адресов частных библиотек,

нуждавшихся в охране. Многие из них находились в домах, пострадавших от бомбежек, обстрелов, пожаров. Публичная библиотека взяла под свою охрану не только частные библиотеки, но и библиотеки учреждений, массовые библиотеки, книжные склады.

Огромных физических усилий требовала доставка книг — их переносили пачками на руках, зимой перевозили на санках, весной — в детских колясках. С июня 1942 года в распоряжение Публичной библиотеки два раза в неделю выделялся грузовик. К концу 1942 года количество перевезенных книг составило свыше 105 000 томов.

От гибели и расхищения были спасены многочисленные архивы и библиотеки. О. Ф. Берггольц вспоминала: «Работники Публичной библиотеки не дали погибнуть осиротевшим, оставленным без защиты книгам: на саночках, а весной в детских мальпостях, совершая огромные концы пешком, качаясь от слабости и тяжелого груза, возили они выморочные библиотеки в свой фонд и спасали для будущих поколений сотни, тысячи книг, рукописей, архивов».

Однако, несмотря на самоотверженный труд библиотекарей, Публичной библиотеке был нанесен большой урон. В акте об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками фондам библиотеки, значилось: количество погибших книг — 34 072; частично поврежденных книг — 107 249, общей стоимостью 5 342 835 рублей.

Награждение сотрудников ГПБ медалью «За оборону Ленинграда». 10 февраля 1944 г.

Награждение сотрудников ГПБ

Героическая работа Публичной библиотеки по сохранению своих фондов и спасению книжных ценностей в августе 1942 года была отмечена приказом по Народному комиссариату просвещения РСФСР. Труд сотрудников Публичной библиотеки в годы Великой Отечественной войны был высоко оценен Советским правительством. Свыше 150 ее работников были награждены медалью «За оборону Ленинграда», около 200 — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», 59 были отмечены бла-

годарностями Наркомпроса, Ленинградского облисполкома, занесены в Книгу почета культпросветработников, получили благодарности от госпиталей.

И сейчас, по прошествии 65 лет со дня Победы, мы помним эти страницы жизни библиотеки и гордимся ими. Это и о них писала О. Берггольц «Никто не забыт и ничто не забыто...»

*И. С. Зверева
(Отдел архивных документов),
М. Ю. Матвеев
(Отдел истории библиотечного дела)*

ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война и блокада занимают особое место в истории петербургского «Водоканала». В 2013 году предприятие отметило свое 155-летие, а в годы войны оно называлось Управление «Водоканал» Ленгорисполкома. Управление было образовано 13 марта 1939 года в соответствии с постановлением Президиума Ленсовета. В Управление «Водоканал» вошли тресты «Ленводопровод», «Ленканализация» и «Ленводоканалстрой», завод «Лентрублит», бюро водопроводных вводов, лесопильная база и школа мастеров Социалистического Труда.

В начале войны Управление и весь личный состав были переведены на военное положение. На 1 июня 1941 года в Управлении и трестах «Ленводопровод» и «Ленканализация» работало 1541 человек, на 1 октября первого года войны это число сократилось до 1241. Штат Управления составил 23 человека. Проектный отдел, строительное бюро по ремонту домовых вводов, отдел капитального строительства, школа мастеров Социалистического Труда были ликвидированы полностью. Для нужд РККА в Управлении была мобилизована техника,

в том числе передано армии три легковых и десять грузовых автомашин, двадцать самосвалов, один трактор, один компрессор, один автобур и другое оборудование, а также три ломовых лошади. При Управлении «Водоканал» была организована служба МПВО.

Управляющие городским водопроводом и канализацией в период Великой Отечественной войны: В.И.Шульженко(с1939по1940г.),И.И.Мирохин (с 1940 по 1941 г.), М. И. Зиновьев (с 1941 по 1942 г.), В. М. Решкин (с 1942 по 1943 г.), А. И. Перегуд (1943 г.). В ноябре 1943-го директором Управления «Водоканал» стал Ф. М. Ноев (по 1961 г.).

На 1 января 1941 года протяженность водопроводных линий составляла: уличные сети — 1095,5; водоводы — 27,1; дюкеры — 10,1 км. К 22 июня 1941 года длина сетей была доведена до 1125,7 км, а дюкеров — до 10,2.

В состав треста «Ленводопровод» входили три водопроводные станции: Главная, Южная и Петроградская; пять подкачивающих станций и четыре района по эксплуатации сетей: южный, северный, центральный и западный.

С началом войны водопроводные станции перешли на казарменное положение. Это означало, что люди находились на государственном обеспечении — таким образом, им был гарантирован прожиточный минимум.

С началом блокады Ленгорисполком издал распоряжение о проведении мероприятий для исключения возникновения эпидемических заболеваний. Мно-

гие пункты этого распоряжения касались и водопровода. От «Водоканала» требовалось довести постоянное давление в водопроводных сетях до 20 м вод. столба, чтобы обеспечить водоразбор в первых этажах жилых зданий; с 23 февраля 1942 года на водопроводных станциях установить такой режим, который обеспечивал бы бесперебойную подачу в сеть доброкачественной и обеззараженной воды; к 25 февраля 1942 года закончить очистку помещений, цехов и дворовых территорий водопроводных станций от мусора, грязи, снега и т.д. Поддержание чистоты на станциях было одной из приоритетных задач руководства.

Очередным распоряжением Ленгорисполкома в июле 1942 года Управлению «Водоканал» предписывалось проводить ремонтно-восстановительные работы по водопроводу и канализации без выходных дней и без малейшего снижения темпов работ в воскресные дни для ликвидации аварий; один раз в декаду за счет рабочего дня проводить санобработку (бани, санпропускники, смена белья).

Общая подача воды в сеть в первом квартале 1942 года составила 32 млн. м³ вместо 72,4 млн. м³ в первом квартале 1941-го. В 1941 году среднесуточная подача воды в город составила 768,3 тыс. м³; в 1942-м — 499,4; в 1943-м — 536,9; в 1944-м — 516,9; в 1945-м — 605.

К началу 1942 года в «Водоканале» осталось около половина личного состава работников. Одни (в первую очередь мужчины) ушли защищать стра-

ну с оружием в руках, другие погибли в городе. В феврале с разных предприятий Ленинграда на работу в «Водоканал» были направлены дополнительные трудовые ресурсы. В основном это были женщины. Им предстояло стать канализаторами, землекопами, кочегарами, рабочими аварийных бригад, слесарями... Было сделано все возможное и невозможное для того, чтобы обеспечить водой жизненно важные объекты Ленинграда и не допустить эпидемий весной 1942-го, а затем 1943 года.

Разрушение сетей вызывало затопление подвалов, улиц и площадей, а иногда и целых районов города. Городские

внутридомовые водопроводные сети не выдержали страшных морозов зимы 1941-1942 годов: 80-90% из них замерзло. Однако при этом и городская водопроводная сеть, и канализация работали постоянно — за исключением 25-26 января, когда была полностью отключена подача электроэнергии. За бесперебойную работу жизненно важных городских систем была заплачена высокая цена: 882 сотрудника Водоканала погибло на рабочих местах. В их честь у музейного комплекса «Вселенная Воды» на Шпалерной улице сооружен памятный мемориал, на гранитных плитах высечены имена всех погибших.

Никто из оставшихся в живых работников после войны не покинул «Водоканал». Сотрудники станции, вернувшиеся с фронтов Великой Отечественной, снова пришли на работу в «Водоканал». Впереди было восстановление разрушенных объектов, организация нормальной работы систем водоснабжения и водоотведения, их дальнейшее развитие.

Главная водопроводная станция

Вода забиралась из Невы шестью самотечными линиями. Забор и подача воды на очистные сооружения производилась тремя дизель-насосными агрегатами и шестью электронасосами. Насосные

отделения II подъема были оборудованы четырьмя паровыми турбонасосами и девятью электронасосами. ГВС имела питание от двух источников электроэнергии и свой собственный тепловой источник энергии. К началу войны на ГВС работали две группы очистных сооружений — новые и старые; те и другие — по двухступенчатой схеме. Удовлетворительное качество воды достигалось за счет ее аммонирования и хлорирования.

В годы войны сотрудники станции буквально жили на рабочем месте. В музейном комплексе «Вселенная Воды» есть экспозиция, воссоздающая рабочий уголок блокадника. На территории стан-

ции весной 1942 года были разбиты огороды, на которых сотрудники выращивали картофель, капусту, свеклу. Урожай отпращивали в столовую станции. Авторы материалов в газетах, которые издавали на ГВС — «Боевой листок» и «Огородник» — нередко призывали сотрудников станции «отлично обработать свои участки», помочь вскопать огороды семьям фронтовиков, которые сами не могут этого сделать, давали советы, как удобрять и обрабатывать землю, пропалывать и прореживать растения, бороться с вредителями. Выпуски «Боевого листка» наглядно иллюстрируют жизнь, труд и быт станции того времени.

Первый массированный налет вражеской авиации длился с 19 часов 7 сентября 1941 года до 6 часов следующего дня. С этого времени фашисты наносили особые удары по ГВС, которую в городе называли «объектом №1». Второй массированный налет вражеской авиации был в ночь с 3 на 4 октября 1941 года. Несмотря на значительные повреждения ГВС, причиненные противником в первые месяцы войны, она подавала в город более 50% воды. В большей степени, чем другие водопроводные станции, ГВС являлась мишенью для вражеской авиации и дальнобойной артиллерии. На станцию за блокадное время было сброшено 55 фугасных бомб, она подвергалась активному артиллерийскому обстрелу.

Крупные разрушения сетей произошли у ГВС 5 октября 1941 года — около дома №56 по ул. Воинова (сейчас Шпалерная). Одновременно было разрушено 127 метров водопроводных труб диаметром 750 мм, 38 метров канализационного коллектора, дождевые и домовые патрубки. Ситуацию осложнили завалы от разрушенного дома и загромождения от разрушенных и подмытых водой трамвайных путей. На восстановление было затрачено 18 377 человеко-часов (бойцы отдельного водопроводно-канализационного восстановительного батальона службы «Водоканал» — ОВКВБ, воинских частей и МПВО).

Петроградская водопроводная станция подавала воду из Большой Невки

ОГОРОДНИК ГВС

№ 3
25.V.43

За высокий урожай

Более 300 чел. работников станции имеют в этом году индивидуальные огороды.

Большинство огородников хорошо обработали землю и посадили семена. Теперь надо хорошо ухаживать за огородом и тогда можно ожидать высокого урожая.

Для этого надо обязательно своевременно просеять всходы, выпалывать сорняки и бороться с вредителями растений.

На очереди посадки рассады — капуста и брюквы, ее надо посадить умело, пореже.

Всем огородникам надо убрать камни с своих участков, чтобы в них не водились крысы и мыши.

Любовным уходом за огородами добьемся высокого урожая и обеспечим себя овощами.

А. Булыгин.

Выращивайте раннюю зелень

Редис, салат, укроп, петрушка, шпинат — относятся к числу скороспелых культур. В шпинате много белков и витаминов.

Петрушка обладает хорошими противогрибковыми качествами. Очень полезны редис и салат.

Весной каждый человек очень нуждается в зелени, поэтому выращивайте на своих огородах ранние овощи.

Агроном Д. Маергойс.

Как сажать рассаду

Помните: Каждое растение должно иметь достаточную площадь питания, поэтому не сажайте часто!

Капусту — обязательно сажать реже, не ближе, как на 70 см, одно растение от другого.

Брюкву — обязательно сажать не ближе, как на 30 см, одно растение от другого.

Лишь посадите меньше рассады, но посадите хорошо отбрав наиболее сильные, здоровые корни рассады.

Старый огородник.

О прорезывании всходов

Появились первые всходы на индивидуальных огородах. Многие из огородников, не надеясь на всхожесть семян, сеели густо, в результате чего оказались грядки густо заросшими молодыми растениями. Последние заглушают друг друга и плохо развиваются.

Первоочередной работой каждого огородника является своевременное и умелое прорезывание их и создание нормальных условий для дальнейшего роста. Для этого следует немедленно после появления молодых растений разредить их так, чтобы одно растение не соприкасалось с другим:

редис, морковь, салат и шпинат — не ближе 5 см; свекла, турнепс и репа — должны сидеть не ближе 10 см.

Это будет первое прорезывание и очень важное для последующего роста этих овощей.

Н. Огнечев.

Дружеские шутки. Наши огородники

И.Т. Поздняков, копая землю на откосе у своего огорода, знал в воде.

Вот Поздняков, горя желанием Земли с откоса отхватить, откос копал и с кирпичами сумел в канаву угодить.

Вода желанная охладилась, не хочет с корюшкой нырять. Я посею кричит: «Спасите!! Я урожаем хочу собрать!»

И.М. Богарю очень густо посеял репу и теперь репа взошла как щетка.

Посеял Богарю репку часто и репка щеткою стоит. По этой щетке Богарю может Морковку сверком посадить.

В.Д. Знось, засобрав свой огорок, при ветре сыпал землю и вода летела на чужие огороды.

Собрав зам с соседних участков наш Знось здесь золой пылит, зола не держится на грядах к соседям в огорок летит.

Редька.

УБЕРИТЕ КАМНИ С ОГОРОВОДОВ!

Некоторые нерадивые огородники на своих участках сделали склады камней, настроили целые пирамиды из кирпича.

Это они стараются для крыс и мышей, чтобы им удобно было жить вблизи их участков.

Надо немедленно убрать все кучи камня находящиеся среди огородов.

Абрамова, А.И.

ВНОСИТЕ ДЕНЬГИ НА РАССАДУ!

В среду 26 мая 1943 г. последний день приема денег на рассаду. После этого никакие заявления приниматься не будут.

Огородная Комиссия

Редактор: Н. Ому.

в береговой колодец по одной самотечной линии. На станции было три насосных отделения. Отделение I подъема было оборудовано четырьмя электронасосами, II подъема — шестью электронасосами и двумя паровыми насосами. Очистка воды заключалась в отстаивании, фильтровании, аммонизации и хлорировании. Коагуляция, как на ГВС и ЮВС, проводилась периодически.

Петроградская станция в январе 1942 года, как и Южная ВС, работала с перерывами. Это было связано с перебоями в подаче электроэнергии и отсутствием топлива.

Первая очередь Южной водопроводной станции производительностью 160 тыс. м³ воды в сутки, была сдана в эксплуатацию в 1933 году. Вода из Невы поступала по пяти самотечным трубам. Основными реагентами для обработки воды служили аммиак и хлор.

Во время войны и блокады ЮВС, наряду с Главной и Петроградской водопроводными станциями, подавала воду в осажденный город. Сооружения Южной водопроводной станции подверглись значительным разрушениям, главным образом от артиллерийских обстрелов. Всего на территории ЮВС взорвалось

953 артснаряда, из них было 39 прямых попаданий. Серьезные разрушения произошли в мае, ноябре и декабре 1943 года, когда были разрушены фильтры, отстойники и трубопроводы.

Начиная с января 1942 года, на станции ежедневно случались перебои с электроэнергией. Прекращение питания электроэнергией и, как следствие, остановка станции на нескольких суток во время сильных морозов угрожали разрушением оборудования и сооружений. В апреле удалось отрегулировать энергорезжим, станция стала работать более стабильно.

Из числа рабочих и инженерно-технического персонала, оставшихся на станции к январю 1942 года (это человек 200, в основном женщины), были созда-

ны бригады для проведения мероприятий по защите сооружений и оборудования от разрушений.

В сентябре 1942 года постановлением коллегии НКХ РСФСР и ЦК профсоюзов рабочих коммунальных предприятий была отмечена работа Южной водопроводной станции. Станция работала, выдерживая стандарт качества воды и соблюдая график работы, несмотря на то, что находилась на переднем крае обороны — всего в 10 км от линии фронта.

На территории ЮВС имеется свой мемориальный комплекс, посвященный участникам войны — работникам станции, его открыли в 2003 году. На станции трудится много продолжателей начатого ветеранами дела, здесь работает несколько трудовых династий.

Восстановление водопроводных сетей

Количество разрушений на магистралях диаметром 500 мм и выше составили: в 1941 году — 51, в 1942-м — 23, в 1943-м — 82. Работы по локализации поражений входили в обязанности районов эксплуатации сети треста «Ленводопровод» и выполнялись аварийными бригадами. Извещение о разрушениях на сетях и распоряжение об отправке аварийной бригады обычно поступало из штаба службы МПВО «Водоканал». Характер и размер поражения предварительно определялся еще до выезда аварийной бригады по величине давления на насосных станциях. Если давление существенно не понижалось, то это указывало на разру-

шение трубопроводов разводящей сети. Если давление понижалось существенно, то это указывало на разрушение основных водоводных магистралей. Сообщения об авариях на сетях поступали от организаций и частных граждан. Для этого на улицах города были развешены объявления с указанием номеров телефонов, по которым можно было сообщить о разрушениях. Среднее время локализации одного поражения равнялось 1 час. 50 мин.

***

Список сотрудников «Водоканала», ставших жертвами бомбежек и голода, насчитывает сегодня 882 фамилии. Мемориальный комплекс, посвященный памяти сотрудников «Водоканала», погиб-

ших в годы блокады Ленинграда, был открыт у водонапорной башни на Шпалерной улице 8 мая 2003 года. Надпись на гранитной плите гласит: «ТРУЖЕНИКАМ «ВОДОКАНАЛА», ПОГИБШИМ В ГОДЫ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА. ЗЕМНОЙ ПОКЛОН ВАМ ОТ ГРЯДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ. МЫ ПОМНИМ ВАС, МЫ ПОМНИМ ВАШИ ИМЕНА». Мемориальный комплекс — дань памяти тем, кто самоотверженно трудился и боролся за победу во имя мирного будущего своих потомков.

Первые две мемориальные доски с именами 169 погибших сотрудников «Водоканала» были открыты на терри-

тории предприятия в 1982 году. Со временем этот список значительно расширился. Отделы кадров структурных подразделений предприятия провели большую работу, разыскивая фамилии бывших сотрудников и прослеживая их судьбы. И 25 января 2002 года состоялось открытие мемориальной доски, посвященной сотрудникам «Водоканала», погибшим во время войны, на Пискаревском кладбище. По традиции, в памятные для всех ленинградцев даты сюда приходят сотрудники и ветераны предприятия, чтобы почтить память погибших в годы Великой Отечественной войны.

Футбол в блокадном кольце

Через два месяца после начала Великой Отечественной войны, в августе 1941 года немцы начали мощное наступление на Ленинград. Фашисты планировали захватить город, а после этого развернуть огромное наступление войск на Москву. Тогда люди встали плечом к плечу на защиту родного города. И было не важно: взрослый ты или ребенок, — война касалась всех.

Потерпев неудачу у стен Ленинграда, фашисты решили задушить город голодом. К концу августа им удалось перерезать железную дорогу Москва-

Ленинград. 8 сентября 1941 года фашистское кольцо вокруг Ленинграда по суше было сомкнуто. Началась блокада. К этому моменту в городе было около 2,5 миллионов человек, из них 400 тысяч — дети.

Но с каждым днем их становилось все меньше и меньше. Город оставался без электричества и запасов продовольствия, но ленинградцы продолжали сражаться и работать. За время блокады только от голода в Ленинграде умерло свыше 640 000 человек и еще более 17 000 погибли от бомб и снарядов.

Чтобы не терять силы духа и поддерживать других, люди писали стихи, рисовали картины и сочиняли музыку.

В апреле 1942 года немецкие самолеты разбрасывали над нашими частями листовки: «Ленинград — город мертвых. Мы не берем его пока, потому что боимся трупной эпидемии. Мы стерли этот город с лица земли».

Трудно сказать, кто первым вспомнил тогда о футболе, но 6 мая 1942 года, по особому заданию Военного Совета Ленфронта, для поднятия боевого духа населения города и бойцов Ленгорисполком принял решение о проведении футбольного матча на стадионе «Динамо». Так, в блокадном Ленинграде 31 мая состоялся футбольный матч между командами «Динамо» и Ленинградского металлического завода. Игра, которая состоялась в мае на стадионе «Динамо», опровергала доводы вражеской пропаганды. Ленинград жил и даже играл в футбол!

Готовились серьезно. Собирали игроков. Кто-то из них служил в органах внутренних дел, кто-то на передовой, кто-то находился в «батальоне выздоравливающих» (в том числе комментатор Михаил Окунь, репортаж которого транслировался по радио и «на город», и на передовую!) Кстати, находящийся в радиокomiteе антифашист Фриц Фукс сразу же переводил его выступление на немецкий язык. Так что наш противник — на передовой — слышал обо всем, что проходило на динамовском стадионе. Слышал и знал, что город живет и даже проводит футбольные матчи!

Кроме того, газеты «Ленинградская правда» и «Смена» выпустили номера — на малоформатных страницах — с сообщениями о спортивных мероприятиях (футбольному матчу предшествовали показательные и легкоатлетические выступления).

На трибунах было всего несколько десятков болельщиков, ибо предварительно о матче в целях конспирации нигде не сообщалось. Пришли туда горожане из близлежащих домов и ходячие раненые из соседних госпиталей.

Команда «Динамо» почти полностью была составлена из футболистов, выступавших до войны за этот клуб, в то время как заводская команда была разнородной — играли те, кто просто умел играть и кто был достаточно крепок для игры в футбол, ведь сил у голодных жителей Ленинграда еле хватало, чтобы просто передвигаться.

От общества «Динамо» в этот день выступали: Виктор Набутов — вратарь, А. Федоров, А. Алов, К. Сазонов, Е. Улитин, А. Викторов, Г. Московцев, М. Атюшин, В. Иванов, Б. Орешкин и В. Федоров. А от Ленинградского металлического завода (ЛМЗ) который был засекреченным в годы войны и в газетах проходил как «Н-ский завод», вышли на поле: И. Куренков — вратарь, А. Фесенко, Г. Медведев, А. Мишук, А. Зябликов, А. Лебедев, Н. Горелкин, Н. Смирнов, И. Смирнов, П. Горбачев и В. Лосев.

Результатом этой игры был счет 6:0 в пользу динамовцев.

Не обошлось и без курьезов. Спортсмены хотели играть без перерыва, но из-за начавшегося артобстрела им все-таки пришлось уйти на отдых, в укрытие. Аркадия Алова, забившего в начале матча два гола, срочно вызвали на работу (в милицию). А в какой-то момент игры полузащитник «Зенита» А. Мишук, приняв головой мяч, не рассчитал силы и упал. Судья Павел Павлов, подбежав к нему, сказал уже знакомые футболистам слова: «Вставай, дружок, простудишься!» И тот, ободренный таким обращением, вскоре поднялся и «встал в строй».

Матч состоял из двух укороченных таймов по 30 минут. Встреча проходила без замен. Второй тайм футболисты провели под бомбежкой. Как смогли истощенные и измотанные игроки провести на поле все это время — неизвестно.

Поначалу медленные передвижения по полю этих людей мало напоминали спортивное состязание. Если футболист падал — встать самостоятельно не было сил. Зрители, как и в довоенные годы, подбадривали футболистов. Постепенно игра наладилась. В перерыве на траву не садились, знали — сил подняться не будет. После матча игроки покидали поле в обнимку, так было легче идти. Матч в осажденном городе дался нелегко. Это был подвиг!

Факт проведения матча в блокадном городе не остался незамеченным ни нашими, ни немцами. Он вызвал огромный резонанс во всей стране, и ощутимо поднял дух жителей города.

27 января 1944 года советские войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокадное кольцо. Закончилась самая длительная и чудовищная блокада в мировой истории, которая длилась 900 дней и ночей.

Ленинградцы выстояли и победили! Памятная доска этим поистине железным людям была установлена на стадионе «Динамо» лишь в 1991 году. На ней изображены силуэты футболистов и высечены слова: «Здесь, на стадионе «Динамо», в самые тяжелые дни блокады 31 мая 1942 года ленинградские динамовцы провели исторический блокадный футбольный матч с командой Металлического завода».

Из архива Пискарёвского мемориального кладбища

Память сердца

Самый тяжелый груз

*Ночь без сна,
В метель и дождь — без крова,
Чужд шоферу на войне покой —
Гасли дни и зажигались снова
На моей дороге фронтовой.
«Юнкерсы» ныряли спозаранку —
ЗИС трясло по грудам кирпичей...
Поступью тяжелой, словно танки,
Годы шли на гусеницах дней!
Подо мною на пути к Моздоку
Плыл асфальт, скрипел мостов настил —
Раненую жизнь возил к востоку,
Смерть на запад тоннами возил!
Знаю я свинца, железа клади, —
Кузов опускался до колес...
Но больше вспомнить — в Ленинграде
Я товарища зимою вез.
Груз совсем не разгибал рессоры:
Он лежал на сердце у шофера...
Расколов Невы холодный мрамор,
По земле огня катился вал.
За сугробами чернела яма,
Рядом заступ сторожем стоял.
Застонав, пурга покрыла кузов,
Наклонялись мерзлые кусты...
Нет на свете тяжелее груза,
Чем друзей в последний путь везти!*

Иван Демьянов

Блокада Ленинграда глазами очевидца

113

ДАНИЛОВ Иван Иванович

*Светлой памяти
моей мамы Анны Кузьминичны
и сестры Клавдии Ивановны*

С 1933 года я жил с родителями в поселке Кирпичного завода №2, находившемся между Витебской (ст. «Купчино») и Октябрьской (ст. «Сортировочная» в 8 км от Московского вокзала) железными дорогами, на Южном шоссе, соединявшим эти станции, а ранее называвшемся Дорогой на Куракину дачу.

Завод был построен в годы Первой пятилетки для удовлетворения строек Ленинграда кирпичом. Для работников и их семей было построено десять двухэтажных (30 комнат) и шесть одноэтажных барачных с опилочным заполнением остова. Между прочим, электрическое освещение в наш барак провели только перед 16-й годовщиной Октября.

Связь с городом осуществлялась или поездом со ст. «Сортировочная» или трамваем от Володарского моста, находившемся в трех километрах от поселка. Школа в поселке имела семь классов. И учебу в дальнейшем я продолжал в школе №169, расположенной недалеко от Московского вокзала, которую и окончил в 1941 году.

16 июня у нас был выпускной вечер, а 20 июня — «мальчишник», после которого мы пошли в кино смотреть и слушать незабвенного С. Я. Лемешева-герцога и М. Д. Михайлова в «Шотландской

застольной». Город жил полнокровной жизнью, и никто даже подумать не мог о страшной трагической судьбе, которая выпадет на долю Ленинграда. Такого трагизма не было, по-видимому, за всю историю человечества.

Начало войны

22 июня 1941 года в Ленинграде был солнечный день с холодным ветром, который гнал по небу отдельные белые облака.

Весть о начале войны, которую сообщил в своем выступлении в 12 часов дня по радио В. М. Молотов, была для всех как гром среди ясного неба, все думали, что война начнется еще не скоро.

Как сейчас стало известно, на следующий день, 23 июня в Ленинград прибыл генерал К. А. Мерецков и потребовал немедленно приготовливаться к обороне Ленинграда с юго-запада. И вскоре под Лугу и Кингисепп потянулись эшелоны ленинградцев на строительство оборонительных сооружений — «на окопы». Благодаря чему удалось задержать фашистов на Лужском рубеже до конца августа 1941 года.

Подойдя ближе к Ленинграду, немцы начали совершать воздушные налеты на город. Первый ночной налет был совершен 8 августа 1941 года. Все небо освещалось фейверком разноцветных ракет — так много в городе было вражеских лазутчиков.

Память сердца

Часто над нами завязывались воздушные бои, к нашему прискорбию иногда заканчивающиеся гибелью наших летчиков-истребителей.

К июлю 1941 года мне уже исполнилось 17 лет, и я поступил на работу слесарем в автотранспортную контору, находящуюся и поныне рядом со станцией Ленинград-Товарный-Московский. В конторе кроме автомашин и гаража для них были лошади и соответственно конюшни.

Блокада

Завершение окружения Ленинграда 8 сентября 1941 года было отмечено в 18 часов того дня налетом фашистских самолетов. Около 40 из них прорвались к городу с юго-запада, осыпая все на своем пути градом зажигательных бомб. Были подожжены Бадаевские склады продовольствия, находившиеся вблизи Московского вокзала. Несколько бомб попали на территорию гаража, но они были быстро потушены.

Когда к октябрю 1941 года фашисты подтянули к Ленинграду дальнобойную артиллерию, наряду с воздушными налетами, стартовавшими с немецкой пунктуальностью в 19 часов 35 минут, начались методические артиллерийские бомбардировки. Поскольку наш поселок располагался вблизи линии фронта, то, находясь на улице, можно было слышать шуршание пролетающих над нами снарядов.

Работал я в ночную смену (ремонт автомашин), а добираться на работу ве-

чером становилось все труднее. Нужно было при воздушной тревоге выходить из трамвая и ждать ее окончания на набережной под пронизывающим, дующим с Невы ветром.

Но если вечерние воздушные налеты имели задачу изматывать население города, то целью дневных было разрушение конкретных объектов, в первую очередь — мостов через Неву и каналы.

В октябре 1941 года была сделана попытка разрушить Володарский мост. Свидетелем этого стала моя мама, ожидавшая трамвай на остановке у моста. Бомба попала в недавно построенный шестиэтажный дом на Ивановской улице, вырвав всю его середину до основания.

В начале ноября 1941 года нашу контору закрыли, так как автомашины были нужны фронту, а лошади, вероятно, съедены.

После сокращения я и мой друг-однокурсник Андрей Пономарев поступили в Горный институт. В такое время эта процедура проходила очень легко, никаких экзаменов не надо было сдавать, достаточно было написать заявление, предъявить аттестат об окончании школы — и ты студент. А студентам выдавались рабочие карточки, по которым норма хлеба составляла 250, а не 125 граммов, как иждивенцам.

На занятия в институт добирался тем же путем, но более длинным — на Васильевский остров.

В середине ноября, когда мы возвращались с занятий, на Невском нас заста-

ла воздушная тревога, хотя погода была совсем нелетная — низкая густая облачность. Такова была изуверская тактика фашистов — изматывать полуголодное население, заставив людей ходить пешком. И мы были вынуждены своим ходом двигаться по Невскому к Московскому вокзалу. Когда мы перешли Фонтанку по Аничкову мосту, нас остановил милиционер у дворца Белосельских-Белозерских. Тогда мы повернули по Фонтанке направо и, совершив «обходной маневр», снова вышли на Невский по улице Нахимсона. Перед нашими глазами предстал разрушенный бомбой дом на углу Фонтанки и Невского (против дворца Белозерских). В нем располагался Куйбышевский райисполком (во дворце Белозерских — Куйбышевский райком). Середина пятиэтажного дома была разрушена до основания.

Остался ли жив милиционер, не знаю, но нам жизнь он спас.

Голод

Заниматься в институте было очень трудно, все время хотелось есть. Но от занятий мы вскоре «освободились» — 5 декабря в Ленинграде прекратилось движение трамваев.

Одна из моих сестер, Александра, работала в военном госпитале на набережной реки Ждановки (недалеко от стадиона им. Ленина — теперь Петровского). 6 декабря опять же через весь город пешком я пошел в надежде получить от нее кусок хлеба. Мороза в этот день не было —

погода была слякотной. Когда я переходил Кировский мост, фашисты вели интенсивный обстрел Петроградской стороны. Снаряды свистели прямо над головой. При этом звуке все старушки падали на мосту на мокрый снег. Я шел, не обращая внимания на пролетающие снаряды, во весь рост, удивляясь, почему это старые женщины так боятся за свою жизнь.

При этом обстреле пострадали «американские» горы, а в зоопарке была убита слониха.

На Кировском проспекте из разбитой водопроводной магистрали хлестала вода, превратив проспект в реку.

Положение в городе ухудшалось. Норма хлеба была прежняя: иждивенцам — 125 граммов, рабочим — 250.

Последовавшее вскоре сообщение о разгроме гитлеровцев под Тихвиным было радостным, но время было потеряно — подвоза продовольствия не было почти месяц. А если добавить, что восстановление железной дороги от Тихвина до Волхова потребовало еще 20 дней, то положение в городе стало катастрофическим. Первыми начали умирать наиболее крупные, физически сильные мужчины.

Карточку на январь я все же в институте получил, для чего в конце декабря пришлось проделать тот же маршрут туда и обратно.

Так как смертность была очень большой, и чтобы оставшиеся в живых не могли воспользоваться продуктовыми карточками умерших, была объявлена регистрация продкарточек, для чего

владелец карточки должен был явиться в учреждение, где получал карточки. 20 января 1942 года я должен был опять совершить маршрут на Васильевский остров. Была ясная морозная погода. Почти безлюдный Невский с метровыми сугробами производил ужасное впечатление, а на набережной Васильевского острова у стены дома лежал труп мужчины, который еще не успели убрать и отвезти на кладбище.

В конце января из-за отсутствия топлива начались перебои со снабжением хлебом, его не хватало даже при норме в 125 граммов. Взамен выдавали 60 граммов муки, точнее — отрубей.

30 января в поисках хлеба я оттопал почти всю Невскую заставу, но хлеба не достал. Как только к булочной подъезжали сани с буханками, тут же выстраивалась очередь, в буквальном смысле живая — двигающаяся за сани.

Возвращаясь домой и не дойдя примерно километра до барака, я окончательно выбился из сил. А мороз был около 30 градусов. Хотелось присесть и отдохнуть. Но я инстинктивно чувствовал, если сяду, то замерзну, и все твердил себе: «Не садись, не садись!». Собрав последние силы, я все-таки дошел до барака и, только переступив порог своей комнаты, мешком упал на под. Теперь 30 января я отмечаю как день своего спасения.

15 февраля я еще смог сходить на карьер, где брали воду, и принести два неполных ведра. Потом состояние мое резко ухудшилось, и мама заплакала, видя,

что умирает ее младшенький. Для меня это было очень тягостно, поскольку раньше я никогда не видел маму плачущей — особых эмоций по отношению к детям она не выражала. Родив десятерых детей (в живых остались шестеро), при повседневном тяжелом, крестьянском труде не до эмоций. А тут!..

Но судьба распорядилась иначе. В конце февраля — начале марта мама заболела: ее стал мучить дистрофический понос. Для меня было большим трудом сходить в близлежащее село Рылеево и выменять на кусочек хлеба стакан молока для нее. Эти ходки обычно оканчивались обморожением лица.

В конце марта я уже почти не мог передвигаться и, когда 27 марта мама скончалась, хоронить ее я не ходил. Сестры за буханку хлеба сделали гроб и еще за буханку вырыли могилу на кладбище Памяти жертв 9 Января. 30 марта, когда сестры отвозили санки с гробом на кладбище, была необычная для этого времени пурга.

Из сострадания ко мне комендант поселка (паспортист ЖКО?) выдал мамину карточку на апрель. Но это мне уже не помогло.

Последний раз я вышел из барака на несколько минут 6 апреля. Была пасмурная, относительно теплая весенняя погода. Все кругом таяло.

Самочувствие мое стало ухудшаться с каждым днем, и вскоре я был уже не в состоянии повернуться со спины на бок — каким оставит меня сестра Клав-

дия, таким и увидит, когда вернется. Начали образовываться пролежни, а при них каждая складка на простыне чувствуется как острый нож.

Женщины из нашего барака, встретив Клавдию, выражали свое сочувствие двояко: одни желали, чтобы я скорее поправился, другие — чтобы освободил ее.

Появилась жуткая отечность. Если сестра садила меня на табурет, ноги у меня сразу чернели и через кожу проступали капли воды. Каково было сестре, полуголодной, обессилевшей, поднимать меня с кровати! Только благодаря ей я остался в живых. А умирать так не хотелось!

В довершение всего сестра Александра, иногда навещавшая нас, занесла вошь.

Так, в ожидании конца прошел апрель, затем май. Но смерть обходила меня стороной, хотя в бараке из 30 семей не было ни одной, где бы не имелся покойник.

Развязка наступила 10 июня 1942 года. К нам пришел из штаба артбригады, позиции которой были около ст. «Шушары», военврач-капитан — в штабе нужна была машинистка, а Клавдия работала в этом качестве уже семь лет.

На предложение врача сестра ответила, что она рада получить работу по специальности, но куда она денет своего неспособного двигаться брата.

Военврач посмотрел на меня и пророчески произнес: «Ну, этот будет жить!».

Возвращение в строй

Военврач поддержал меня не только словом, но и делом. На следующий день

он принес сестре 24 таблетки аскорбиновой кислоты — витамин С. Три таблетки она приняла сама, а я по три таблетки принимал семь дней. Отечность спала, я стал похож на выходца из Освенцима. После цинги кожа начала облезать, как со змеи. Появилась легкость в теле, я стал поворачиваться, спускать ноги с кровати и раскачивая их, стал способен сам садиться. Мой вес на тот момент составлял 35 килограммов (был 51).

Сестра пошла оформлять документы на эвакуацию, но в военкомате ей сказали, что мы оба военнообязанные и должны защищать Ленинград.

«Так у меня брат не способен двигаться!»

«Ничего, будем лечить, направим в столовую усиленного питания.»

И вот 19 июня 1942 года мы отправились в Московский военкомат на приписку. Три километра до Володарского моста (до трамвая) мы одолели за полтора часа, отдыхать мне приходилось через каждые 100-200 метров. Подошел трамвай, а я никак не могу подняться на ступеньку. Сочувствие к моему бессилию почти никто из ехавших в трамвае не высказал.

В военкомате оказался неприятный день, и сестра отвезла меня к тетушке на улицу Герцена. Но тетя два часа назад уехала в эвакуацию к своим сестрам и вскоре умерла — ее перекормили жалостливые сестры.

Потом в военкомате Клаве дали для меня направление в столовую усиленного питания на Тамбовской улице, что за

Обводным каналом, недалеко от Лиговского проспекта. Ездить туда самостоятельно я не мог. Создалась опять тупиковая ситуация. Тогда сестра поехала узнать у живущих поблизости, не пустит ли кто меня на время пожить. И такая женщина нашлась — Шурупова Анна Яковлевна, у которой было две девочки трех и одного года. Все мы помещались в одной комнате в 18 квадратных метров. Муж у нее в это время был на ледовой Дороге жизни. Иногда он приезжал и рассказывал, как в апреле, когда уже было тепло и вода стояла поверх льда, он в открытой машине вывозил из Ленинграда детей. Петр больше всего боялся не за свою жизнь, а за детей. Если машина провалиться под лед, спасти их ему не удастся.

Новая беда подстерегала меня. Сократившийся желудок не принимал нормального питания. После принятия пищи появлялась страшная резь в желудке и рвота, после которой опорожненный желудок уже не мучил меня.

А затем начался дистрофический понос. В результате меня на скорой помощи отвезли в госпиталь на Ивановской улице около Володарского моста. Исцеление наступило после того, как сестры принесли мне морковки и зеленого лука. У госпиталя, где работала Александра, было подсобное хозяйство, и медсестер посылали сторожить урожай. Вот она для меня и «усторожила» морковки и лука.

В госпитале, где я лежал, давали 500 граммов хлеба и 25 граммов сливочного масла. Для дистрофиков этого было явно

недостаточно и выздоровление наступало очень медленно. Но перед Октябрьскими праздниками меня выписали.

Когда 9 ноября 1942 года я появился в Московском райвоенкомате, там очень удивились и, узнав, что я был в госпитале и из него выписан (значит — здоров), тут же поставили штамп, что я призван в ряды РККА.

Прибыли мы вместе с друзьями по госпиталю на Ивановской в знаменитые Московские казармы на проспекте К. Маркса, 65. Нас сфотографировали, обмундировали и сытно накормили, выдав полагавшийся фронтовой паек — 800 граммов хлеба и какое-то варено. Проснувшись на следующий день, я почувствовал боль в голове и животе. Обратился в санчасть, где находилось три медика-лейтенанта — мужчина и две женщины. Как я понял, мужчина был старшим.

— Что у тебя? — спросил мужчина.

Отвечаю, что болит голова и живот.

— Снимай брюки! — приказывает.

— Зачем брюки, если у меня болит голова?

— Снимай, снимай.

Когда я снял брюки, лейтенант приказал мне повернуться спиной. Посмотрев на мой копчик, он заключил:

— В лазарет!

Женщины возмутились:

— Если мы будем всех направлять в лазарет, то кто же будет воевать?

— Я знаю, что делаю! — отрезал мужчина.

Процесс долечивания продолжался. В военном госпитале, располагавшемся в здании Военной электротехнической академии связи на Тихорецком проспекте, куда через пять дней нас перевезли из лазарета, я пробыл до Нового года — с 16 ноября до 31 декабря 1942 года. Надо сказать, что лечение было по тем временам исключительное. Питание на таком уровне, что теперь другие и не поверят, ведь Ленинград был еще в блокаде: хлеба 800 граммов, сливочного масла 65 граммов, уколы глюкозы и камфары со стрихнином.

После такого лечения я стал быстро жиреть, наливаясь, но мышечная ткань так быстро не восстанавливалась. Силы в руках не было, чтобы подтянуться и залезть в кузов автомашины.

Люди, не испытавшие голода, имеют о нем часто примитивное представление. Голод — это болезнь, когда нарушаются функции всех систем человека: мышечной, нервной (появляется плаксивость), органов пищеварения и даже опорно-двигательной системы, костей.

Блокада прорвана!

*Друг, товарищ, там, за Ленинградом,
Ты мой голос слышал, за кольцом,
Дай мне руку! Прорвана блокада!
Сердце к сердцу — посмотри в лицо.*

*Кровь друзей, взывавшая к отмщенью,
На полотнах полковых знамен.*

Многие думают, что стоит только поесть — и вся болезнь пройдет. Поэтому, когда начинаешь рассказывать о блокаде, они относятся к этому чуть ли с негодованием: «Мы тоже в войну голодали!». «Вы путаете разные вещи. Вы не голодали, Вы недоедали! В таком случае можно вдоволь поесть и почувствовать себя здоровым».

Восстановление здоровья после голода требует не десяти дней, а от полугода до года. Это я и хотел проиллюстрировать рассказом о себе.

Новый, 1943-й год я встречал на Пересыльном пункте на Фонтанке, 120. Дали нам по 100 граммов водки, и я забрался отдыхать на верхнюю полку нар.

А утром 1 января 1943 года нас отвели снова в 36-й приемно-распределительный батальон (ПРБ-36), где вербовщики с фронта подбирали нужные кадры. Меня завербовали в 154-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон, дислоцировавшийся на Карельском перешейке под Агалатово.

Как бы то не было, а я встал в строй.

*На века убийцам нет прощенья.
Прорвана блокада. Мы идем!*

*Мы сегодня снова наступаем,
Никогда не повернем назад...
Мой малыш-сынишка спит, не зная,
Как сегодня счастлив Ленинград.*

Елена Вечтомова

Воспоминания о блокаде

ИВАНОВА (Дорофеева) Вера Михайловна

Хочу написать свои воспоминания о блокаде. Может, они будут не такие значительные, но для меня это память о моих родителях, сестрах и братьях, с которыми нас застала война 1941-1945 годов.

Мы жили в доме №1 по Аллее Володарского, который принадлежал «Пятилетке». Там работал наш папа Дорофеев Михаил Иванович. Старшая сестра Мария трудилась на военном Пороховом заводе. Старший брат Иван тоже работал. Братья Василий, Анатолий и сестра Аня учились. Когда началась война мне было всего шесть. Брату Ивану пришла повестка на фронт, все были в хлопотах, расстроены и в заботах, в сборах брата, а я просила хлеба с подсолнечным маслом и солью. Всем было не до меня, только папа сказал, что никто не обращает внимания на мою просьбу. В дни блокады всей семьей ходили на огород, он был далеко и папа носил меня на плечах. С братьями Толей и Васей спорили однажды из-за дуранды.

В 1942 году умерли Толя и Вася. Вскоре пришло извещение с фронта, что Иван пропал без вести. У папы очень болели ноги, он все время ходил в валенках.

По архивной справке все умерли в 1942 году: отец, мать, два брата и сестра Аня.

Мы остались со старшей сестрой Марией. Она работала и, бывало, ночью не приходила домой, я оставалась одна. Ходила в садик. Ноги у меня были опухшие, и моя обувь мне не подходила, приходилось обувать ботинки сестры Ани. На

лестнице горела синяя лампочка, и, встречая людей, я всегда пугалась: у них были синие лица — будто живой покойник идет навстречу. Вообще все время было страшно: бомбежки, свист снарядов. Помню, как я хотела оставить сестре манную кашу, чтобы она поела, когда придет с работы, но не утерпела и всю съела. Еще помню: сестра принесла как-то буханку хлеба, не знаю, на что она ее выменяла. Мы ели ее всю ночь и, пока не съели, не уснули.

Мама говорила сестре, чтоб она меня не отдавала в детдом. Но в 1943 году сестра меня отдала в ДПР (детский приемник-распределитель) — так как эвакуации уже не было. Я была там с 1 сентября по 11 ноября 1943 года, потом выбыла в детдом №40 на Васильевском острове. Я не осуждаю сестру, так как она переживала за меня, когда ей приходилось оставаться на работе и днем, и ночью.

В детдоме я была с 1943 по 1950 год. Очень благодарна директору детдома Шахназаровой Павле Ивановне. В то трудное военное время она много сделала для детей. После ее ухода в детдоме все перевернулось вверх дном. Оставаться в детдоме после 15 лет не разрешали. Распределяли по ремесленным училищам или передавали родственникам. Меня взяла сестра Мария, она уже тогда была замужем, у нее была дочь Люда. Мы жили на Лиговском проспекте. Потом у сестры родился сын Витя. Я ей помогала — водила детей в садик.

Блокада испытывала жителей города

КЛИМОНТОВИЧ Татьяна Владимировна

121

Что я помню о нескольких месяцах войны (немногим больше года), проведенных в Ленинграде?

22 июня застало счастливую семью, где папа был военным моряком, а мама не работала, находясь дома с тремя детьми. Старшей дочери (мне) было восемь лет, я отучилась в первом классе, получив в награду за хорошую учебу книжку о Марине Расковой, которую очень любила и долго хранила. В те годы воспитывалась гордость героями нашей страны. (В какой-то детской песенке, кажется, про птичек-невеличек был припев: «Шел-шел пионер на защиту СССР».)

Среднему сыну было три года, младшему — год с небольшим. К нам часто приходила бабушка, мамина мама.

День объявления войны не остался в памяти определенным, особенным, но первые дни помнятся как тревожные, с непонятными для меня заботами и вопросами взрослых.

Мы жили на Крестовском острове в двухэтажном кирпичном доме всего с пятью квартирами, на Депутатской (Надеждинской) улице. В доме неподалеку от нашего жила моя подруга детства Нора Неустроева.

В районе было решено эвакуировать детей-школьников (по-моему, младших классов) в Старую Руссу. Моя учительница Ольга Николаевна Лунина, взяв меня с собой, обходила близлежащие дома по квартирам, составляя списки для эвакуа-

ции. Я, помню, радовалась предстоящему отъезду, но папа меня не отпустил. Через некоторое время стало известно, что эшелон, направленный в Старую Руссу бомбили, многие дети погибли, и у меня в ушах по сей день стоит стон, плач матерей и родных, горюющих о погибших.

В августе-сентябре 1941 года Ольге Николаевне оказывались известными некоторые сведения о ее учениках. Иногда она заходила к нам и однажды рассказала о моей соученице Лиде Романовой. Семью этой девочки война застала в деревне, куда они уехали на лето. В той деревне, оккупированной немцами, все жители были расстреляны...

Около нашего дома было несколько деревянных бараков, наверное, общежитий, так что детей из них было отправлено немало.

После несостоявшегося моего отъезда в Старую Руссу, по воле папы или с его согласия, мама с нами тремя отправилась в июле «на дачу» в Боровёнку. Это железно-дорожная станция по дороге на Москву. Эту станцию я не забывала отмечать, когда уже взрослая ездила в столицу или через нее.

Несколько дней мы радовались дачной жизни, собирали землянику, трехлетний брат любил стирать носки в речке, как енот-полоскун.

Однажды мимо нашего дома пробежала какая-то тетка с криком: «Химическая тревога!» Хозяйка дома и мама намочили

простыни, полотенца, чтобы закрыть все щели в дверях и окнах. Скоро стали задыхаться, а в окна (дом стоял на холме недалеко от станции) наблюдаем, что люди спокойно ходят, и мы раскупились. Затем или слух прошел, или на самом деле бомбили Малую Вишеру, и мама решила поспешить домой.

В Ленинграде уже наметилась эвакуация папиных сестер с детьми в г. Глазов Удмуртской АССР, куда переводили ЛВПУ (муж одной из троих сестер был офицером ЛВПУ), взяли и нас с мамой и бабушкой. Помню, мы сидели на площади перед Московским вокзалом на чемоданах и тюках. Был солнечный теплый августовский день. Я обратила внимание на группу молодых морских офицеров, окруживших красивую молодую женщину в шелковом платье. Они называли ее Диней (впервые услышанное имя показалось мне удивительно красивым), кто-то из них опоясал ее ремнем с кортиком. Они были беспечны и веселы.

Нас, наконец, разместили в теплушках, поезд от вокзала отошел и остановился в нескольких километрах от города. Заболел младший брат, был вызван врач. Он увез маму с братом в больницу, а бабушку с трехлетним братом и мной высадили из вагона и оставили на каком-то переезде. Весь этот день помню хорошо. К вечеру за нами приехал на легковой машине папа, по пути заехали в Адмиралтейство. После этого папа привез нас домой, где уже ждала мама без Вовки — он умер 27 августа. Войдя в квартиру, мы услышали

по радио «Интернационал» (значит, была полночь), и долго еще при звуках этого гимна я вспоминала о младшем брате.

В морг на Литовской улице мама пошла со мной, и там меня охватил ужас — столы с мертвыми, синий свет электрических ламп...

Хоронили брата на Серафимовском кладбище. Прожил он один год и четыре месяца. Наша первая потеря (Климонтович Владимир Владимирович).

8 сентября началась блокада Ленинграда. Помню, говорили о горевших Бадаевских складах, а зарево от горевших американских гор, что на Елагином острове, близко от нас, видела сама.

В октябре учителя и директор школы №43 Прасковья Ивановна Проскурякова заговорили о том, что с детьми, окончившими первый класс и оставшимися в Ленинграде, нужно проводить занятия, но не изучать новый материал, а повторять пройденное, так как война скоро кончится. Мама предложила, чтобы дети собрались у нас дома, смутно помню несколько дней занятий, а из тогдашних соучеников — никого, кроме упомянутой подруги Норы Неустроевой.

Учебу возобновили в ноябре 1941 года, на занятия приходило человек 15-20.

У меня сохранилась фотография нашего первого класса. Учительницы на ней нет, в центре — мама девочки из верхнего ряда. Двое взрослых в верхнем ряду — уборщицы.

Фамилии были записаны, видно, позже, когда некоторые имена были забыты.

В уцелевшем мамином письме от 27 ноября 1941 года из осажденного Ленинграда вижу, что и уроки музыки (училась игре на пианино) начались 11 ноября, а 15 ноября, когда мне исполнилось 9 лет, мама даже не упоминает. Учительница музыки жила неподалеку, на Сергиевской улице, и приходила к нам. Наверное, к этому времени к нам перебрался и дедушка, мамин папа. Он был очень жизнестоек, верил в победу и заражал своей уверенностью окружающих. К нам любили заходить знакомые и родственники, а учительница музыки даже восхищалась дедушкой. Проведя урок музыки со мной и побеседовав с дедушкой, она возвращалась домой, где жила с пожилой тетушкой, уверенная, что набралась сил, чтобы укрепить и тетушкин дух.

Под окнами нашей квартиры росли березы, и потому окна наших комнат уцелели при бомбежках и артобстрелах. На всех окнах были наклеены бумажные полосы, но стекла в окнах соседней квартиры, напротив которой берез не было, разбились.

У моей учительницы музыки разбились стекла в окнах веранды, и мы дали ей несколько твердых обложек от книг большого формата.

Постоянно был слышен свист снарядов над головой. В саду около дома была выкопана траншея, под потолком висела электрическая лампочка, но мы ни разу не воспользовались этим укрытием — там было неуютно и мокро. Когда взывала сирена, мы закладывали окна диванны-

ми подушками и сидели дома в коридоре (наша квартира была на первом этаже).

Как-то на крышу нашего дома упала зажигательная бомба, мы были в коридоре, раздался такой грохот, что я подумала, что рушится угол дома. Бомба пробила крышу и задержалась на чердаке, где стояли ящики с песком, так что пожара не случилось. Маме доводилось тушить зажигалки, а мы находили осколки бомб во дворе, а от одной бомбы хорошо сохранился каркас. Меня удивляло, что бомба такая маленькая, а грохот от нее такой устрашающий. Находили мы около дома и немецкие листовки. Помню в одной из них часть текста: «Ленинградские матрешки отдохнули от бомбежки...»

После войны все «сувениры» исчезли, брат-подросток, видно, отдал товарищам по школе, родителей не спросив.

С удивлением припоминаю, как я что-то вышивала, отчетливее помнится, что нитки мулине постоянно запутывались, на что я ужасно злилась, но иногда нас навещал дядя Лёня, папа моей двоюродной сестры, который жил на Садовой. У него было терпение и ловкие пальцы, он всегда распутывал все узлы, чем поражал меня.

Суровой была зима 1941-1942 года. Дома у нас в большой комнате была установлена буржуйка, каким-то образом добывались дрова — доски. До войны сад был огражден деревянным забором. Его разобрали. Для начала какой-то запас дров имелся, ведь отопление в доме было печным.

Во время войны мы не брали для растопки книги из своей домашней библиотеки (дедовские книги) за исключением тех, большого формата, кожаные обложки которых отдали учительнице музыки, чтобы «застеклить» веранду.

Воющая сирена — сигнал тревоги, обстрелы постепенно становились привычными, ни в какие бомбоубежища мы не ходили.

Слишком мало помнится дней, когда мы все впятером (бабушка, дедушка, мама, Шурик и я) дома, за едой или растапливанием буржуйки.

Не помню, когда же бывала дома мама. У нее видно были дежурства то на крыше дома, то по улицам с проверкой светомаскировки, то в больнице в помещении школы на Морском проспекте.

Зимой нас с братом дедушка насильно выволакивал на прогулку, и мы проходили по намеченному дедушкой маршруту.

Пока действовала колонка через дорогу перед домом, носили воду в бидонах, а на речку (Малую Невку за семиэтажным домом на проспекте Динамо) ходили с мамой. Брали тоже бидон, не ведро. Трудно было доставать воду из проруби, приходилось ложиться грудью на высокий, намерзший от расплескиваемой воды ледяной вал и из глубины тащить воду. Лед был «украшен» каплями крови — слишком низко приходилось наклонять головы в прорубь.

Часто целыми днями мы сидели с братом на диване под одеялами.

Когда было совсем темно, жгли лучину. Как-то искра попала на одеяло, наверное, я сама не дала одеялу разгореться, но дыра образовалась, я очень боялась, что мне попадет за испорченное ватное одеяло. Заплату мама не стала ставить, просто обметала края дыры, и эта дыра долго служила мне укором.

Мы слушали радио. Когда звучал метроном, становилось спокойнее, не так страшно. С нетерпением ждали сообщений о военных действиях, каждый раз особенно желая услышать о генерале армии Федюнинском, так как его фамилия созвучна фамилии маминых родителей — Федюшины.

Блокада испытывала жителей и защитников города холодом и голодом. Голод начался быстро и, кроме сокращающихся норм хлеба по карточкам, помнятся некоторые эпизоды: то найдена засохшая горбушка белого батона в буфете (вот радость!), то мама покупает кусок конины (но это единственный раз, так как мы были напуганы слухами о людоедстве), то варили какой-то клей (нашлась сухая плитка столярного клея), то вдруг полстопки кокосового жира (помощь американцев) или меланж (яичный порошок, тоже американская помощь). Соль мололи в кофемолке до состояния муки, тогда липкий хлебный шарик можно было хорошо обвалить в ней.

Наша соседка Анна Васильевна Кончевская учила меня улежаться спать, когда очень хочется есть, а я недоумевала, как можно уснуть, если мучает голод.

В тот период я придумала занятие: научила брата (мне уже 9 лет, а брату — 4) определять время по часам, чтобы он сам мог узнавать, когда можно ждать очередную порцию хлеба.

Прожив с нами несколько месяцев, дедушка, Федюшин Ефим Романович, перебрался в комнату сына на улицу Рубинштейна, 13. Он устроился на какую-то работу, а ходить пешком с Крестовского острова было далеко. Там он и умер, похоже, прямо на улице, в феврале 1942 года. Так мы потеряли дедушку. Похоронен он, видно, в братской могиле на Пискаревском, вписан в Книгу Памяти.

Бабушке, Федюшиной Пелагее Ефимовне, ничего не сказали о дедушке. Она, наверное, теряла рассудок от голода. Вижу, как она шваброй водит по обеденному столу, я кричу ей: «Бабушка, что ты делаешь?» Позже бабушка почти не вставала с постели и как-то сказала: «Хоть бы солнышка дожждаться!». Не дождалась и тихо умерла, просто не проснувшись, в начале марта, пережив дедушку на месяц. Бабушку похоронили в братской могиле на Серафимовском кладбище. Она тоже внесена в Книгу Памяти.

Сосед по дому свез бабушку на санках. Расплатились хлебом.

Мы получили полбуханки хлеба за замечательные дореволюционные санки — на них нашелся покупатель.

Мама пропадала целыми днями, оставляя нас с братом в незапертой квартире, боясь, что, если с ней что-нибудь случится, и она не придет домой, нас не обнару-

жат в закрытой квартире. Только и это решение могло оказаться роковым. Как-то вошли к нам две девушки из МПВО, проверявшие санитарное состояние жилья, сделали нам замечание по поводу груды досок, сложенных на полу в спальне. Они были собраны для буржуйки. Девушки спросили: «А вы не боитесь, что вас тут найдут и съедят?» Но я тогда не испугалась, решив, что такого не может быть.

Папины короткие визиты на несколько часов были очень редкими. Раза два или три он заезжал домой зимой в белом овчинном полушубке и шапке-ушанке. До войны мне никогда не приходилось видеть папу в такой одежде.

Теперь же непривычным было все. Мама, брат и я замотаны во все зимнее, папа не снимает ни полушубок, ни шапку. Канализация не работает, и папе незачем выходить даже в коридор, а мне становится неловко видеть моего высокого большого папу, вставшего лицом в угол к дверям с детским горшком.

В памяти и большой праздник, хотя и без веселья. На встречу нового, 1942-го, года дети были приглашены на елку в небольшой особняк на Каменном острове. Игр не помню, а обед за длинным столом помню в деталях: было первое, изумительно вкусная котлета на второе. Это мы с братом съели, а по стаканчику какого-то желе понесли домой.

Какие еще отдельные картины и эпизоды помнятся? Вот я выхожу на улицу погулять. Под воротами нашего дома лежит умерший человек, завернутый

в простыню. И мне не было страшно, понимала, что у родных не было сил дойти до кладбища, но они не оставили печальный груз посреди улицы, а уложили в укромном месте.

Когда стреляли зенитки, высоко в небе появлялись по два маленьких белых шарика, напоминавших снежки. На это я любила смотреть.

Иногда мы уходили из дома с мамой, очень редко днем, чаще вечером, когда мама, как и другие взрослые жильцы дома, ходила по ближайшим улицам проверять светомаскировку. У нас окна были плотно завешаны одеялами и заставлены диванными подушками.

Четырехлетний брат оставался дома один. Мне теперь особенно понятной стала картина: мы с мамой входим в комнату, придя с улицы, и видим, что Шурик поставил стул к буфету, забрался на него и, стоя, дотянулся до тарелки или кастрюли, в которой размачивалась какая-то крупа. Ее еще нельзя было есть, но Шурик успел до нашего прихода сколько-то проглотить.

В январе или феврале 1942 года мы с мамой ходили в магазин за продуктами по карточкам на Кронверкский проспект пешком. На улице недалеко от Народного Дома мы видим женщину, держащуюся за решетку и сползающую на землю, но мама не решается помочь ей подняться, иначе упадет сама.

В феврале я совершила поход в театр! Меня взяла девочка-подросток (лет 14-15) Верочка Ефремова, которая жила с роди-

телями в маленьком деревянном домишке при нашем доме.

И вот мы идем солнечным днем по площади перед Русским музеем, а навстречу — молодая женщина, и Верочка мне говорит, что это артистка, игравшая Машеньку. Я крикнула: «Машенька!» В ответ была прекрасная радостная улыбка. Направлялись мы в Малый оперный, в помещении которого ставили «Женитьбу Белугина». Только начался спектакль, завыла сирена, мы спустились в бомбоубежище (вот когда я побывала в таком укрытии впервые), и артист, игравший Белугина, стал рассказывать содержание пьесы, из чего я поняла и запомнила только: «И так далее, и так далее».

Как только начал таять лед, город взялся за расчистку улиц и дворов. Из нашего дома несколько человек вышли скалывать лед во дворе. И я подержала лом в руках, но сразу стала кружиться голова, и меня отправили домой.

С весенним теплом стала появляться разная трава, а до травы начали резать ветки с почками от кустов смородины, которые росли в саду за нашим домом. Подорожник и лебеду я почему-то есть не могла. Мама иногда приносила соевые шроты.

Запомнился, наверное, июльский день — было очень тепло, — когда мама повела нас с братом в баню на Геслеровском. За мостом, на углу Левашовского и Большой Зелениной я увидела многоэтажный дом, у которого снесена целая стена. Он выглядел, как театральная декорация:

висит кровать, зацепившаяся ножкой за пол, колышутся занавески.

Важной целью для немцев был хлебозавод на Левашовском, почти рядом с разрушенным домом, но в хлебозавод не попала ни одна бомба, он уцелел и работал бесперебойно.

Перед баней на улице — очередь, мы долго стоим в ней, изнывая, и, наконец, попадаем в баню.

Вымыть нас мама не успела, началась тревога, и мы помчались домой. Бежим по Зелениной, мама держит нас с братом за руки. Добежали до дома благополучно.

Летом снова остро встал вопрос об эвакуации. Мама не хотела уезжать, но в райкоме ей объяснили, что «двое детей — обуза для города». Перед нашим отъездом нашлась одна охотница купить у мамы золотые часы за килограмм пшена. Наверное, нас поддержало это пшено, покупательницу мы вспоминали с благодарностью.

Мы направляемся в Глазов к родным папиным сестрам. На этот раз ждем посадки на площади у Финляндского вокзала. Рассаживают в теплушки, мы втроем на верхних нарах, я смотрю в окошко вниз и вдруг вижу в колонне детей, идущих мимо нашего вагона по деревянному перрону знакомую девочку Аду Немоловскую, дочь маминой подруги, обриту наголо и с до того выросшими кустистыми бровями, что я еле ее узнала, но ведь

успела узнать! Ада сообщила на ходу, что бабушка, с которой она жила, умерла от голода, и вместе с детским домом, куда ее поместили, их увозят в Иваново. Так нечаянно мы встретились.

Из эшелона нас высадили в Кобоне, на берегу Ладожского озера ждем катеров. Идет дождь, мы мокнем, детям раздают сгущенное молоко, на одного — полбанки. Банки рубят топором пополам на деревянной колоде, но ней и топору текут ручьи сладкого сгущенного молока. Маме дают на нас двоих целую банку.

Подходят катера. По шаткому деревянному пирсу мама, держа нас с братом за руки и какие-то вещи в мешках или сетках, быстро идет и перед самым качающимся трапом встает на какую-то доску, которая под ней с треском ломается. Мы бы, безусловно, ухнули в воду, если бы с обеих сторон маму не подхватили под руки те, кто проводил посадку. Так мы попали на палубу болтающегося на волнах катера. Озеро было беспокойным, но зато, благодаря дождливой хмурой погоде, ни бомбежки, ни артобстрелов в тот день не было. И вот мы на Большой земле, осажденный Ленинград остался позади.

Мама была награждена медалью «За оборону Ленинграда», которая была вручена ей в мае 1946 года и хранится мною.

У меня с 1989 года имеется памятный знак «Жителю блокадного Ленинграда», а брат ушел из жизни в 1978 году.

Жил-был такой парень...

КУДРЯШОВ Юрий Анатольевич

Шел 1920 год. Зима. А зимы в ту пору были на Урале суровыми, морозными и снежными, мороз доходил до 40 и больше градусов. И вот в одну из таких суровых ночей в семье инженера-электрика Кудряшова родился мальчик. Назвали его Юрием.

Тяжелое это было время. Город Екатеринбург совсем недавно был освобожден от белогвардейцев Колчака. Отгремела гражданская война. Город был разрушен: мертвыми стояли заводы, единственная городская электростанция была разгромлена, не было электричества — жители освещали свои дома свечами или керосиновыми лампами; не было топлива, дров, воды; о центральном отоплении и водопроводе не было тогда и речи. Единственным транспортом были извозчики. Ко всему еще в Поволжье и Украине разразился голод, он докатился и до Урала. Тяжело пришлось и семье Кудряшова. Не хватало питания. Поэтому Юра в младенческом возрасте был хилым и больным.

Но вскоре начался НЭП, оживилась промышленность. Восстанавливались заводы, проектировались и строились новые объекты. Инженер Кудряшов с головой ушел в работу. Это был умный, талантливый инженер, способный и умелый организатор. Анатолий Алексеевич окончил в 1919 году Петроградский политехнический институт и как коренной уралец был направлен на работу на Урал в родной город. Дед и прадед Кудряшова

были потомственными металлургами, они были в разное время управляющими Демидовского Васильево-Шайтанского завода. Анатолий Алексеевич начал работать главным электриком округа Верхисетских заводов, затем заведующим сетью и техническим руководителем электростанции «Луч» акционерного общества. Дел было невпроворот. Все тогда было первым: первый трамвай, первые пятилетки, новые заводы...

Мать Юрия, Ольга Николаевна Кудряшова, окончила Нижне-Новгородскую гимназию. Она была хорошо воспитана, музыкальна, хорошо рисовала, играла на многих музыкальных инструментах.

Бабушка Юрия, Кудряшова Анна Ильинична, была актрисой первой театральной труппы города Екатеринбурга. Она была тоже очень образованной женщиной, умела играть на фортепиано, прекрасно разбиралась в музыке, знала несколько иностранных языков.

Вот среди таких образованных людей рос Юрий, и это не могло не сказаться на его характере и поведении. Он рос любознательным, музыкальным, умным мальчиком. В то время молодежь повально увлекалась спортом и военным делом. Юра не отставал от всех. Любил спорт, играл в волейбол, футбол, занимался в спортивном обществе «Динамо». Во дворе дома, где мы жили, ребята сами построили спортивную площадку: турник, кольца, качели, гигантские шаги. А зимой

устраивали свой каток. Воду в бочке привозил водовоз. Любил Юра всем что-то мастерить. Построил как-то автомобиль — сделал корпус из фанеры, а колеса — из нарезанных из бревна круглых чурок. Управлялся этот автомобиль с помощью двух рычагов, расположенных справа и слева, для двух рук, а движение осуществлялось от коленчатого вала, приводимого в движение ногами. За достигнутые успехи в военном деле Юра получил значок «Ворошиловский стрелок», а в спорте — значок ГТО (Готов к труду и обороне). Тогда получить такой значок было великим достижением, ребята носили их с величайшей гордостью.

Но больше всего любил Юра музыку и пение. В доме были гитара, балалайка и мандолина. Какой прекрасный семейный ансамбль! Юра играл на гитаре, мама — на мандолине, а младшая сестра Нина — на балалайке. Темными зимними вечерами собиралась вся семья: играли, пели русские народные и современные песни, романсы.

Родители много времени уделяли своим детям. Вечерами все вместе что-либо мастерили, читали вслух книги, вели рассказы. Особенно радостными были вечера, когда готовились к новогодней елке и Пасхе. В то время эти праздники были запрещены, но семья Кудряшовых вопреки всем и всему устраивала тайно эти праздники для детей. Вся семья садилась за большой, огромный стол: кто-то что-то резал, кто-то клеил, кто-то рисовал, кто-то шил, и папа, уютно устроившись

в кресле-качалке, что-нибудь читал вслух. Он был очень добрым, заботливым отцом, прекрасным семьянином, любящим мужем и сыном. Он делал все, чтобы семье было хорошо. Детей окружала атмосфера добра, любви, они видели как почтителен был отец к матери, как нежно относился к жене, как уважителен был к людям, как любил детей, заботился об их отдыхе зимой и летом. На лето семья обычно выезжала на дачу. Дача в то время несколько отличается от современного представления о ней. Снимали комнату в одном из домов в какой-нибудь деревне, и жили там все лето.

Семья Кудряшовых жила мирно и дружно, пока над ней не разразилась гроза. Это был 1933 год. В конце 1920-х в стране начались аресты и раскулачивания. По городу ездил «черный воронок», как прозвал эту машину народ. Это было время произвола и насилия. Погибли тысячи ни в чем не повинных граждан, до сих пор идет реабилитация репрессированных, уже мертвых людей. В ночь с 8 на 9 сентября 1933 года «черный воронок» остановился около дома Кудряшовых. В квартиру вошли несколько человек в штатской одежде и начали обыск, переворошили весь дом. Кудряшову было предъявлено обвинение в контрреволюционном заговоре, подрыве экономики страны. И это — человеку, который проектировал, строил и пускал в эксплуатацию первый трамвай в Свердловске, отдавал всего себя работе, учил других (Анатолий Алексеевич к этому времени был главным инжене-

ром Уралэлектросети, преподавал в институте. После долгих пыток, допросов А. А. Кудряшов был приговорен по статье 58 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы. Срок отбывал на строительстве канала Москва-Волга.

Арест главы семьи резко изменил судьбу всех ее членов. Жене Кудряшова нужно было искать работу: принимали временно, увольняли как члена семьи врага народа. Юрий стал единственным мужчиной в доме. Нужно было заготовить дров. Вместе с сестрой они делали всю работу по дому, помогали бабушке. Рубили и пилили дрова, носили воду из колодца, топили печь. Перебивалась семья кое-как, но дети продолжали учиться. Юрий окончил школу в 1938 году, его сестра — в 1941-м.

Помогала семье в ту пору сестра бабушки Мария Ильинична, жившая в Ленинграде. Она отправляла посылки, старую одежду, деньги и этим спасла Кудряшовых. Муж ее был профессором Государственного университета Ленинграда, сама она была врачом. Но не сумела спасти себя. В начале 1942 года по доносу провокатора она была арестована и расстреляна.

После окончания школы Юрий поехал учиться в Ленинград. Поступил в Институт инженеров водного транспорта. Но закончить его ему, как и другим тысячам юношей и девушек не удалось: началась Великая Отечественная война.

Юрий ушел добровольцем в армию. Его зачислили в войска НКВД. Он охранял город. Во время одного из дежурств начался артобстрел, снаряд разорвался близко от патрульного отряда, где был и Юрий, ранение в живот, госпиталь. Там он и умер от ран 8 октября 1941 года.

Юрий очень любил Ленинград! Как писал он в одном из своих писем семье, Ленинград поразил его своей красотой, он восхищался им, восхищался всем: дворцами, музеями, Невой, любил все. И остался навеки с любимым городом. Похоронен он в отдельной могиле на Пискаревском кладбище среди таких же, как и он, молодых людей, отдавших жизнь за любимый город.

*Н. Кудряшов
г. Каменск-Уральский
Свердловской области*

НИКОНОВ Анатолий Михайлович

Я родился 12 января 1932 года в Ленинграде.

Весной 1941 года мои родители совместно с сестрой матери и ее мужем сняли «дачу» — второй этаж деревянного дома у наших родственников напротив железнодорожной станции «Ручьи». С нами жила моя бабушка (по матери). Весной раскопали участок целины около одной сотки и посадили картошку. Мне тогда было девять лет.

О начале войны все узнали только в середине дня 22 июня. Было тепло и солнечно. Сначала нам, пацанам, было интересно: «Война! Война!», как в кино, но со временем тревога взрослых начала передаваться и нам.

Через несколько дней в небе начали появляться немецкие самолеты-разведчики, которые чаще всего прятались в облаках. Мы, мальчишки, узнавали их даже раньше, чем военные, с их звукоулавливателями, по характерному периодическому звуку. Проходило достаточно много времени прежде, чем начинали стрелять зенитки.

Запомнился мне воздушный бой между двумя истребителями. Это было, наверное, в августе. День был теплым, безоблачным. Неожиданно привлекла внимание стрельба в воздухе. Появились два истребителя, которые носились поочередно друг за другом, то снижаясь, то взмывая вверх с пулеметной стрельбой. Кто есть кто было видно и по кон-

струкции самолетов, и по знакам на них, так как иногда они пролетали очень низко. Происходило это в пространстве между Пискаревским кладбищем и станцией «Ручьи». Бой длился, как мне показалось, долго, минут 10-15. Я очень переживал за нашего летчика, но закончился бой вничью. Самолеты разошлись в разных направлениях.

Началось строительство противотанкового рва, который шел от Пискаревского проспекта за Пискаревским кладбищем. Затем ров поворачивал вдоль леса. Народу на строительстве было очень много, главным образом, женщины и девушки. Копали, естественно, лопатами, никакой техники не было. Высокая стенка рва была облицована досками, которые располагались между столбов. После войны мы их разбирали для хозяйственных нужд.

За противотанковым рвом и за лесом в сторону Гражданского проспекта начали строить аэродром: взлетную полосу, ангары (наполовину в земле), землянки и др. На аэродроме базировались истребители. Однажды при взлете истребитель («тупорылый») разбился: после разбега круто пошел вверх, затем скорость его снизилась, и он упал на хвостовое оперение.

В лесу стояли зенитки, недалеко от нашего дома был звукоулавливатель с несколькими рупорами, как у старинных граммофонов, только гораздо больших размеров.

С началом войны фронт быстро приближался со стороны Финляндии. Через Девяткино, Ручьи пошли толпы беженцев с детьми, тележками, скотом. Куда денешь скот в городе? Они стали его продавать. Мои родители и тетя с мужем купили корову и козу, а так как кормить их было нечем, то зарезали, а мясо засолили. Это помогло нам выжить в блокаду. Несчастные беженцы, оказавшись в городе ни с чем, наверное, погибли от голода одни из первых.

Карточную систему на продукты ввели вскоре после начала войны. Паек и сразу был мизерным, но его еще и уменьшали. Стали эвакуировать детей. Мать была решительно против моей отправки, и я остался с родителями. В город мы не стали возвращаться

Зима наступила рано. Со слов матери, снег выпал 16 октября и больше не таял. Поле около нашего дома было засажено капустой, которую давно убрали, а люди приезжали из города, разгребали снег и добывали полусгнившие листья и кочерыжки.

У наших родственников, у которых мы жили, была овчарка черной масти — Дик. Мы были большими друзьями. В сентябре она пропала. Потом соседи сказали, что ее заманили солдаты и увели. Естественно, что она была съедена. Забегая вперед, скажу, что когда летом 1944-го я вернулся из эвакуации, то по дороге к тому месту, где мы жили, увидел в поле вторую собаку Дёку — маленькую, черную, ласковую собачонку. Я позвал ее.

Встреча была для нас радостной, а для меня еще и неожиданной. Я не мог представить себе, что она переживет блокаду. Сказали, что от голода спаслась, научившись ловить мышей на полях.

В начале 1941 года я подобрал в городе раненого голубя, выходил его, а весной привез на дачу. Там купил еще двух, построил на чердаке голубятню. Они тоже были моими друзьями. Когда ввели продовольственные карточки, кормить их стало нечем. Я тайком их подкармливал, но когда это обнаружилось, то получил строгий выговор.

Однажды сосед пригласил меня к себе и познакомил со своим другом, якобы большим любителем голубей. Тот предложил мне продать ему голубей, как мне показалось, за большую цену. Я согласился. Потом уже мне объяснили, что «большой любитель голубей» их съел. Это было для меня ударом.

В то время, когда люди начали умирать от голода — в сентябре-октябре, я голода еще не ощущал: я был единственным ребенком среди пятерых взрослых, и мне доставалось несколько больше. Помню, как однажды отец получил зарплату (он работал на заводе «Арсенал») и на нее купил где-то буханку хлеба. Ему повезло, и это было только один раз. Запасы мяса и картошки таяли. В ноябре-декабре и до меня дошло чувство голода. На новый, 1942-й, год опалили шкуру коровы и сварили суп. Это был самый вкусный суп в моей жизни, а я в детстве не отличался аппетитом. Естественно, что

шкура была разделена на много-много частей и помогла нам. Ни о каких пирожных и конфетах даже не мечтали, только о хлебе, хотелось только хлеба.

На Пискаревском кладбище во время блокады я был дважды. Первый раз это было, наверное, в сентябре, я вместе с кем-то провожал кого-то в город. Мы шли по центру кладбища. Примерно в том месте, где теперь Вечный огонь, лежала груда трупов высотой около трех метров, сваленных как попало. Наверное, приезжали машины и через борт сваливали. Вероятнее всего, их привезли из больницы Мечникова. Зрелище жуткое.

Второй раз, наверное, в ноябре, когда было уже много снега, с кем-то провожал мать в город, и мы обходили кладбище справа (если смотреть на него со стороны проспекта Непокоренных, это будет слева). Дорога была наезжена машинами. К нашему ужасу вся канава вдоль кладбища была завалена трупами. Обойти это жуткое место возможности не было — вокруг ни тропинки, ни другой дороги. Приезжали машины и, как дрова, через борт, сваливали замерзшие трупы (при нас машин не было). Я старался не смотреть на покойников, но все равно запомнилось, что были тела детей. Запомнился труп мальчика, наверное, моего ровесника, у которого подбородок и грудь были в запекшейся крови. Такого не увидишь даже в нынешних фильмах ужасов. Какой дорогой возвращались обратно, не помню, но не той. Думаю, немного найдется на Земле людей, которые видели в своей

жизни столько трупов, сколько видел их я, девятилетний мальчишка, — их было, наверное, десятки тысяч.

Хоронили в траншеях, взрывая землю. Еще в 1944 году на кладбище был характерный запах. Только после войны эти братские могилы объединили по две и насыпали достаточно земли. За кладбищем (за мемориалом) была канава, в которой протекал ручеек черной воды с жутким запахом.

Фашисты стреляли по Ленинграду со стороны Финляндии из крупнокалиберных орудий. Нам были слышны и выстрелы, и полеты снарядов, и их разрывы в городе.

Фашисты бомбили Ленинград. Самолеты летели со стороны Финляндии над Гражданкой, тогда это была деревня, теперь Гражданский проспект. Самолеты летели в одно и то же время, с немецкой точностью, около 19 часов. Никто и ничто им не мешало. И только в городе начинали стрелять зенитные орудия. Было много аэростатов, поднимаемых в небо на тросах, которые не позволяли самолетам снижаться. Были слышны свист падающих бомб и их разрывы. Над городом вставало зарево. Во время бомбежек часто запускались шпионами сигнальные ракеты. С самолетов фашисты сбрасывали осветительные устройства, которые, медленно опускаясь, освещали местность.

Еще в августе мы выкопали землянку, в строительстве которой я принимал деятельное участие. Во время налетов мы первое время прятались там, а потом перестали это делать — привыкли. Даль-

ний свист падающих бомб, их разрывы нам хорошо были знакомы. Но однажды вечером, когда все были дома, и, как часто бывало, где-то бомбили, поблизости и далеко стреляли зенитки, вдруг прямо на нас, как нам показалось, летит бомба со страшным нарастающим свистом-визгом. Все упали на пол, как будто это могло помочь спастись — ведь мы были на втором этаже деревянного дома. Но вместо взрыва, от которого дом могло разнести в щепки, послышался глухой удар. Дом только качнуло. Бомба не взорвалась. После оглушительного свиста-визга наступила тишина. Постепенно все пришли в себя. Бомба упала метрах в восьмидесяти от дома, как выяснилось на следующий день. Судя по диаметру отверстия в земле, говорили, что бомба весила несколько сот килограммов. Говорят, что неразорвавшаяся бомба бывает одна из тысяч, поэтому остаться в живых у нас были десятые или сотые доли процента. Бомбу пытались откопать. Два солдата, которые еле ходили от голода, вырыли за несколько дней яму глубиной примерно 1,5 метра, но бомбу при мне не достали. Чем все закончилось, сказать не могу.

Однажды мать пошла в город по каким-то делам (это было, когда я ее провожал, будучи на Пискаревском кладбище второй раз). Как потом она рассказывала, дорогой много раз помогала вставать упавшим от истощения людям. Началась бомбежка. Она зашла в ближайший деревянный дом. Бомба попала в этот дом. Мать чудом осталась жива: ее накрыло

дверью, которая во что-то уперлась. Затем ее откопали и помогли выбраться. Когда она вернулась, то еще долго избавлялась от опилок.

Отец работал на заводе №27 (его называли «Семерка», теперь — завод «Арсенал»). Там выпускалась военная продукция, и, естественно, фашисты пытались его уничтожить. Во время блокады на завод были сброшены сотни бомб, на территории завода разорвались сотни снарядов и только от них погибли многие десятки сотрудников. Расстояние до завода километров 8-10, никакой транспорт не ходил, поэтому отец приходил к нам редко: на заводе работал, жил, тушил пожары.

Вероятность выжить в Ленинграде была мизерной: голод, морозы, бомбежки, артиллерийские обстрелы. Главное — голод: давали 250 граммов хлеба рабочим и 125 — остальным жителям. Да и хлеб трудно было назвать настоящим хлебом, зерна в нем было мало. Умер от голода мой дед (по отцу). Он до войны был полным. Бабушка (по отцу) выжила — по комплекции она была миниатюрной. Может быть, поэтому и выжила. В первые месяцы войны погиб на фронте брат отца.

В феврале 1942 года нас эвакуировали: меня, мать, сестру матери и бабушку. Посадили на «полуторку» с кузовом, но с открытой задней стенкой и повезли по Дороге жизни. Машина была полна народу — доходяг. С собой разрешили взять небольшие сумки с самым-самым необходимым в дороге. Стояли сильные морозы. Хорошо, что мать — мудрая женщи-

на — накануне отъезда сшила мне подобие комбинезона из полушубка, поэтому я в этом долгом пути не обморозился. Помню, что на подъеме в гору во Всеволожске машина буксовала и ее толкали.

Проезжая теперь на машине это место, всегда вспоминаю, как здесь буксовала «полуторка» в ужасное время 1942-го. По льду Ладоги машина шла ночью. Нас не бомбили. После переправы пересадили в товарный вагон с «буржуйкой». Поезд привез нас в город Шую Ивановской области. Поселились в школе. Со слов матери, люди умирали и в товарных вагонах, и в школе. Из Шуи нас перевезли в деревню Ивонино, где мы прожили два с половиной года.

Здесь уже было сытнее — не голодали. Еще во время блокады, когда не было электричества, у нас появился парафин. Отец смастерил из жести коническую трубку, в которую по центру устанавливался фитиль и заливался разогретый парафин. Таким образом получались настоящие свечи.

На деревенских фермах также не было электричества. Колхоз получал парафин, который складывали в тазики, клали туда же фитили и поджигали. Такие «осветительные устройства» больше коптели, чем освещали. Я наладил изготовление свечей (это в 10 лет!), за это мы получали от колхоза молоко.

Зимой 1942-1943 годов в деревне начали собирать и отправлять на фронт посылки. Наши женщины также засуетились: «Морозы, холодно, надо что-то те-

плое». Хотя мы приехали, можно сказать, ни с чем. Но мы лучше других в деревне знали, что такое война. Меня заставили написать письмо. Под диктовку я накарябал (я учился еще только во втором классе), что мы из блокадного Ленинграда и еще что-то.

Неожиданно, через несколько недель, мы получили ответ с фронта. Прислал его учитель географии, тоже из Ленинграда, который получил нашу посылку. Письмо было трогательным. Читая его, женщины плакали.

Местечко за Пискаревским кладбищем, в котором мы жили во время блокады и летом после войны, называли Лавровкой. До 1941 года там было около десятка домов. После войны количество домов увеличилось, но затем их все снесли в 1962 году в связи со строительством города.

Блокада Ленинграда — это одна из величайших трагедий человечества. Мало кто знал во время войны в СССР и тем более за рубежом, что происходило в городе. Говорить об этом «не рекомендовалось». За распространение «панических слухов» людей забирали. Все радиоприемники приказано было сдать. За невыполнение — арест. Даже открытый после войны музей блокады Ленинграда почему-то закрыли. По моему мнению, нынешнее поколение россиян либо не знает ничего о блокаде, либо имеет смутное представление. О блокаде лучше всех знают только блокадники, которых остается, к сожалению, все меньше и меньше.

Рядовой труженник войны

ХРАМОВ Алексей Семенович

Вам пишет Мария Семеновна Кузнецова из Брянска. Мне 80 лет, жизнь подходит к концу. Завершая свои земные дела, сочла необходимым обратиться к вам вот в связи с чем.

До сегодняшнего дня храню и не могу расстаться с фотографией и единственным, чудом сохранившимся, письмом моего брата. Оно написано им самим с фронта. В нем сообщался адрес, брат, конечно же, ждал весточки из дома. И она была отправлена. Но получили дорогой наш человек письмо из дома — не знаю. 4 декабря 1941 года его ранило. С 8 по 15 декабря он находился в Ленинграде, в ЭГ-54, затем — в батальоне для выздоравливающих. А с 7 февраля 1942 года — в ЭГ-91, где, к сожалению, и умер 2 марта того же года. Похоронен Алексей Семенович Храмов 1915 года рождения на Пискаревском кладбище, по линии 1942 года, холмик 109. Он был рядовым труженником войны. Таких были миллионы. И можно было бы за этой цифрой не

заметить моего брата. Но если для всех других его давно уже нет, то для меня он не ушел в неизвестность. Посмотрите, пожалуйста, на снимок, сделанный в 1938-1939 году. Алеша служил в Армии. На нем прекрасное обмундирование: страна дорожила своими красноармейцами. Вот таким молодым, сильным и, позвольте сказать, красивым он ушел воевать с врагом.

Чего же я хочу настоящим письмом? Немногого. Пусть эта фотография и письмецо останутся в ваших запасниках. Может, когда-нибудь на краешке будущих экспозиций найдется место еще для одного солдата Великой Отечественной войны. Солдата, жизненный путь которого венчают не награды, а раны и холмик. Таких тоже надо помнить.

Алексей Семенович Храмов был призван на войну Крестецким райвоенкоматом Новгородской области. В Книге Памяти, созданной военкоматом, имя брата учтено.

Мы все светло верили в победу

ШУЛЕНОВА-КУЛАКОВА Нина Константиновна

Все девятьсот дней и ночей блокады я находилась в Ленинграде. С 1 августа 1941 года по путевке исполкома была направлена в ремесленное училище. За эти 900 дней можно было бы о ремесленниках написать большую трагическую книгу.

С работы и на работу все ходили пешком. Многие жили в центре города. Я жила на Пушкинской улице, 14. А приходилось ходить на Выборгскую сторону. Домой мы ходили все вместе. Кто доходил до улицы Чайковского, кто до Маяковского, до Пушкинской улицы, Кузнечного переулка и т.д. На улице Маяковского, 4 жила Таня Начерсян. Это была симпатичная стройная армяночка, у нее были красивые вьющиеся длинные волосы. А в доме №6 жил Леня Матросов.

Ноябрь 1941 года. В городе уже мало людей. В основном пожилые и подростки. 4 ноября прорвались немецкие самолеты, сбрасывая зажигалки и фугасные бомбы. Земля дрожала от падающих бомб. Казалось, ночи не будет конца. У нас в квартире вылетели рамы и стекла.

Утром, идя на работу, мы с сестрой свернули на улицу Маяковского. Дом №4 лежал в развалинах, перегородив дорогу. Шли спасательные работы, откапывали раненых. Мертвых относили в соседний дом, в прачечную. Падал снег, было морозно. В стороне Невского проспекта

был виден кинотеатр «Художественный». На афише было написано «Маскарад». Стояли родственники погибших. Армяне плакали и молились на своем языке. От всего этого меня стало знобить. Ведь здесь жили Таня и Леня. Я с ними училась в одной группе. Придя в училище, я сразу стала смотреть — пришли ли они. Но их не было. Леню откопали мертвого. Хоронила его вся наша группа на Охтинском кладбище (могилы сохранены). Даже отпевали в церкви. А от Тани ничего не осталось, ничего не нашли. Так что ее могила под вновь выстроенным домом №4 по улице Маяковского.

До того, как погибли, Таня и Леня успели поработать на изготовлении военной продукции, а когда были перебои электроэнергии — покопать окопы и противотанковые рвы.

С каждым днем уменьшался паек. Поэтому уменьшалось и число ремесленников. Хоронили уже без гробов. В лучшем случае заворачивали в одеяло или в простынку, складывали в штабеля. Ни у кого не было сил хоронить по-человечески. Такая участь постигла моего отца, мать и брата в начале 1942 года. Они лежат на Пискаревском кладбище.

Мы все светло верили в победу. Сомнение было только одно — останемся ли мы живы.

Блокадная жизнь нашей семьи

ЧИКИНА Нина Ивановна

О блокаде много было сказано, много показано и многое скрыто или искажено. Самые точные и правдивые слова о жителях блокадного города сказал Д. С. Лихачев: «Они не герои, они — мученики». Каждого выжившего блокадника слова о героизме только раздражают, есть другое, гораздо более подходящее случаю слово — трагедия.

Много лет спустя одна из моих коллег, когда в очередной раз завели разговор о героизме жителей блокадного города, с возмущением заявила: «Да мы не геройствовали, мы голодали и умирали».

Именно так оно и было, особенно в период с осени 1941-го до лета 1942 года, когда город был завален трупами.

Расхождение между оценками событий официальными лицами и тем, что происходило в городе на самом деле, подтолкнуло меня к этим письменным воспоминаниям.

Возможно, моим молодым родственникам или их потомкам захочется узнать истину о жизни людей в блокаду — о том, что происходило в городе.

Когда началась война, мне было тринадцать с половиной лет. Помню все,

в том числе и свои ощущения от этих трагических событий.

Наша семья перед войной

Наша семья состояла из восьми человек — родителей и нас, шестерых детей. Кроме старшей сестры Анны (она уже работала) и младшей Любы, все учились. Мама была домохозяйкой, отец много работал, мы его видели

нечасто. Но в эти редкие моменты он повторял одни и те же слова: «Учитесь, пока я жив!».

Вот такое у него было желание! У него — человека с профессией рабочего. Сам он, оставшись без родителей в восемь лет, нигде и никогда не учился. Его родители ушли из жизни в течение полугода. Будучи очень смышленным, он научился читать (по слогам), а вот по части считать в уме — равных ему не было.

До революции при покупке товаров учитывались не только полностью монеты, но и половинки и даже четвертинки (копейка, полкопейки, четверть копейки). Так вот, по воспоминаниям мамы, отца никогда и никто не мог обсчитать. Он так натренировал себя, что, когда пришло время старшему брату Сергею осваивать логарифмическую линейку,

отец предложил ему соревнование, кто быстрее и точнее окажется. Я была свидетелем победы отца. Это было удивительно! Сергей принялся проверять точность умножения и деления — все было безошибочно! Такая вот природная способность считать в уме.

Не имея никакой теоретической подготовки, отец досконально освоил такое технически серьезное дело, как котлы. Его часто приглашали туда, где появлялась необходимость определить причину неполадки и устранить ее.

Отец, не имея образования, страстно хотел, чтобы мы его получили, и мы учились легко и хорошо, к зубрежкам не прибегали. Шпаргалки случались, у меня точно были иногда. Но вот пользоваться ими необходимости не появлялось. Составление шпаргалок — пожалуй, вещь полезная: лучше усваивается материал и в нужный момент срабатывает еще и зрительная память.

Нашей успешной учебе отец радовался и очень нами гордился. Перед Новым, 1937-м, годом, предприятие, где он работал, организовало для детей сотрудников такую акцию: надо было представить табели об успеваемости, и отец вернулся с работы с подарками для каждого из нас. И опять мы слышали: «Учитесь, учитесь, пока я жив!» (Увы, доучиваться нам пришлось уже без папы, кто как мог. Я — в вечернее время. Папа умер 10 января 1942 года.)

Подарки, которые мы получили от папиной организации, по тому времени

были ценными. Старшему брату Сергею и сестре Маше достались коньки. Младшему брату Шурику — конструктор, а мне — кукла с закрывающимися глазами.

Все были рады и с упоением осваивали подаренное.

Маша, как более ловкая, быстро научилась кататься на хоккейных коньках и гоняла уже на большом катке.

А вот Сергей, получивший не хоккейные, а беговые коньки, так и не добрался до настоящего катка. Сначала попытался встать на коньки в нашем дворе. Выглядело это забавно. Вечером, когда людей на улице уже мало, Маша занимала наблюдательную позицию у ворот, то есть была на «шухере», а Сергей старательно ковылял на своих беговых. Как только кто-то появлялся у ворот со стороны улицы, Маша подавала сигнал, и Сергей быстро прятался в парадной. Освоить конькобежный спорт ему так и не удалось: беговые — это не хоккейные коньки, тут, видимо, необходим был тренер и хороший лед, а не снегом засыпанный двор.

Ну, а мы с Шуриком тем временем наслаждались своими подарками, каждый в своем углу: он без устали что-то строил, конструировал, а я также без устали шила кукле наряды.

Это одно из приятных предвоенных воспоминаний, и не единственное. Были ведь еще и дворовые забавы. Мы, ребята, с удовольствием покидали свои переполненные коммунальные квартиры и играли во дворе кто во что: «казаки-разбойники», прыжки через веревочку

(двое крутили веревку, а остальные по очереди прыгали, стараясь не задеть ее ногами).

Для девочек особое удовольствие — это игра в «котлы»: на земле или на асфальте рисовали мелом квадраты и, прыгая на одной ноге, перемещали биты из одной клетки в другую. Если бита попала на меловую линию, участник прекращал двигать биты, а другой пытался сделать то же самое. Выигрывал тот, кто первый достигал последней полукруглой клетки, называемой «котлом».

А вот еще одна игра — «штандер-стоп». Один из игроков высоко бросал вверх мяч, а остальные быстро разбежались, как можно дальше от бросающего. Поймав мяч, он громко кричал «стоп». Все останавливались. Бросающий пытался мячом попасть в кого-нибудь, и если это ему удавалось, то бросать (или водить) приходилось тому, в кого попал мяч.

А самая любимая игра — это, конечно, лапта. Тут уж не только ребяташки, но и взрослые присоединялись и азартно играли все сообща. Жаль, что все эти незатейливые забавы нынче забыты.

Дожили до нашего времени волейбол и баскетбол, для этих более современных игр у нас на заднем дворе (был еще передний двор) была натянута волейбольная сетка и установлены баскетбольные корзины. Все это больше подходило для взрослых, они ведь тоже свой досуг проводили во дворе, так как все тогда жили в переполненных квартирах, где особенно не развернешься.

Зимой 1939-1940 годов было еще одно приятное событие для нашей семьи: папе на работе дали путевку в пионерский лагерь «Артек» на целых два месяца. Родители долго обсуждали, кого же отправить в лагерь. Меня или Шурика? Я тайно надеялась попасть туда, очень хотелось, но выпало Шурику (он был все же постарше меня), видимо, это определило родительское решение. Ну, что ж, надежды не всегда сбываются. (1 января 1942 года Шурик умер. Много лет спустя я вспоминала о своей несбывшейся надежде побывать в «Артеке» и радовалась тому, что у Шурика был такой, хоть и короткий, но очень светлый период. Он вернулся с юга радостный, веселый, с яркими впечатлениями и со стихами о любви... Ему было четырнадцать лет.)

Приближался трагический 1941-й год, но встреча того Нового года была в нашей семье радостной: каждый жил своими надеждами, мечтами, ожиданиями. Брат Сергей осваивал фотоаппарат, и мы все были его клиентами. К этому моменту семейный бюджет, видимо, увеличился и брат получил в подарок не только фотоаппарат, но и Малую Советскую Энциклопедию, что для многодетной семьи рабочего было редкостью.

Такой же редкостью был и наш отъезд летом на дачу. Снималась дача недалеко от Сиверской, в деревне Лампово. Эта деревенька была замечательна тем, что там каждый дом — произведение искусства резьбы по дереву. Дома украшены

резными окнами, балконами с выдумкой и разнообразием.

Шурик, с его романтической и мечтательной натурой, придумывал и осуществлял удивительные для его возраста вещи. Например, отправился самостоятельно, в одиночку в поход с целью изучения местности. Поход длился несколько дней, и опять впечатления, стихи и зарисовки (он хорошо рисовал). А еще он любил слушать пение соловьев, а, как известно, соловьи поют ранним-ранним утром, и, чтобы услышать их, он не ленился подниматься с постели среди ночи

Шурик вернулся из похода и делится впечатлениями

и идти на местное заросшее и заброшенное кладбище на соловьиный концерт. У него был ряд признаков человека «не от мира сего», с присущим такому типу людей обостренным чувством справедливости и сострадания. Замечательный был мальчик!

Было у него еще одно ценное качество — упорство. Дело в том, что учеба у Шурика не очень ладилась. Затруднения были и с русским языком, и с математикой. Но он много занимался, просил Машу и меня, чтобы мы диктовали текст. С математикой разобрался самостоятельно и в результате из троечника перешел в отличники с гораздо более глубокими знаниями, чем у нас с Машей (о нас с ней говорили — «хватают на лету»). Хватать-то мы хватали, но углублять и закреплять знания нам было лень. Так что Шурик нас обогнал.

К началу 1941 года у него созрела мечта — стать моряком (куда же еще с его романтическим настроем?). Он собрал документы и после седьмого класса поступил в среднее мореходное училище. (Осенью 1941 года он несколько раз был на занятиях, потом все заглохло, так же, как и в школах.)

Я ни о чем еще серьезном не мечтала, бегала, прыгала, играла, в том числе и в куклы. А вот Маша вошла в период романтических отношений, но в семье царил дух пуританства, и ей иногда влетало, если она приходила домой позже установленного срока.

Я была свидетелем забавного диалога между Машей и Шуриком. Спали мы

трое на полу под одним одеялом (поставить кровати было некуда — проще было на полу).

Маша пришла поздно, ее отругали, и она легла спать, ничего не поев. Шурик не мог этого вынести, сходил на кухню и кое-что принес. Маша потихоньку плакала и отказалась есть. И вот я слышу: «Дурочка, ешь, ты посмотри — толстомордого ругают, а он уплетает!» («толстомордый» — это Сергей, у него действительно было лицо — «кровь с молоком» и полное равнодушие к замечаниям взрослых).

В конце концов Шурик уговорил Машу, и она, глотая слезы, стала что-то жевать, а я слушала это, молча сочувствовала Маше и так же молча оценила страдание Шурика.

У Сергея, как и у Маши, появился естественный интерес к противоположному полу и естественная необходимость выглядеть перед девочками более прилично, хотя бы иметь выстиранные, свежие рубашки. По обоюдному согласию, Маша стирала и гладила ему рубашки, а он дарил ей флаконы духов.

Оба были довольны. А деньги на духи в небольшом количестве Сергей стал получать, устроившись на предприятие по производству пластмассы. Предприятие было недалеко от дома, и совмещать учебу с работой было удобно.

Каждая из нас, его сестер, получила от него по красивой пластмассовой шкатулочке.

Чем была хороша встреча Нового, 1941-го, года, так это елкой! После революции ставить елки было запрещено (буржуйские привычки). А потом разрешили, и в 1941 году у нас была красивая, высокая елка. Игрушки делали сами, и это было очень увлекательно. У мамы со старшей сестрой Анной сохранились кое-какие дореволюционные навыки по изготовлению елочных украшений.

Встречаем Новый, 1941-й, год. Маша предсказывает судьбу своей подруге Сусанне (цыганка и барыня)

А это мы втроем без маскарадных нарядов Сусанна, Маша и я

И вот она, красавица, — посреди комнаты, украшенная рыбками, домиками, грецкими орехами в серебряных бумажках, конфетами в фантиках. Тут же мандаринки, главное украшение — настоящие свечи — и, конечно, хлопушки, бенгальские огни. Несмотря на огнеопасность, обошлось без пожара, а вот все съедобное потихоньку стало исчезать с елки — это озорник Серега с характерным для его возраста аппетитом не упустил редкого случая.

Все это понимали и посмеивались, а он ухмылялся.

Радостно мы встретили 1941-й год! Кто же мог подумать, что он окажется таким страшным и что ровно через год, 1 января 1942 года, мы начнем терять своих близких?

А тогда, 31 декабря 1940 года, Маша нарядилась цыганкой, а ее подруга Сусанна изобразила из себя барыню, которой «цыганка» с помощью карт предсказывает дальнейшую судьбу.

Сусанна умерла по дороге на Большую землю зимой 1942 года, их вместе с ее мамой (тоже умершей) вынесли из вагона. Где они похоронены — неизвестно.

22 июня 1941 года — день, как все помнят, ясный, солнечный, воскресный. Все были дома, а я — в любимом садике с названием Дурновка. В нашем районе было две Дурновки. Маленькая, напротив нашего дома, очень ухоженная, с красивыми клумбами, кустами и дорожками. За всем садовым хозяйством следил дедушка, похожий на Деда Мороза, с окладистой бородой и добрыми голубыми глазами. Мы его хоть и побаивались, но любили и старались не портить красоту. А вот большая Дурновка была подальше и выглядела как большой дикий парк с речкой, называемой почему-то Воняловкой. Туда похаживали уже совсем повзрослевшие ребята. Название Дурновка, возможно, произошло от фамилии царского министра внутренних дел — Дурново. Этот рабочий район был под особым присмотром властей и, возможно, садик возник по его иници-

ативе, это был единственный маленький озелененный участок земли, примыкающий к территории Металлического завода, который впоследствии, уже после войны, поглотил этот садик. И очень жаль. На Кондратьевском проспекте остались одни заводы, их было несколько — вытянулись один за другим по проспекту.

Итак, 22 июня я в Дурновке в компании нескольких девчонок — моих сверстниц. Почему-то играли мы, как мальчишки, в войну. Может быть, потому, что взрослые часто касались военных тем, недавно ведь отгремела финская кампания.

Самая заманчивая тема войны в наших играх — это разведка. Нашу девчачью компанию мы разделили на две группы — группу разведчиков и группу шпионов. Шпионами быть никто не хотел, решили играть по очереди, то шпионы, то разведчики.

Вернулась домой, разгоряченная после столь увлекательной игры, я увидела немую сцену: все оставили свои дела и тревожно смотрели на радио-тарелку. Война!

Говорил Молотов — нарком иностранных дел. После возникшего молчания папа произнес: «Ну вот, доруководились советские ребята!» (Отец, хоть и был рабочим, но советскую власть не принял. По его наблюдениям, из рабочей среды пошли в революцию те, кто не хотел или не умел работать. Ему до революции жилось хорошо и, будучи человеком религиозным, он чтит царя, и свергать помазанника Божьего было, по его понятиям, недопустимо. Критики

в адрес «советских ребят» в нашем доме хватало. Доставалось и кремлевскому хозяину. Ежедневное, назойливое славословие раздражало многих, и нашего отца тоже. «Наш учитель», «наш кормчий», «отец родной»... Порой, когда мы выходили из-под контроля, отец раздраженно заявлял: «Идите к «отцу родному», он вас накормит, елки-палки!» Мы понимали, что отца раздражает не столько наше поведение, сколько это постоянное, безграничное и даже неприличное славословие).

С первых же дней войны наш город преобразился. В воздухе повисли аэростаты со своими заграждениями, все окна — в газетных крестообразных полосках (ни то, ни другое не помогло).

Немецкие бомбардировщики хозяйничали в небе, все рвалось, крушилось, зажигалось. Поползли слухи о шпионах, подающих световые сигналы, указывающие на значимые объекты. Было приказано затемнить окна. Плотные ткани, одеяла повисли на окнах.

Под марш «Прощание славянки» строились и уходили добровольцы — молодые, пожилые и совсем юные.

«Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!»

Много лет спустя после войны я услышала песню «До свидания, мальчики» и сразу вспомнила мальчиков из нашего дома №32 по Кондратьевскому проспекту. Ушли все, их было много (наш дом состоял из трех флигелей, и почти все квартиры коммунальные). Вернулись только трое,

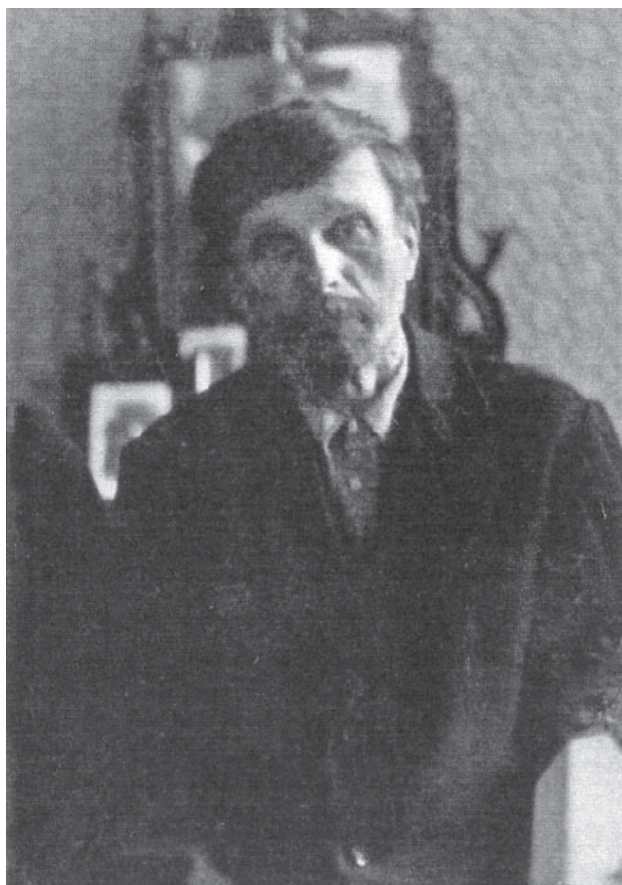

в том числе и наш старший брат Сергей. Он ушел на фронт в составе целого потока Авиационного института — четыреста человек, в живых осталось двадцать... На фронте Сергей был недолго — ранение. Его воспоминания о войне ограничились двумя эпизодами — один комический, другой трагический. Брат с юности носил очки, но при этом метко стрелял и, учась еще в школе, принимал участие в соревнованиях по стрельбе на звание «Ворошиловский стрелок». Помимо этого звания, он получил еще и премию — много книг, в том числе книгу «Исполнение желаний» Ю. Германа. А на фронте во время

атаки он потерял очки и пулял в мишень, похожую на силуэт человека. Стреляет, стреляет, а тот почему-то все стоит. После отбитой атаки он подошел поближе и увидел расщепленный вдребезги пень. Меткость «Ворошиловского стрелка» подтвердилась!..

Трагедий на войне много, одну из них брат увидел рядом. Во время обстрела наших позиций все побежали кто куда. Навстречу ему бежал солдат — молодой паренек, у него было ранение в нижнюю челюсть, и он с безумными глазами кричал: «Мама!». Многие участники боев подтверждают, что не слышали криков

Папа и Шурик летом 1941 года. Через полгода их не станет

политруков «Вперед за Сталина!» и прочие, а вот мат взрослых и крики юных солдат «Мама!» слышали нередко.

Брат был тяжело ранен, оказался в Мечниковской больнице, где ему наспех сделали срочную операцию и с последним эшелонem отправили в тыл. Весточку от него из больницы мы получили. Мама — мигom туда! Но увидеться не удалось, эшелон уже ушел. Если бы брат остался в городе, шансов выжить у него было бы мало. Ему повезло — спасибо медикам больницы и тем, кто организовывал срочную эвакуацию раненых.

Вскоре после начала войны было принято решение об обязательной эвакуации семей с детьми или одних детей. Мама была категорически против. В 1917 году родители сбежали из города на родину отца, в Смоленскую область, при этом в городе было все потеряно, в том числе и жилье, и по возвращении они долго мыкались — жить было нeгде. Мама, вспоминая об этом, заявила: «Никуда мы не поедem, а там — что Бог даст».

Обязательность эвакуации вскоре отменили (только по желанию), и мама успокоилась.

Наша семья, как и многие другие семьи, осталась в блокированном городе со всеми тяжелыми последствиями.

Продовольственные карточки ввели еще до 8 сентября (начало блокады), и нормы были высокие, но мы, к сожалению, не выкупали все продукты, видимо, не думали, что война затянется.

Бомбежки начались чуть ли не с первых дней войны. Было еще тепло, и многие семьи в нашей округе уходили вечером подальше от заводов. За кинотеатром «Гигант» начинались поля, были вырыты ямы вроде траншей, там и отсиживались по ночам, пока шла бомбежка.

Хотя мы находились вдали от заводов, было страшно. Стрекочут зенитки, небо пылает, режут моторы, свистят летящие бомбы — ощущение такое, что они упадут здесь, рядом!

Невольно, от страха, я стала постоянно креститься и без остановки повторять одну и ту же фразу: «Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй!» Это выглядело, видимо, ненормально. Шурик не выдержал и раздраженно сказал: «Нинка, остановись!» А папа строго: «Пусть молится!» И я продолжала: «Господи помилуй! Господи помилуй!..» Я часто вспоминаю эти страшные моменты!

Лето заканчивалось, и с ним уходило тепло, мы перестали спасаться от бомбежек таким образом. Стали спускаться в подвалы под домами — это были бомбоубежища. Там наиболее энергичные учителя попытались собрать ребят и вести занятия, так как наша школа, как и многие другие, в сентябре не открылась. Было всего несколько занятий. Продолжения эта затея не имела.

Туда, в бомбоубежище, мы тоже перестали спускаться — как-то попривыкли и надо было бороться с зажигательными бомбами. Огромное их количество оказы-

валось на крышах. С ними с азартом расправлялись Маша и Шурик.

Продовольственные Бадаевские склады загорелись в результате бомбежки и горели несколько дней. В воздухе пахло жженым сахаром. Кто-то пытался там что-то раздобыть, но мы жили далеко, да и вряд ли там что-то могло остаться.

Мама попыталась другим способом решить, хотя бы частично, проблему питания и рано утром 8 сентября поехала в Лигово, надеясь там что-нибудь прикупить у местных жителей, занимающихся сельским хозяйством. Поехала и попала в самое пекло — в этот день немцы решили завершить задуманное — сомкнуть кольцо блокады — и сделали это, несмотря на сопротивление наших войск. О том, что там было жарко, слышно было даже в нашем районе, дальнем от этих мест. Непрерывный гул от всей военной техники. Ясно было — совсем рядом с городом происходит что-то важное и страшное.

Мама, да и все горожане, не могли знать, что город окажется в кольце и где конкретно произойдет завершающий этап блокады. По незнанию всего этого мама и оказалась среди беженцев и понуро отступающих наших солдат. Словом, унесла ноги и вернулась невредимой, но без продуктов.

Блокада 1941-1942 годов

Итак, началась тяжелейшая блокадная жизнь. Немцы, подойдя к городу, перестали бомбить и стали ежедневно обстреливать его. Тяжелая артиллерия

била по заводам, а шрапнель — по живой силе. Подгадывались моменты, когда люди шли на работу и возвращались домой.

С начала блокады нормы продовольствия стали быстро снижаться. Вот тут-то мы и поняли, какую ошибку допустили, не выкупая продукты, когда нормы были больше.

Морозы в 1941 году начались уже в ноябре, и оттепелей не было до апреля — такого в нашем городе не наблюдалось ранее, да и после войны тоже, зима и по своей продолжительности, и по силе морозов была необычная.

Отключили электроэнергию, заводы встали, город погрузился в кромешную тьму. Водопровод не работал.

Меня с Шуриком отправили за водой на Неву. Поставили ведра на санки, взяли ковш. И вот мы на берегу. Спустились к проруби, набрали воды и стали подниматься наверх, санки наклонились, вода из ведер выплеснулась, и домой мы вернулись с неполными ведрами.

Мама придумала другой способ — брать снег с крыши (мы жили на верхнем, пятом этаже, и это было несложно, да и снег был чистый — заводы не дымили). Снег растапливали.

Воду, добытую таким образом, экономили — споласкивали лицо, руки, но никаких стирок, мытья полов и прочих необходимых дел. Так и жили без воды, света и тепла до апреля 1942 года, когда, наконец, появилась вода в кранах и открылись бани.

Запомнились еще два эпизода, произошедшие осенью 1941-го.

Оказавшись на Кондратьевском проспекте, я на панели увидела небольшого размера листик с изображением людей в военной форме. Стало любопытно. Подняла и из прочитанного узнала, что сын Сталина — Яков Джугашвили — оказался в плену. Это он был изображен на картинке в группе немецких военных.

И там были напечатаны его слова о бессмысленности сопротивления.

Бумажку я быстро уничтожила, так как было уже известно, что немцы сбрасывают с самолетов листовки, и брать их строго запрещалось.

Запретов, как известно, хватало, и мы тогда боялись всего — был синдром всеобщего страха даже по пустякам.

В связи с этим вспоминается еще один эпизод. Первый снег и первые морозы появились рано, и в эту пору мама собрала нас в поход на колхозные поля, в надежде отыскать там оставшиеся после уборки овощей листики свеклы и капусты. Эти поля начинались недалеко от кинотеатра «Гигант».

Там мы выковыривали из-под снега (не очень еще плотного) листики свеклы и капусты, кочерыжки. Перемещаясь с одного поля на другое, мы неожиданно оказались на поле необранной цветной капусты. Обрадовались — и тут же испугались, хотя вокруг никого, только вдаль виднелись какие-то постройки. И все же испугались и ограничились зелеными листочками цветной капусты. Это был,

видимо, поздний ее сорт и, возможно, срок уборки еще не подошел.

В домах нашего района было печное отопление, но вот где взять дрова? Запасы кончились.

В то время Кондратьевский проспект был окраиной города, и здесь сохранились еще и деревянные постройки и заборы. Маша, как наиболее энергичная и предприимчивая, выходила в темное время на промысел. Приносила заборные доски и все, что может гореть. Топили только плиту с духовкой на кухне, тепло распространялось еще и на маленькую комнату, вход в которую был из кухни. Вот в этих двух маленьких помещениях мы и ютились. А большую комнату закрыли, там была круглая печка, но на топить 24 м², не имея лишних дров, было невозможно.

И еще одна напасть! Из-за отсутствия воды и возможности помыться — педикулез, а попросту — вши, появились сразу у всех и в больших количествах. И не в голове, как это случалось у детей до войны, а в нательном белье.

Мама знала о последствиях этой напасти — о тифе, и немедленно сорвала со всех нас одежду — и в горячую духовку. Несколько раз была проведена эта операция. Все обошлось!

Нормы на продукты упали до минимума, уже в ноябре — 125 граммов хлеба для иждивенцев, то есть неработающих, 250 — для рабочих. Нормы на остальные продукты также были очень низкие, да и появлялись продукты в магазинах

редко. Достать что-то съестное было трудно, а запасов в доме не было.

Все беседы, возникавшие в семье, сводились к одному — еде. Больше всего хотелось хлеба — ни печенья, ни пирожных, ни даже булки, а именно черного хлеба. В нем все необходимое для организма. Жили же монахи с древних времен на хлебе и воде. Так что «хлеб наш насущный»!

Был бы только один хлеб, и не было бы смертей от голода!

Уже в начале XXI века в газете «Аргументы и факты» появилась заметка с интересным экспериментом, который подтверждает все те ощущения, что испытали голодные люди в блокаду:

«В свое время ученые провели весьма примечательный эксперимент. Людей, которые некоторое время голодали, подвели к столу с едой. На нем были деликатесы, рыба, мясо, овощи, фрукты. Но из всевозможной снеди голодные выбирали хлеб и начинали есть, прежде всего, его. Организм сам подсказывал какой продукт лучше всего его насытит и даст все необходимые для жизни вещества».

И еще одна заметка, о том, что в хлебе есть необходимые для организма вещества, и отказ от него с целью похудеть чреват последствиями. «Сколько есть. Медики рекомендуют съесть в день около трехсот граммов хлеба. Сто граммов черного и двести граммов белого.

При избыточном весе суточную норму лучше сократить до ста граммов. Но полностью отказываться от хлеба нельзя! В этом случае организм не будет полу-

чать необходимые ему вещества, которые невозможно заменить комплексом поливитаминов. Кстати, такая же хлебная норма установлена и в лечебных учреждениях».

Мама, чтобы как-то отвлечь от тяжелых мыслей, каждой из нас дала в руки занятие: кто-то вязал крючком, кто-то спицами, я вышивала крестиком полотенце, но вот мужчин (а их было трое: к папе и брату Шурику присоединился еще дядя Коля, мамин брат) занять было нечем.

Дядя Коля поселился у нас, когда городской транспорт встал, жил он на Международном проспекте (ныне

Николай Абрамович Смирнов

Московский), а работал на Металлическом заводе, пешком добираться через весь город невозможно.

Дядя Коля подбадривал нас, и мы с надеждой смотрели на него. Шурик тоже был полон энтузиазма: с самого начала войны повесил на стенку карту, воткнул флажки по линии фронта и с грустью перемещал их — фронт приближался к городу.

8 сентября кольцо блокады сомкнулось, и очень быстро люди стали жить в условиях города-фронта, при отсутствии самого необходимого — тепла, света, воды, питания — и при постоянных арт-обстрелах.

И при этом — красота морозных дней! Огромные сугробы засыпанных троллейбусов и трамваев стояли, как айсберги, по всему городу, и редкие прохожие с наброшенными на верхнюю одежду шерстяными или байковыми одеялами, по точному определению Ольги Берггольц, напоминали пророков: «А люди были, как пророки».

Вот такой контраст, такое грустное сочетание зимней красоты и трагедии человеческой.

Постепенно у людей стали опухать лица, руки, ноги, знакомых трудно было узнать. Наши соседи по дому из другой парадной съели свою кошку, любимую ими! Ужас! Ни собак, ни кошек на улице не видать, но вряд ли их всех съели, они, должно быть, сдохли по той же причине, что умирали и люди, — от голода.

В один из дней я увидела страшную картину: женщина вышла из булоч-

ной, не успев убрать свой кусочек хлеба, мальчишка-подросток выхватил кусок — и в рот. Его свалили, били ногами, руками, а он жадно продолжал есть. Я побежала домой!

В городе появились «черные» рынки, где можно было купить буханку хлеба, но не за деньги. Голодающие за нее отдавали серебро, золото, бриллианты, а не голодающие принимали это и боялись только одного — чтобы милиция не накрыла их.

Потеря близких

Приближался 1942 год, хорошего ждать не приходилось. Шурик ослабел и все больше лежал и читал. И вот что удивительно: нас еще детьми до войны водили в церковь, но, взрослея, Шурик отошел от церкви. По этой причине у него с папой были разборки. А тут за две-три недели до Нового, 1942-го, года он взял псалтирь и не выпускал его из рук до самой смерти.

О чем думал он в последние дни своей жизни? Надеялся ли он выжить либо смирился с неизбежным?

Только накануне смерти, 31 декабря, выяснилось, что у него кровавый понос. Он по своей стеснительности ничего не говорил. Сестра, зайдя сразу же за ним в уборную, все поняла, но было уже поздно что-то предпринимать. В четыре часа ночи он умер. Ему было шестнадцать лет.

Дядя Коля сказал неожиданную и страшную по своему смыслу фразу: «Шурик показал нам дорогу». Неожиданную, потому что он ведь совсем недавно и не-

однократно подбадривал нас, мы всегда с надеждой смотрели на него и ждали, что скажет дядя Коля. Видимо, он давно уже понимал, какой конец нас ждет, но держал свои мысли при себе. 1 января вечером он еще сидел на плите, а утром 2 января уже не встал с постели и был словно в забытьи. Сначала похолодели ноги, затем холод пошел выше по телу. Мама была с ним рядом, пыталась с ним говорить, но ничего не услышала. В два часа дня его не стало.

Дядя Коля — один из лучших фрезеровщиков Металлического завода, интересовался очень многим, его привлекало все новое, и он самостоятельно смастерил радиоприемник и мечтал сделать еще более современный. Хорошо играл в шахматы, привлек к этой игре брата Сергея и даже мне дал первый урок и показал движения фигур. Он, безусловно, принадлежал к тому типу рабочих, о которых говорили «рабочий интеллигент». Ему было всего сорок два года.

Шурика и дядю Колю положили в большую комнату (там была минусовая температура). Шурик лежал, как живой, будто спящий. Мама дрогнула и вызвала врача: вдруг он и вправду просто спит? Но врач констатировала смерть.

Папа держался дольше всех, но и он с каждым днем все больше слабел, на работу уже не ходил (несмотря на остановившиеся заводы, рабочие должны были приходиться).

Папа слег, опух, его сердце остановилось 10 января, а через два дня пришли

с его работы с целью поместить его в открывшийся стационар.

Итак, трое умерших за десять дней!

Папу положили в ту же холодную комнату, и мама стала думать о похоронах.

Поскольку все трое умерли в начале месяца, то продовольственные карточки были уже получены в конце декабря.

Мама принимает решение — нанять человека сколотить гробы за продовольственные карточки умерших. Все ли были отданы или частично, не знаю, думаю, что частично.

Такой человек нашелся — знакомая с папиной родины, она жила в нашем доме. Тетя Дуня обладала мужскими навыками — умела держать в руках топор и молоток, играла на гармошке. Вот такой редкий экземпляр женщины!

Гробы ею были сколочены из ящичков, и все трое были похоронены в один день и в одной могиле на Богословском кладбище, там еще в 1913 году была похоронена наша трехлетняя сестренка Тонечка. (Папа очень горевал при ее смерти, систематически посещал могилку, и впоследствии нас тоже туда водил.)

Отвезли умерших на саночках: мама и сестры Анна и Маша тянули этот скорбный груз.

А я, грешным делом, втайне была не согласна с мамой и рассуждала так: продовольственные карточки умерших поддержали бы оставшихся в живых, ведь хоронят же других в простынях. Но мама, даже в такие трагические моменты,

не могла, видимо, отступить от христианских обычаев.

Умерших не оплакивали — слез не было, было смирение перед неизбежностью, выраженной в словах дяди Коли в день смерти Шурика.

Но, вот удивительно, никто ведь больше в нашей семье не умер. Хотя продолжали голодать и почти умирали, но остались живы — у каждого был свой спаситель.

После похорон мама вспомнила о своем сне, который повторялся неоднократно в течение всей ее жизни до войны. Она об этом рассказывала, и мы все знали и гадали: что бы это значило?

А сон такой. Мама на плоту среди бурной воды, с ней ее близкие, и вода срывает одного за другим троих.

«Ну, вот и сбылся мой сон!» — с грустью сказала мама.

В семье остались одни женщины, из них две девочки — семи и тринадцати с половиной лет.

Вспоминается горький момент с младшей сестрой. Она по-детски решила, что чем больше кусочков хлеба, тем его больше и будет, и стала, сидя за столом, разрезать на тонкие ломтики свою порцию в 125 граммов. Конечно, один из ломтиков упал — слезы, рев, сестренка вмиг соскочила с табуретки и стала ползать по полу, отыскивая кусочек хлеба...

А вот еще одна грустная история с моей довоенной подружкой. Она жила в нашем доме с родителями и была единственным ребенком. Она отличалась редкой для аккуратностью, и когда однажды

она пришла к нам, я ее не узнала. Лицо закопченное, руки грязные, поверх пальто наброшено какое-то тряпье. С совершенно безучастным лицом она сказала, что мама с папой умерли, их похоронили соседи по квартире. Сама она хоронить не ходила и заметила при этом: «А что ходить, расстраиваться».

Она очень любила своих родителей и была ими обласкана. Но все это притушилось, исчезло, появилась апатия, равнодушие ко всему. Это было очень характерно для большинства людей в то жуткое время. Через несколько дней Клавочка тоже умерла.

На нашей лестнице произошло два страшных события.

На втором этаже жила одинокая женщина. Ее все знали, но тесного общения с ней никто из соседей не имел. Мрачноватая на вид. Наш водопроводчик дядя Вася делал обход по квартирам, где были буржуйки (это такие жестяные печки с выводом трубы в окно). Цель обхода — противопожарная безопасность. В квартире этой женщины его насторожило два обстоятельства: на буржуйке жарилось мясо, по словам хозяйки, на сковороде была конина (этот «деликатес» случался в городе, убитую снарядом лошадь тут же разбирали, кто успел). Но вот взгляд водопроводчика упал на кровать (где было откинута покрывало), скользнул по тазу под кроватью, с которого свисала прядь волос. Дядя Вася, не подавая виду, ушел и сразу же заявил о своих подозрениях. Женщину на дру-

гой день забрали (подозрение водопроводчика подтвердилось). Дядя Вася был потрясен этим событием и вскоре перебрался на Большую землю.

К тому времени стала действовать Дорога жизни.

Случаи каннибализма не перешли в массовое явление, но были во всех районах города. Школьный друг нашего брата вернулся с фронта и стал разыскивать свою четырехлетнюю сестренку (родители умерли от голода). Выяснилось, что девочку забрала к себе родственница семьи. Она жила в районе Ржевки. Он туда, а ее, оказывается, давно уже забрали за людоедство. Парень был ошеломлен и не мог оправиться до самой смерти, наступившей, увы, очень скоро.

Вот такие страшные дела!

Было в нашем доме еще одно трагическое событие. На первом этаже жила одна женщина (татарка) и с ней две девочки-подростка и родившийся незадолго до войны мальчик. Она перестала кормить девчонок, а их продовольственные карточки использовала для поддержания маленького сына и себя. Девочки умерли, мальчик с мамой остались живы и жили там же после войны.

Еще одно грозное «оружие» обрушилось на город и горожан — пожары.

Электричества не было, и жители освещали свое жилье свечами и коптилками (это небольшая емкость вроде лампадки, туда наливалось масло и помещался фитилек). Такие осветительные приборы были, конечно же, опасны.

Однажды среди ночи в нашу квартиру постучали и крикнули: «Мы горим!»

Крик поднял нас всех вмиг. Еще были живы наши мужчины, собрали только самое необходимое — и скорей вниз. Оказывается, горела квартира на одном этаже с нами. Разделяло нас с местом пожара всего две квартиры. Внизу быстро выстроилась цепочка людей с ведрами, воду набирали в одноэтажной прачечной, находившейся во дворе, ею до войны пользовались жители дома по очереди. Там, каким-то образом, все же сохранилась вода. По цепочке ведра передавали до пятого этажа, где горела квартира.

Пожар потушили, в квартире нашли три трупа — молодая мама и две ее маленькие дочки. Причина пожара — опрокинувшаяся баночка с горящим маслом. Погибшие отравились угарным газом. Женщина спала, сидя за столом. Трупы вынесли в дровяной сарай и сообщили мужу на фронт. Когда он смог вырваться с фронта и вошел в сарай, где лежали его близкие, то увидел невероятное: у трупов были вырезаны все мягкие части тел! Ужас! Ведь кто-то из наших жильцов сотворил этакое! Страшное событие! Потрясенный увиденным, солдат, вернувшись на фронт, по свидетельству однополчан, стал искать смерти и вскоре погиб.

Пожар, еще более страшный, произошел на Кондратьевском проспекте. Ночью полностью выгорел один из двенадцати корпусов (40-е корпуса). В каждом из этих них были коммунальные квартиры — погибло много народу.

Январь военных лет

Январь военных лет — месяц особенный и для города, и для нашей семьи: в 1942-м смерть косила жителей — гибли от голода, холода, обстрелов. Ежедневно умирали тысячи людей, среди них и трое наших близких.

Но январь был отмечен и радостными событиями:

18 января 1943 года — прорвали блокаду.

27 января 1944 года — блокаду сняли.

А вот для меня 27 января — дата еще и личная, особенная — это мой день Ангела, мне дали имя в честь святой равноапостольной Нины (просветительницы Грузии). Историю ее жизни я прочитала еще в детстве — у нас в семье было двенадцать томов жития святых. Там же я узнала истории святых, в честь которых были названы мои родные. Это было интересное чтение! Других книг в доме не было.

День 27 января 1942 года был отмечен двумя событиями: одним радостным — для меня, другим грустным — для всех.

В этот день мама порадовала меня красивым фланелевым платьем (даже в такие тяжкие дни мама находила для нас маленькие радости). Спасибо ей! Подарок был неожиданным — мама шила тайком от меня. И вот сидела я в новом платье, сложив руки на коленях, и терпеливо ждала хлеба.

27 января 1942 года в городе хлеба не было целый день.

Сестра Маша, заняв очередь в булочную, несколько раз прибегала домой по-

греться, и, открывая ей дверь, мы с надеждой встречали ее. Но увы! Хлеб она принесла только в половине двенадцатого ночи, и удивилась, что мы еще не спим: «Я-то думала, что хлеб доживет до утра!»

Но не случилось! Мы его слопали тут же. Хлеб был необычного цвета с оранжевым оттенком. Видимо, печь его было не из чего.

Блокада продолжается

Тяжелая блокадная жизнь продолжалась, но все же изменения в лучшую сторону появились. У каждого из нас, оставшихся в живых, оказался свой спаситель.

Маша в конце зимы 1942 года случайно встретила свою подругу. Муж ее был военный и был предписан к артиллерийской базе, находившейся в районе Богословского кладбища. Увидев Машу истощенной и ослабевшей, подруга постаралась устроить ее на эту базу, а Маша устроила младшую сестру Любу в круглосуточный детский садик при этой же базе.

Машу от базы направили учиться на шоферские курсы. После их окончания она возила в свои двадцать лет снаряды на передовую. Было жутко — кругом валялись тела убитых.

На базе была обустроена столовая, где взамен продовольственных талонов можно было получать обеды. Туда меня и отрядили ходить два-три раза в неделю. Идти нужно было по направлению к кладбищу, и то там, то тут лежали трупы в простынях. Ослабевшие родственники

не могли, видимо, довести своих умерших и оставляли их на дороге, иногда вместе с санками. Я шла сторонкой.

Однажды, идя по этому скорбному пути, я увидела, что трупы местами были развернуты. Сначала не поняла: зачем? А потом вспомнила дровяной сарай, куда были помещены трое погибших от пожара в нашем доме. Я все поняла — стало страшно.

Мои запретные мысли и недопустимые высказывания других

Я неоднократно в особо тяжкие моменты задавалась вопросом: почему? В огромном городе люди доведены до отчаяния. По существу, до животного состояния, а власти продолжают удерживать город. Дома у нас эта тема не обсуждалась, но я уверена, такой вопрос возникал не только у меня и не только в нашей семье.

Из школьного курса истории мне были известны случаи осады городов, ворота которых открывали по требованию женщин. И я, наивная девочка, измотанная до предела, ждала этого момента. Думаю, что не я одна. И осуждать нас за это нельзя!

Длительное время люди жили за пределами человеческих возможностей, в результате — случаи каннибализма и трупоедения.

Москву сдали в 1812 году, а войну выиграли! Париж открыл свои ворота без боя!

Почему нам пришлось так страдать? И почему по воле властей эти страдания, эту трагедию стали скрывать под пафосными рассуждениями о героизме? Хотели скрыть небывалые страдания? Похоже, что да!

После слов Сталина «никаких трагедий» даже музей о блокаде, созданный еще до окончания войны людьми — свидетелями блокадной трагедии, был разгромлен. Организаторов посадили, некоторых расстреляли. Соккрытие тайны всегда имеет свои последствия. Сейчас можно услышать: «Подумаешь, блокадники, мы тоже голодали!» Да, голодали, но не умирали тысячами ежедневно, не ходили под разрывами бомб и снарядов, имели возможность помыться и обогреться.

Вот почему необходима правда — полная правда, и тогда люди, далекие от понимания, что такое блокада, воздержались бы от небрежных высказываниях о блокадниках.

Первые общие радости

Зима продолжалась, морозы до 40°С, оттепелей не было до апрельских дней, люди продолжали голодать и умирать. В апреле умерла двоюродная сестра Чикина Вера Андреевна, ей не было еще и тридцати. Итак, уже четыре человека!

В апреле случилось и два приятных события: пошли трамваи и открылись бани.

Поход в баню всех посетителей привел в шок. Мы же полгода не раздевались догола и не видели друг друга. А тут, башки мои, ходят с тазиками — скелеты,

все косточки выперли, ноги тонюсенькие и колесом. Все мы знаем, видели школьный скелет. А тут — скелеты, обтянутые кожей! Но вода — живительная сила! Скелеты улыбаются, посмеиваются, глядя друг на друга, и удовлетворенно топают домой.

Кондратьевский проспект — это дорога на кладбище, и во второй половине зимы и весной город стали очищать от трупов. Выносили из квартир (нередко вымирали целыми семьями). Отряд дружинниц занимался этим горьким делом, они освобождали сараи и другие помещения, куда складывались трупы. Грузовые машины с открытым кузовом вывозили трупы со всего города. Кузова были наполнены ими выше бортов, как дровами, и почему-то все были голые.

Братские могилы приготавливались с помощью взрывов.

Сейчас это мемориальное Пискаревское кладбище с огромной площадью братских могил.

В апреле было еще два события. Одно радостное, другое тяжелое, но необходимое. Боялись эпидемии, надо было убрать территорию дворов, где много чего накопилось за зиму: трупы, нечистоты. И надо было скалывать лед. Припугнули: кто не выйдет на работу, тем не дадут продовольственные карточки. Вышли те, кто еще мог двигаться. Лед скалывали с помощью лома. От нашей семьи вышли двое — старшие сестры. После этой тяжелой работы умерло еще несколько человек.

А радостное событие — это Пасха. До войны этот праздник у нас в семье всегда отмечали, готовилась вкуснейшая пасха и обязательно куличи.

А в 1942-м мама опять нас удивила. Где-то раздобыла кусочек сала и сварила гороховый суп. Как это было вкусно! Первый раз за несколько месяцев у нас появилось слабое ощущение сытости.

Подземный склад и огород

В мае появилась травка и самая вкусная — лебеда-лебедушка! Сколько мы ее съели! Ели сырую, варили щи, тушили, пекли лепешки. Но эта пища плохо принималась нашими истощенными организмами. Болели животы, и мама нам по очереди ставила грелки.

Примерно в это же время (май, июнь) прошел слух, что в районе Пискаревки обнаружен продовольственный склад. Он был когда-то зарыт в землю (возможно, в 1917-1918 годах) Толком никто не знал, почему продукты оказались в земле. Мы с сестрами потопали туда и поняли, что опоздали. Увидели глубокие и широкие ямы выше человеческого роста. Внизу в ямах по два-три человека с лопатами выбрасывали наверх вместе с грунтом нечто, напоминающее съестное. По срезу ямы видны были слои деформированной, слежавшейся картошки. Другого мы ничего там не увидели. Картошку принесли, но есть ее оказалось нельзя. А вот черная масса, по структуре похожая на творог, которой с нами поделились люди, попавшие к этим складам раньше, была доволь-

но вкусной. Мы ее разбавляли сиропной водой и ели.

Весной 1942 года от завода «ГОМЗ», где работала старшая сестра, нам выделили две сотки земли недалеко от нашего дома.

Какая это была радость — копаться в земле, с надеждой что-то там вырастить. Но поднять эту целину, хоть и всего две сотки, было очень трудно. С трудом одолели сообщца.

Мама радовалась, что можно было, помимо всего прочего, посадить еще и ее любимую белокочанную капусту. Где-то раздобыла семена, вырастила рассаду и каждый день ходила ее поливать. Кроме капусты, посеяли семена сахарной свеклы и, конечно, посадили картошку, вернее, «глазки» от нее.

И, что удивительно, все выросло — и свекла, и картошка, и капуста. Это оказалось подспорьем к осени 1942-го.

Капуста созревает поздно, кочаны получились красивые, плотные. Надо было бы и убрать уже, но мама решила: пусть еще денька два постоит. Убрать нам ее не пришлось — какие-то негодяи срезали все тридцать кочанов.

Я никогда не видела маму плачущей, она и в этот раз не заплакала. Легла молча, никого не ругая, и несколько часов пролежала. Было очень жаль ее!

Мой спаситель

В середине лета мы с мамой по какой-то причине оказались на улице. Я к этому времени ослабела до такой степени,

что едва переставляла ноги, появились те же признаки, что и у брата Шурика перед смертью, — кровавый понос. Конец известен!

Идем мы с мамой, и вдруг она рванула от меня. Я стою в недоумении, а потом вижу — мама подошла к женщине, и я узнала в ней нашего детского врача.

Нина Константиновна Воеводина — мой спаситель! До войны она часто бывала у нас — детей много в семье, то один заболит, то другой. Мама сказала ей, что Шурик умер, и со мной беда — те же опасные признаки. Нина Константиновна направила меня в детский стационар, где она была главврачом.

Стационар был организован в здании завода «Промет» (завод был эвакуирован). Врач посоветовала нам не говорить о поносе в приемном отделении, понимая, что это не дизентерия, а понос от голода.

Стационары для детей и подростков в городе появились не только в нашем районе, надо было спасти оставшихся еще в живых — подрастающее поколение. Но спасти удалось не всех — в стационар поступали и те, у кого появились необратимые процессы в организме. В нашей огромной палате (бывший цех) несколько человек умирали у нас на глазах.

Поразила одна девочка, лежавшая напротив меня. Она отличалась живостью, редким юмором, но я услышала случайно разговор двух медсестер: «Эта девочка обречена». Глядя на нее, я не могла в это поверить и все же как-то рано утром увидела пустую кровать. Девочка умерла

ночью, под подушкой у нее нашли кусочки хлеба, видимо, она уже и есть не могла. Живот раздулся — водянка.

Среди умерших в стационаре оказалась девочка из нашего класса с редкой фамилией — Гайсенюк, она была дочерью видного человека, по какой-то причине он не мог ей помочь.

Как известно, смерть не щадит никого.

Жизнь в стационаре

А вот мне повезло, я оказалась в стационаре, когда еще можно было помочь организму.

Спасибо детскому врачу Н. К. Воеводиной, вспоминаю ее всю жизнь!

Первый день в стационаре был такой: в приемном отделении меня остригли наголо, вымыли, одели в больничную одежду и привели в палату. Она была огромная, с большим количеством кроватей, на которых лежали девочки примерно моего возраста. Глаза запавшие, испуганные, лица землистого цвета и очень исхудавшие. Мы все тогда были похожи на маленьких обезьянок.

В палату я попала к обеду, и какой он был вкусный! На первое — зеленые щи из крапивы и щавеля, а на второе — пшенная каша на воде. Эти незатейливые блюда остались для меня любимыми на всю жизнь (а вот на лебеду смотреть не могу).

На второй день в стационаре у меня прекратился понос, детский врач не ошиблась, направив в этот стационар. Спасибо ей!

Пробыла я там полтора месяца. Медицинский персонал очень тепло относился к ребятишкам, и мы тоже привязались к ним, помогали им ухаживать за более тяжелыми пациентами.

Когда меня выписали, день был солнечный, и хотя меня никто не встречал, я радостно топала домой, где меня ожидал сюрприз. Оказывается, мама после моего определения в стационар тоже попала в больницу и накануне моего возвращения вернулась. Так что встреча была теплая, со слезами и смехом. Маму тоже обрили наголо, и мы друг друга гладили по безволосым головам и потешались.

Заводская жизнь

Тем временем деньги в семье закончились (папа умер, мама домохозяйка), надо было что-то предпринять. Многие подростки, оставшиеся без поддержки взрослых и без денег, хлынули на заводы. И в семье решили, что и мне следует податься туда.

И вот 4 октября 1942 года я предстала перед первым в моей жизни начальником на моем первом месте работы. Это завод ГОМЗ №349 (Государственный оптико-механический завод) им. ОГПУ (ныне это ЛОМО — оптико-механическое объединение). Тогда знаменитое ОГПУ — особое государственное политическое управление — заводские юмористы по первым буквам расшифровали так: «О, Господи, Помоги Убежать»! А в обратном направлении: «Убежишь — Поймаю, Голову Оторву»!

Эта остроумная расшифровка возникла не на пустом месте. С завода запрещалось увольняться и переходить на другое место работы. Исключением являлся только уход на учебу. (Через пять лет я этим воспользовалась. Сдала экзамены в дневной техникум. Представила на заводе справку о зачислении, уволилась и пошла работать в Политехнический институт, учиться же продолжала вечером).

А тогда, 4 октября 1942-го, я появилась в кабинете начальника в нелепом виде и дрожа от страха. На мне было пальто моего умершего брата Шурика, через плечо повис противогаз (без него на завод не пускали).

При виде меня начальник, как мне показалось, растерялся. Его взгляд выражал что-то вроде ужаса и жалости (к этому времени я опять стала похожа на обезьянку).

Мне было четырнадцать лет, а вес в пальто и с противогазом был 32 килограмма (процедура взвешивания при приеме ребятишек на завод была обязательной, и в дальнейшем нас периодически взвешивали, следили за состоянием здоровья).

Итак, начальник растерялся, увидев меня, а я еще больше испугалась при мысли, что меня вряд ли возьмут, и не видать мне хлебной карточки с повышенной нормой.

Но, к счастью, жалость взяла верх — несмотря на фразу начальника «Что же я буду делать с вами, у меня уже целый отряд таких!», я была принята.

Отряд состоял из семи девочек, я пришла последняя.

И потекла моя заводская жизнь с радостью, печалью и приключениями.

Я была зачислена контролером в ОТК (отдел технического контроля). В каждом цеху была своя группа контролеров, я попала в цех №9 — киноцех, но тогда вместо киноаппаратов там изготавливали штыки. Проверка деталей была не сложной. Через год я была уже в группе контролеров оптического цеха, где изготавливали дальнометры (перископы) для подводных лодок. Здесь уже было гораздо интереснее.

Заводских воспоминаний много — и трагических, и веселых, забавных. Ведь на заводах города оказалось много юных, молодых, которые постепенно приобретали нормальный человеческий облик и вели себя, как свойственно молодежи.

Одно из первых впечатлений моей «взрослой» жизни связано с непонятной компанией по займам. Как известно, и до войны, и во время нее, и после ее окончания в стране проводились ежегодные займы. В счет государства ежемесячно высчитывалась из зарплаты сумма, на которую подписывался работник.

По радио, в газетах подчеркивалось, что люди добровольно и радостно отдают свои денежки. На самом деле, сумму займа определял не работник — она «спускалась» сверху. И задача руководителей была нелегкой: добиться согласия от подчиненных, заработок которых не был высоким (жили от зарплаты до зарплаты),

а сумма займа (месячный заработок) — значительна.

Итак, в кабинет начальника вызывали по одному человеку. Там были парторг, профорг и сам начальник, и все убеждали в необходимости дать в долг государству, которое обязуется этот долг вернуть. Возвращение, как известно, происходило с нарушением — срок возврата затягивался, суммы драбилились и т.д.

Из кабинета выходили после длительной проработки мужчины с красными лицами (их было мало), а женщины (их было большинство) — со слезами.

Перед кабинетом стояло несколько женщин, я за ними — ждала вызова. Смотрю, одна выходит в слезах, другая, и третья тоже вытирает платочком глаза. Что же это, бьют там что ли? Я вхожу в растерянности, не зная, что меня там ждет. Встречают ласково, шутят, а у меня в мозгу: «Женщины плачут». И я вдруг вслух ляпаю: «Женщины плачут». Все трое, как по команде опустили глаза, а я про себя: «Что я такое лепечу, дурочка?» Всем стало как-то неловко. Сквозь туман в голове слышу: «Фронт, война, надо помочь». А у меня только одно на уме: «Скорей бы выбраться отсюда». Подписала и выбралась, до слез дело не дошло. А вот мысль о несоответствии официальной пропаганды тому, что есть на самом деле, засела в голове на всю оставшуюся жизнь. Взрослея, я видела и продолжаю видеть этот разрыв между словом и делом.

Военные заводы блокадного города — это передовая. Они были под постоян-

ным прицелом. Работать там было опасно и страшно, но и добраться до места работы — проблема. В определенное время (начало и конец рабочего дня) немцы обстреливали подходы к заводам и даже умудрялись попадать в трамваи. А в то время они были не только переполнены внутри, но и обвешаны людьми снаружи. Ехали и на «колбасе», и цепляясь за поручни и другие выступающие части. Дверей в трамваях не было, были дверные проемы — зацепиться было за что.

По этому поводу родились стишки:

*Один правит, другой лает,
Тридцать избранных сидят,
Пятьдесят друг дружку дают,
Сорок смертников — висят,
И на всю эту картину
Двести с завистью глядят!*

Именно так это и было, и когда в трамвай попадал снаряд, то последствия были ужасными. Таким вот образом погибли две девочки из нашего цеха и много других с завода (трамвай подходил к нашей остановке).

Зимой 1943 года цеха не отапливались: стены в инее, детали тоже. Чтобы как-то согреться, посередине цеха соорудили небольшую кирпичную плиту с железным листом сверху, трубу вывели в окно. Вокруг этой печки и собирались работяги (в основном женского пола), и даже в такое тяжелое время без шуток не обходилось — кто-то подпалил свои штаны, оказавшись близко от топки, кто-то спа-

лил рукавицы, положенные сверху на плиту. До пожара дело не дошло, но каждая оказия сопровождалась смехом.

При такой стуже в цехах мода на ватные штаны не могла не появиться, и у меня с маминой помощью появились утепленные штаны и бурки на ногах из овечьей шкурки, вынутой из сундука.

А вот один из самых трагических дней моей заводской жизни. Шел жестокий обстрел завода, середина дня, я только отошла от печки и спустилась вниз, направляясь домой (рабочий день у четырнадцатилетних был сокращенный). Едва вышла на улицу — грохот и дым с крыши нашего цеха. Снаряд угодил в печку — погибли все, кто был рядом. А я, еще не зная этого, побежала к проходной. Рядом со мной телега с лошадьёю. Лошадь заржала и упала на колени, то ли ранило ее, то ли убило. Я в слезах добежала до проходной и скорей домой, а до дому было еще минут двадцать, и все это время обстрел продолжался, осколки сыпались, укрыться негде (мой путь лежал по железнодорожному полотну).

От страха случилась «медвежья болезнь» — кругом осколки сыплотся, бежать нельзя, надо присесть. (И в последующие несколько дней все это повторялось, и все на том же самом месте.) Последствий «условного рефлекса» становилось все больше. Я изменила маршрут и в момент очередного обстрела забежала в ближайший корпус 40-х домов по Кондратьевскому проспекту. На первом этаже постучала в дверь, открыла моло-

дая, цветущая женщина. Я пролепетала: «Тетенька, пустите меня — я очень боюсь обстрела».

В комнате была еще одна женщина. Накрыт стол, на столе забытая мной давно еда. Я села в уголке и старалась не смотреть на стол. По лицам хозяек было видно, что мое присутствие нехстати. «Скорей бы кончился обстрел и скорей бы выбраться отсюда». Выбралась, а через неделю я проходила мимо этого же дома и увидела страшную картину — вся наружная стена первого этажа вырвана снарядами. Это была та самая квартира, где я спасалась несколько дней назад. Тогда я еще не знала, что есть стороны улиц, более опасные во время обстрелов. Вот так, день за днем, продолжалась наша блокадная жизнь.

Как-то к заводу подогнали вагоны с торфом, их надо было срочно разгрузить и отправить в район торфоразработок.

Пафосные слова парторга «Ребята, Родина вас не забудет!» прошли мимо ушей, а вот искренняя просьба мастера и начальника тронула. В их словах и глазах были и просьба, и сострадание: «Ребятки, помогите — заводу необходимо топливо, вагоны надо разгрузить срочно». Срочно — значит, сейчас же после работы (рабочий день заканчивался). Несколько часов мы со слезами выгружали торф и, вконец обессиленные, поплелись домой, а рано утром надо опять быть на рабочем месте.

А тем временем приближался январь 1943 года и с ним — первая, большая и общая радость!

18 января Ленинградский и Волховский фронты встретились и отвоевали небольшой проход на Большую землю.

В город пошли эшелоны с продовольствием, а на заводы — все необходимое для производства. Хлебные пайки прибавились, появилась надежда на дальнейшие улучшения.

Школьные

и заводские приключения

В начале февраля 1943 года наш отряд из семи девочек был приглашен в кабинет начальника Лебедева Бориса Ивановича. Завел он с нами беседу на неожиданную тему. Оказывается, при заводе организуется школа — школа рабочей молодежи. Сообщение начальника приняли в «штыки». Какая школа в феврале? Да еще мысли о еде не покидают ни на минуту — не до учебы тут!

Борис Иванович терпеливо и спокойно стал нас убеждать, что в школу надо все же пойти, нельзя же оставаться без образования, война в конце концов закончится, и надо уже сейчас продолжать прерванную учебу. Привел пример своего жизненного опыта: «Девочки, я ведь тоже в пятнадцать лет начал свою самостоятельную жизнь и выучился, работая при этом. Послушайте меня и пойдите в школу».

Мы, хоть и нехотя, все же пошли. До войны нам удалось окончить пять классов, и в феврале 1943-го нас зачислили в шестой. В школе было только два учителя по основным предметам: математи-

ке и русскому языку. По остальным предметам преподаватели появились позже, а по иностранному языку так и не появился даже в следующем учебном году. Свидетельство о семилетнем образовании выдали с прочерком по иностранному языку.

Учеба шла туго — не хотелось и не ображалось. Как-то учительница по математике, объяснив очередной урок, спросила: «Ребятки, вы поняли?» А у меня неожиданно вырвалось: «А мы есть хотим». Мысленно обругала себя и испугалась своей дерзости: «Ну, сейчас будет!» Но в ответ прозвучали неожиданные и ласковые слова: «Ниночка, я тоже ведь хочу есть». Стало стыдно тогда и стыдно до сих пор, когда вспоминаю этот эпизод и милую, добрую Серафиму Ефимовну — нашу математичку.

Выяснилось позже, что у нее была четырехлетняя дочка, и она всеми силами пыталась спасти ее, а это значит — отрывала от себя питание, что было заметно — вид у нее был крайне истощенный.

А в школу между тем на большую перемену стали привозить тушеные овощи и начали давать дополнительные талоны в столовую при заводе, куда мы ходили перед занятиями. Надо заметить, что при всей строгости к нам, подросткам, со стороны взрослых мы также ощущали и чувство сострадания, и желание смягчить это труднейшее положение, в котором оказались мы, ребяташки.

Спасибо им, я их часто вспоминаю! Среди них были не только добрые, но

и очень умные, увлеченные своей работой люди, подававшие этим нам пример. Взрослые подбадривали нас, шутили, а иногда за небольшие призы задавали шуточные загадки. Одну из них помню и сейчас: «Трое человек играли в шахматы, каждый сыграл по две партии. Сколько было сыграно партий?» Первому, кто сообразил, — приз.

Такие моменты скрашивали нашу не по-детски взрослую жизнь. Хотя мы продолжали голодать, мерзнуть и подставлять под ноги ящики, чтобы доставать при работе до станков, попадали волосами в крутящиеся части механизмов. Таких трагикомичных эпизодов хватало, но серьезных последствий все же было мало — выручали взрослые.

Я вот тоже попала своими пышными кудрями в арматурный сверловочный станок, подбежал мастер, выключил станок и, улыбаясь, заметил: «Ну вот, и плойки пропали». Стали повязывать платочки.

Со временем я перешла из ОТК и оказалась среди молодежи, работавшей на станках и в сборочных цехах. Расставание с моим первым в жизни начальником было не простым. На просьбу отпустить меня прозвучало строгое «нет». А мне ведь так хотелось делать что-то своими руками, а не проверять, что делают другие (этим в основном занимались взрослые женщины). А мне, девочке, конечно, было скучно. Но как это все объяснить строгому начальнику? Вместо объяснения потекли слезы, начальник сдался.

Спасибо ему, наши отношения остались теплыми. Он потом неоднократно подходил к моему новому месту работы и справлялся о моих успехах.

После прорыва блокады завод стал возвращаться к производству довоенной продукции (фото- и киноаппаратуры).

В киноцехе, где я работала, появился начальник — женщина с мужским характером, железной волей и редкой фамилией Войтасик. Звали ее Валентина Станиславовна. И одежда, и манеры делали ее очень похожей на мужчину: на ногах русские сапоги, на голове ушанка и мужская стрижка. Ее боялись все — и зрелые женщины, и мужчины, и мы, мелкота. Руководители такого типа были характерны для того времени — надо было восстанавливать малыми силами (женщины, подростки) довоенную промышленность.

Штурмовщина — явление того же времени: сборочные участки цехов первую половину месяца простаивали в ожидании поступления деталей для сборки, а потом приходилось работать, сутками не выходя из завода. Спали по очереди в красных уголках на столах. Менялись часто, так как столов было всего два, а рабочих намного больше.

Со сном боролись пением: среди нас были две девочки с хорошими голосами — они запевали, а остальные подхватывали, и получалось неплохо. В цеху разносились слова известных песен: «Катюша», «Синий платочек», забытая нынче «Ой, туманы мои, растуманы» и других дово-

енных и военных песен. Сон улетучивался, настроение поднималось.

Было и еще одно развлечение — танцы в заводском клубе по вечерам. Клуб этот почему-то назывался Культкомбинатом и находился на территории завода. Но туда работникам производственных цехов ходить запрещалось. Ходили туда люди из вспомогательных подразделений (бухгалтерия, отдел кадров и пр.) А мы бегали тайком. Я долго воздерживалась и, наконец, рискнула примкнуть к более смелым и... вляпалась. Засекла нас наша грозная начальница, случайно оказавшаяся на нашем пути и рявкнула: «Еще раз увижу — сожру с говном!»

Мало кого остановило это яркое предупреждение, продолжали бегать, но не надолго.

Наступило лето 1943 года — было тепло, светло, массовых смертей уже не было, но остались эти жуткие обстрелы, они мешали нам жить и гасили ощущение небольших летних радостей. И все же нам, подросткам, работавшим на заводах, подарили радость!

В Кавголово оборудовали базу отдыха, и целых две недели мы находились в полной тишине, без обстрелов и с усиленным питанием. Еще раз взрослые проявили заботу о нас, замученных и голодных. Мы там отдохнули и от работы, и от учебы, и от обстрелов. База находилась среди леса, а там — грибы, ягоды. Это действительно была радость! Грустно было возвращаться в город, где все так же было беспокойно и опасно.

Возвращение из эвакуации

Жизнь потекла по старому руслу. После прорыва блокады стали возвращаться из Казани эвакуированные работники завода. Они заметно отличались от нас и своим внешним видом, и взглядом, в котором не было такого хронического испуга и затравленности, как у нас.

Вернулся и наш брат Сергей из Свердловска, куда он был эвакуирован после ранения. В эвакуации он долго лежал в госпитале. Один осколок так и остался у него в теле до конца дней. После госпиталя ему надо было найти и жилье, и работу, а по вечерам продолжать учебу в местном Индустриальном институте.

Брат, как и все эвакуированные, рвался в Ленинград, но вернуться было можно только по вызову от предприятия или института, что и удалось брату после немалых усилий. Вызов он получил из Политехнического института. Вернувшись в город, продолжил учиться и успешно окончил этот институт. Таким образом, брату удалось выполнить мечту и пожелание нашего отца — но уже после его смерти. А ведь был момент, когда брат после семи классов наотрез отказывался учиться дальше. Папа, не долго думая, взял его с собой на работу, где брату целый день пришлось пробыть в котле, выполняя работу по заклепке, вальцовке. В конце рабочего дня брат выбрался из котла и сказал: «Папа, я пойду учиться». Воспитательный метод оказался эффективным.

До полного освобождения города от блокады оставалось еще полгода трудной, по существу, продолжающейся фронтальной жизни. Обстрелы летом 1943 года стали еще более ожесточенными. У многих вернувшихся из эвакуации работников завода не осталось жилья (оно было либо разрушено войной, либо занято другими). И руководство завода приняло решение выделить для вернувшихся из эвакуации временное жилье в помещении одного из пустых цехов.

Каждая семья отгораживала себе небольшую площадь. Вместо стенок по всему огромному цеху повисли простыни. Вот такое своеобразное общежитие появилось у нас на заводе. Опять же местные юмористы нашли этому точное название — «муравейник». Просуществовал «муравейник» много лет.

Сейчас трудно себе представить эту трагикомическую картину. Люди жили в условиях отсутствия в быту самого необходимого, но жили — появлялись новые семьи, рождались дети, и все продолжали жить в этих уголках с простынями вместо стенок. Со временем завод начал строительство жилых домов для расселения «муравейника», но все это происходило медленно, и когда наконец появился первый дом, то распределение жилья шло с таким потоком слез и обид! Нуждались все, а кому первому дать? Все это длилось долгих нескольких лет после окончания войны.

Это ведь сейчас дома пекут, как блины, а тогда в этой послевоенной разрухе

было не до жилья, возможности завода весьма ограничены. Процесс расселения «муравейника» был долгим и мучительным. Люди страдали, но жили и работали, восстанавливали город, завод возвращался к довоенной продукции.

В одном из последних домов, построенных заводом, получила комнату и наша старшая сестра Анна (Костромской проспект, 30, кв. 2). Такие дома получили наименование — сталинские.

Вернулась надежда

Осенью 1943 года заводская школа возобновила занятия, учителей стало больше и учеников тоже, но двойную нагрузку выдерживали не все, многие бросали занятия.

Два радостных события в начале 1943-го — прорыв блокады 18 января и разгром немцев под Сталинградом — вернули надежду на победу, утраченную зимой 1941-1942 года. Эта теплившаяся надежда помогала людям существовать в условиях фронтальной жизни города — с обстрелами, работой сутками, недостаточным питанием. Хотя массовых смертей уже не было, но организм был так истощен, что ощущение сытости еще длительное время не появлялось и после войны, желание есть не покидало нас.

В связи с этим вспоминается один забавный случай у меня на работе после войны. Произошел спор между моей подругой и приезжей после институтского распределения в наш город (приезжих из других городов, не прихваченных так

жестоко, как Ленинград, было много, надо было пополнять поредевшее население города, его к концу блокады насчитывалось всего пятьсот тысяч).

Вот такой диалог случился между подругой-блокадницей и приезжей:

— Ну, почему ты не стала учиться?

— Да я есть хотела!

— Так война-то закончилась и голод тоже!

— Да я хотела есть еще и в 1956 году!

Взрыв хохота! Хоть и смешно все это было, но это была правда. Есть хотелось, действительно, еще очень долго и постоянно.

В городе после войны открылись коммерческие продовольственные магазины, где можно было за большие деньги купить то, чего мы не видели с довоенных лет, и что, конечно, не входило в набор продовольственных карточек.

После каждой получки пройти мимо коммерческого магазина просто не было сил, мы там оставляли значительную часть зарплаты и покидали эти магазины с желанием еще поесть.

Так что права была моя подружка — есть хотелось еще очень долго.

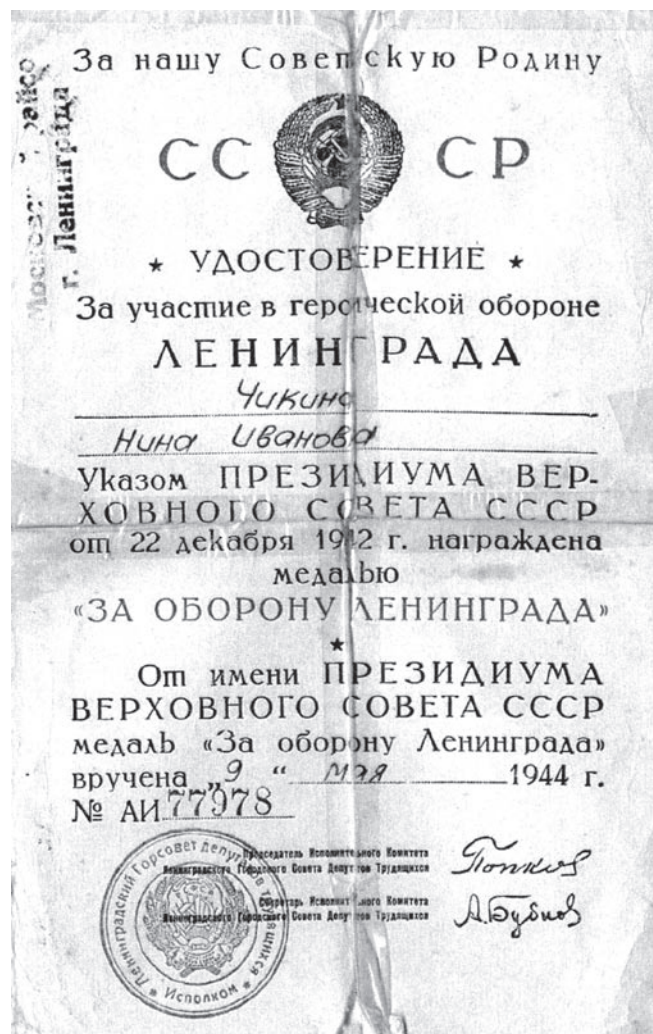
Блокада снята

Приближался 1944 год — год нашей Ленинградской победы, а 27 января стал нашим Днем Победы. За две недели до этого в городе стало тихо, обстрелы прекратились. Артиллерийская канонада сначала была слышна где-то рядом с городом, но постепенно стала удаляться и

вскоре совсем затихла, это был верный признак — немцев отгоняют от города.

И вот сообщение по радио — немцев отогнали на пятьдесят километров. Блокада снята!

Все выбежали на улицу, незнакомые между собой люди целуются, плачут, обнимаются. Небо горит от салюта — красота! Радость людская — безмерна!

Медальми «За оборону Ленинграда» были награждены обе мои сестры и мама, успевшая поработать в больнице при заводе «ГОМЗ»

И была эта радость даже большей, чем 9 мая 1945 года.

Так что 27 января — это действительно наша Ленинградская победа и наши горькие воспоминания о близких, умерших из-за куска хлеба.

Смерть от голода — это медленное угасание: угасают надежды, эмоции, появляется отрешенность. Так умирали наши близкие, так умирало большинство горожан. И слова о том, что «мы всегда верили в нашу победу», которые звучат нередко по радио и о которых пишут в газетах, — далеки от истины.

Да, в начале войны верили наши мальчишки, уходящие на фронт с надеждой воювать на чужой земле и не отдать ни пяди своей!

Верил наш брат Шурик, украсивший флажками линию фронта географической карты!

Верил дядя Коля, без устали повторявший: «Трудности временные — мы победим!».

Но все это ушло вместе с надеждой в тот страшный период вплоть до начала 1943 года, когда была прорвана блокада и одержана победа под Сталинградом. Но даже и тогда это была еще не уверенность в победе, а всего лишь надежда на нее.

Так что мы не герои и тем более не сверхгерои, мы всего лишь мученики — и те, кто умерли, и те, кто чудом остался жив.

Прав был Дмитрий Сергеевич Лихачев!

Сколько умерло? Толком никто не знает, либо знающие продолжают скрывать.

Вскоре после войны я была на открытии Пискаревского мемориала, там при входе был возложен памятный гранитный камень, где было высечено число погибших: 1 600 000. А через несколько лет, приведя туда своего сына, я была удивлена — цифра 1 была отсечена, а остальные цифры 600 000 — сохранены. Потом этот камень и вовсе убрали. И 1 600 000, и даже 600 000 — число пришедшееся, в основном, на период с осени 1941-го до лета 1942 года — ОГРОМНО!

Огромные жертвы мирного населения и огромная трагедия!

Известно, что у каждой трагедии есть причины и есть виновники, но стесняются рассуждать об этом официальные лица — велик масштаб трагедии. Легче произносить пафосные слова о героизме, о прозвучавшей в 1942 году Седьмой симфонии Шостаковича, о победе «Зенита» в том же 1942-м; о том, что некоторые школьники даже окончили десятый класс весной 1942 года, и что даже случилась Новогодняя елка в наступившем 1942-м.

Все это было, включая, видимо, и десятиклассников, и детей у елки. Но на каком фоне все это происходило? Кто был в Филармонии на прослушивании симфонии? Из кого создавалась победившая команда «Зенит»? О том, что кому-то удалось получить дипломы об окончании десятого класса и что где-то ставились елки

в 1942 году, нам, жившим тогда в городе, удивительно было узнать.

В нашем же районе одна из школ — это школа №30 (за кинотеатром «Гигант»). В ней закончил десятилетнее образование наш старший брат Сергей.

Так вот эта школа в мае — начале июня 1942 года позвала ребятшек из нашей округи не учиться, а на обед. Такой призыв поднял на ноги даже самых немощных. Придя туда, я увидела грустную картину: вся пришкольная площадка была заполнена ребяташками. Кто-то лежал на траве, кто-то еще медленно приближался, некоторые с палочкой. Это были не резвые, подвижные подростки, а маленькие старички и старушки с печальными потухшими глазами.

Из всех выделялась только одна девочка, красивая, румяная, даже с бантом в волосах.

В ней я узнала свою одноклассницу Веру Никитину. Первые три класса мы учились в одной школе, а затем оказались в разных. Но я ее единственную из всех узнала сразу. Подойти к ней не решилась, боясь испугать ее своим видом. Ей, наверно, тоже стало неуютно среди нас находиться. Она быстро ушла.

Ожидаемого обеда на всех не хватило. Видимо, организаторы не рассчитывали на такое количество пришедших.

Я желаю моим молодым родственникам — нынешним и будущим — одного: чтобы в их жизни не было потрясений, подобных Ленинградской блокаде. И, сопоставляя свои жизненные невзгоды с тем, что пережило их старшее поколение, надеюсь, они будут легче их переносить. И, возможно, кому-нибудь из них будет интересно узнать, как встретила войну типичная семья питерского рабочего.

* * *

*А вы, мои друзья последнего призыва!
 Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
 Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
 А крикнуть на весь мир все ваши имена!
 Да что там имена! Ведь все равно — вы с нами!..
 Все на колени, все! Багряный хлынул свет!
 И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
 Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.*

Анна Ахматова

Вспоминают ветераны

Память сердца

Ленинградский салют

*...И снова мир с восторгом слышит
салюта русского раскат.*

*О, это полной грудью дышит
освобожденный Ленинград!*

*...Мы помним осень, сорок первый,
прозрачный воздух тех ночей,
когда, как плети, часто, мерно
свистели бомбы палачей.*

*Но мы, смиряя страх и плач,
твердили, диким взрывам внемля:
— Ты проиграл войну, палач,
едва вступил на нашу землю!*

*А та зима... Ту зиму каждый
запечатлел в душе навек —
тот голод, тьму, ту злую жажду
на берегах застывших рек.*

*Кто жертв не предал дорогих
земле голодной ленинградской —
без бранных почестей, нагих,
в одной большой траншее братской?!*

*Но, позабыв, что значит плач,
твердили мы сквозь смерть и муку:
— Ты проиграл войну, палач,
едва занес на город руку!*

*Какой же правдой ныне стало,
какой грозой свершилось то,
что исступленною мечтой,
что бредом гордости казалось!*

*Так пусть же мир сегодня слышит
салюта русского раскат.*

*Да, это мстит, ликует, дышит!
Победоносный Ленинград!*

*Ольга Берггольц
27 января 1944 года*

Мое блокадное детство

АЛТУХОВА Валентина Михайловна

Наша семья была большая — шесть человек: мама — Анна Дмитриевна (1908 г.р.), папа — Михаил Игнатьевич (1903 г.р.), Нина (1931 г.р.), Вова (1932 г.р.), Валя — я (1933 г.р.) и Женя (1937 г.р.). Папа работал с 15 лет на Металлическом заводе им. Сталина, а мама была домохозяйкой. Жили мы в деревянном двухэтажном доме на улице Полетаева, 7, кв. 35 (было три дома под №7) и занимали в коммунальной квартире 14 квадратных метров. Жили мы бедно — булку с маслом ели по большим праздникам.

От прошлого осталось здание на углу улицы Жукова и Феодосийской улицы — это здание детского сада завода им. Сталина, здание школы (сейчас там какая-то академия) и несколько деревьев, которые сажали рабочие завода (мой папа тоже). В школу в 1941 году мне ходить не пришлось. Началась война. Я очень хорошо помню ее начало. Жители всех трех домов вышли на улицу и слушали репродуктор. Радио и радиоприемники тогда были роскошью в наших домах. Слушая, люди плакали.

В июле 1941 года многих детей отправили в эвакуацию — станция «Хвойная».

Нас, детей, распределили по деревням. Но в эвакуации мы были недолго. Немец нас бомбил. Мама очень беспокоилась. Она нас разыскала — мы все были в разных деревнях и увезла в Ленинград. Говорили, что оставшихся детей тоже эвакуировали, но какой-то состав с детьми разбомбили и многие погибли. Мама наша была очень небольшого роста и очень худенькая,

но она выдерживала все невзгоды. Очень хорошо помню дядю Павла (1914 г.р.). Он с нами прощался, уходя на фронт и так и не вернулся — погиб от ран 4 апреля 1942 года в деревне Кузино Новгородской области. Очень долго мы не знали, что с ним. Только в 2010 году моя внучка нашла место его гибели по Интернету.

Перед началом блокады мамин брат, дядя Коля, предложил нам эвакуироваться с его семьей, но мама отказалась — кому нужна такая орава ртов. Дядя Коля был военный летчик, орденосец.

Помню страшный обстрел, ведь мы жили по соседству с заводом им. Сталина, который работал на оборону страны. Бомбоубежища у нас не было — дома-то все деревянные, кроме дома №9 и прачечной. Немец не жалел снарядов и бомб. Пока ходили трамваи — мы ездили ноче-

вать на Пушкинскую улицу, 9, кв. 20, где жила мамина тетя. Помню, доехав до улицы Михайлова, мы попали под обстрел и бомбежку. Горел дом (угол улиц Михайлова и Комсомола) в него попала бомба. Теперь там сквер. Было очень страшно. Нас всех загоняли в бомбоубежище (сейчас там магазин тканей). Тогда я впервые увидела раненого маленького мальчика (его принесли в бомбоубежище). Кончился обстрел, и мы пешком пошли через Литейный мост. Провода были оборваны, валялись люди.

Папу в армию взяли поздно. Он уже был дистрофик.

Есть было нечего. Мама несколько раз ходила на Бадаевские склады и приносила землю. Мы ее ели. Было вкусно.

Помню блокадную елку. Собрали всех школьников. Елка была на Лабораторной улице (Покровское училище — так называли). Нам велели взять с собой посуду. Мы втроем: Нина, Вова и я — взяли с собой металлические миски. В зале было темно, кое-где горели свечи. Нам дали обед. Первое мы съели, а второе и хлеб уложили в миску, положив на дно сумки, а наверх — пустые миски. И правильно сделали! На Кондратьевском у нас сумку пытались отнять мальчишки. Вовочка потряс сумкой, сказав, что там пустая посуда. Мы очень испугались — дома нас ждали голодные мама и Женя. Мы никогда ничего не съедали одни, всегда все делили на всех.

Дом, в котором мы жили, быстро опустел. Люди жили только в трех квартирах.

Наша семья из пяти человек, в соседней квартире — тетя Оля Рощенко и на первом этаже — дядя Коля Калинин. Он уже не мог ходить. Мама варила ему черные макароны — они не разваривались, дядя Коля выпивал прозрачную жидкость и просил снова варить макароны. Перед смертью он у мамы просил прощения за съеденного нашего кота Барсика.

Тетя Оля работала в больнице медицинской сестрой. Продукты давали нерегулярно. Магазин, к которому были прикреплены наши карточки, находился на Свердловской набережной. Мы постоянно топили буржуйку. На ней кипятили воду из растопленного снега и подогревали пайки хлеба. Когда не было хлеба, Нина ходила через Неву к Смольному. Там в булочной давали вместо хлеба муку. Эта булочная на Суворовском существует и сейчас. Мама была очень плоха, у нее был кровавый понос. Нина стала у нас за старшую. Женя перестала говорить. Вова весь распух и не мог ходить, только ползал. Дрова из сарая у нас украли, сломав заднюю стенку. Я и Нина еле ходили. Есть было нечего. Пили только воду. На улицу ходить было страшно — на крыльце дома сидела замерзшая соседка, у прачечной лежал мертвый мальчик — до войны его звали Толстый-Жирный.

Особенно было плохо в начале марта 1942 года. Хлеба не было несколько дней. Вова совсем ослаб. 13 марта он всю ночь бредил, прося шесть кусочков хлеба. Пришла тетя Оля, сказала, что Вова умер. Дедушка был тоже плох. Он все

время плел сеть, говоря, что весной будет ловить рыбу и будет легче. Когда дедушка узнал о смерти Вовы, то попросил без него Вову не хоронить. 20 марта умер и дедушка. Все это время Вова лежал на кухне, на столе. Гробы сколотили сами из досок и 26 марта мама, Нина и мамина мачеха повезли гробы на Георгиевское кладбище. Могилу вырыли за талоны на хлеб — дневную норму.

Весной ходили на Неву за водой. Ледоход приносил на льдинах трупы. Было страшно. На бомбежки мы не обращали внимания — мы к ним привыкли.

Баня не работала. Мама нас обмывала водой из растопленного снега. Она была очень аккуратная, до войны даже получила грамоту за чистоту, но вши были у всех. Женя думала, что ест крошки, а это были вши.

Летом открылся детсад Металлического завода. Нас туда взяли на короткое время. Там кормили. Потом нас определили в школу. Были и занятия в классах, но в основном мы собирали траву на полях. Ведь есть было нечего, паек был маленький. Мама работала в нашей школе уборщицей. В школе из шкафчика у нее украли ее карточку и паспорт — наши карточки она успела сдать в столовую. Мы маме приносили еду, хотя нам не разрешали этого делать. Мне, как дистрофику, врач выписал соевое молоко — стакан в день (молоко давали нерегулярно). Я умудрялась носить его домой для всех. Хотя все сестры были дистрофиками, но врач давал справку только на одного ребенка.

В июле-августе 1942 года наш дом сломали, и мы остались на улице. Спали в лоханях в прачечной. Так мы жили около месяца, на костре пекли лепешки из травы. В конце августа нам дали ордер на комнату на Гончарной улице, 23, 37а на первом этаже. Остатки наших вещей перевезли на машине за пару мужских носков — денег у нас не было. Пособие было 150 рублей на всех детей. На Гончарной в квартире жили еще две семьи — нас было уже семь человек детей. В школу мы не ходили. Немец бомбил и обстреливал, ведь рядом были Московский вокзал и пожарная часть.

Мама устроилась на работу в Институт переливания крови на 2-й Советской улице, 16 — стирала белье вручную. Ей дали рабочую карточку. Мама могла стирать и наше белье. Зарплата у нее была 190 рублей в месяц. Откуда у мамы брались силы, я не знаю. Вытаскивая белье палкой из котла, где его кипятили, мама обварилась, но продолжала работать. От голода у нее пошли фурункулы по всему телу — 46 штук. Она продолжала работать. В институте начальником была известный врач Любовь Григорьевна Богомолова. Она ко всем относилась очень хорошо и помогала, как могла. Маме был отдан теплый шерстяной халат из сукна (до войны больные в них гуляли). Мама сшила нам пальто, мы по очереди с Ниной его надевали, когда в 1943 году пошли в школу.

Целый год мы не могли платить за квартиру — не было денег. Институт за должность погасил. На Гончарной улице, 1 была столовая усиленного питания.

Туда принимали только одну справку. Приемщица пошла маме навстречу и взяла все три наши карточки. Это был январь 1943 года. В день прорыва блокады нам показалось, что блюда с едой были больше.

В день прорыва блокады мы не спали всю ночь. Была сильная канонада. Радио мы не выключали, слушали хорошие детские передачи и отбой воздушной тревоги.

В блокаду работал Кузнечный рынок. Там было все, но деньги были не у всех. Свекла кормовая горячая стоила 500 рублей за килограмм.

За папино пальто дали буханку хлеба, маму и меня повели по каким-то коридорам и этажам дома (у Кузнечного рынка).

В комнате были стеллажи с хлебом, а нам дали только одну буханку. Все, что можно было поменять на еду — мама поменяла. Все равно хотелось есть. Иногда в помойках пожарной части мы находили очистки от картошки, запекали ее в печке-чугунке, было очень вкусно.

Хотя блокада была прорвана, но с продуктами было плохо. Всегда хотелось есть. У Нины был сильный голодный обморок. Она даже посинела. Только запах пищи привел ее в чувство.

Обуви не было. Бабушка Нюра намшила тапки, и мы в них ходили по улице.

Летом, когда шли сильные дожди, дождь заливал нас на первом этаже. Дом был трехэтажный. Стены от сыро-

сти вспучились. Подвала в нашем доме не было. До революции, говорят, здесь были гаражи.

Осенью 1943 года я и Нина пошли в школу №169 на Полтавской улице. Женя целыми днями сидела у мамы на работе.

Надо сказать, во время блокады о детях заботились. В школе нас кормили обедом. Часть талонов на питание оставалась дома в семье.

Во время обстрела из школы нас уводили в бомбоубежище, находящееся на Тележной улице. Немец обстреливал город с утра до вечера. В нашем первом классе было 42 человека. Я относилась к переросткам. Нас таких было несколько человек. В классах имелись печки, и после занятий мы часто пилили дрова.

В январе 1944 года перед снятием блокады в квартирах нашего дома были размещены солдаты. Они в нашей квартире готовили на плите себе пищу, спали на полу и на плите. Когда мы приходили из школы, солдаты нас подкармливали, хотя сами не были сыты. Но это было не долго. Они уходили на фронт, который был еще близко от города. В нашей квартире останавливались и врачи. Как-то раз они нас угостили шоколадом — им его давали, чтобы не спать. С одним хирургом я даже переписывалась какое-то время. Это был Молчанов Василий Иванович.

Очень хорошо помню день полного снятия блокады. Была сильная канонада, небо было красным от выстрелов со стороны Боткинских барачков. Са-

лют был красочный, народу много, все плакали.

Работая в Институте переливания крови, мама стала донором. За сданную кровь полагался хороший обед и паек с продуктами. Это очень поддерживало семью. Были случаи, когда мама сдавала кровь два раза в месяц по 400 грамм.

Летом 1944 года от Медсантруда нас отправили в оздоровительный лагерь на Кировские острова. Нас там обследовали врачи, кормили. Я любила гулять у дуба Петра I (Великого).

Немец продолжал обстреливать город из дальноточных орудий. В лагере мы узнали, что снаряд попал в дом на Гончарной улице. Мы приехали на трамвае №12 — он ходил по Невскому проспекту, оказалось, что снаряд попал в дом напротив нашего дома.

Радио мы не выключали ни днем, ни ночью. Слушали новости, письма с фронта. Репортажи Лазаря Маграчева.

Все чаще стали приходиться письма от папы. О скором окончании войны дети в школе говорили с начала весны. Мы радовались и ждали, когда это объявят официально. И вот этот день настал! Погода была солнечной и ветреной. Город ликовал! Мама дала нам по 10 рублей на мороженое. Вечером был салют. Такого салюта после войны не было. Площадь Восстания и Невский проспект были заполнены людьми. Все смеялись, радовались и плакали.

Папа вернулся с фронта в декабре 1945 года.

Что я помню о блокаде

БОЧАРОВА Нина Георгиевна

Когда началась война мне было три года девять месяцев, поэтому в памяти осталось немного.

Помню очень хотелось есть, было холодно и страшно. Самое страшное — это вой сирен и бомбежки. Мы жили рядом с Бадаевскими складами. После того как их разбомбили, на улицах было много крыс. Ударной волной у нас вынесло оконную раму через дверь в коридор.

Папа воевал в Псковской области, с войны не вернулся.

Мама до войны работала в трамвайно-троллейбусном управлении ревизором движения трамваев. Во время блокады транспорт не работал, поэтому все, кто мог, убирали город. Подбирали трупы на улицах и увозили на Пискаревское кладбище. Очень много народу погибло от голода и холода. Многие, обессилив, не могли вынести трупы родных на улицу и выбрасывали прямо в окна. Мама говорила, что однажды на нее чуть не упал труп. Всех просили ходить подальше от окон. При таких ужасных условиях в го-

роде не было эпидемий. Ленинградцы — молодцы!

У нас был очень хороший управдом, он не воевал, так как был инвалидом. Он оборудовал в подвале бомбоубежище, куда при первом сигнале бежали все, кто был дома.

Еще помню, как бабушка везла меня на санках к Варшавскому вокзалу, где она покупала мороженную картошку (за семейное серебро и золото — это мне сказали потом).

Часто ходили туда, где были Бадаевские склады и подбирали, что было возможно, даже соленую и сладкую землю.

У нас в коммунальной квартире было семь комнат. Помню, как все вместе на кухне отмечали день Победы. И еще помню салют.

Раньше люди были добрее, общались, помогали безвозмездно друг другу.

А я до сих пор стараюсь всех накормить: людей, животных, птиц, не могу выбросить хлеб и не могу пройти мимо, если вижу, что человеку плохо.

Детский сад стал для меня вторым домом

177

ВИНОГРАДОВА (Еренева) Людмила Федоровна

Я, Виноградова (Еренева) Людмила Федоровна, родилась 28 июня 1938 года в городе Ленинграде. Счастливых три года жила на улице Салтыкова-Щедрина, 25, кв. 1. Мама — Александра Петровна воспитывала меня, а папа работал на заводе «Арсенал», выполняя заказы страны.

Начало войны! Все резко меняется! Я почти не вижу своего отца Федора Яковлевича. Приходя домой, он чем-то делится с нами, а сам все время худеет! А в марте 1942 года, придя с работы, умирает дома. Похоронен на Охтинском кладбище.

Мама сказала, что надо жить и работать! Она устроилась на работу тоже на завод «Арсенал» уборщицей, а меня определила в детский сад при этом заводе.

Я помню, как мы с мамой возили на санках в детской ванночке воду, которую набирали из проруби в реке Неве.

Помню, как мы шли по льду Невы, чтобы поскорее дойти до завода «Арсенал» и детского сада на Арсенальной улице. Для матери завод стал родным — она отработала на нем до 1958 года, к сожалению, получив инвалидность.

Память сердца

Детский сад для меня стал вторым домом. Хорошие дети, игрушки какие-то и очень вкусный картофельный суп, кусочек хлеба и крошечки от него. Очень вкусная была «дуранда», которую я иногда ела дома.

Дома мы бывали редко. Однажды, придя домой, мы обнаружили в квартире разбитое окно, осколки снаряда на полу

и любимый будильник под кроватью. Но дом уцелел!

В родном городе мы прожили все годы войны. Победу праздновали все! Были радость, ликование и очень вкусные лепешки из очисток картошки.

Еще помню пленных немцев, которых по улице Салтыкова-Щедрина водили на работу.

В оккупации

ГОРДИЕНКО Евгений Андреевич

Через три недели после начала войны мне исполнилось тринадцать лет. 22 июня помню очень хорошо. Из выступления Молотова по радио я слышал только последние слова: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Мы с мамой и шестилетним братом жили на Сортировке, железнодорожном поселке на окраине г. Харькова.

Начало войны население встретило хоть и тревожно, но с уверенностью, что «враг вскоре будет разбит и на его терри-

тории». Так вначале вещали радио и газеты.

Однако фронт неумолимо и довольно быстро приближался, и уже в августе была первая бомбардировка танкоремонтного завода, находившегося рядом с нашим поселком. Потом бомбардировки стали привычным явлением. Бомбили обычно ночью. В середине октября уже был слышен грохот приближающегося фронта. Стало ясно: скоро фашисты захватят и наш город.

25 октября наши войска оставили Харьков. Через три дня мы увидели первых немцев. Они пришли отстреливать кур, отбирали у населения любую живность. Также отстреливали всех собак, чтобы не мешали им грабить.

В эти три дня междувластия имела место так называемая «грабировка». Конечно, никто никого не грабил, просто население растаскивало все, что осталось в магазинах, на складах, на предприятиях. Более сообразительные таскали домой зерно, кукурузу и другое продовольствие. В железнодорожном товарном вагоне были оставлены необработанные, с волосами, говяжьих шкуры. Мне удалось дотащить две такие шкуры домой. Позже они стали несравненным лакомством. На совхозных полях остались неубранными морковь, свекла, картошка. Эти овощи население добывало даже тогда, когда землю припорошило снегом.

Вскоре немцы стали проводить облавы и гонять людей на работы. Не только взрослых, но и детей. В Германии железнодорожная колея сантиметров на двадцать уже. Вот они и меняли везде колею. Я часто попадал на эти работы.

В январе-феврале «награбленные» продукты питания закончились. Совхозные овощи тоже. Магазинов нет. Деньги наши ходили, однако на рынке за них ничего не купить. Цены на продовольствие бешеные. Горожане, чтобы выжить, потянулись в деревни. Менять вещи на продукты. Пошло всё: одежда, белье, посуда и т.д. Скоро всё вынесли,

осталось только то, что на себе, и крайне необходимое.

По сравнению с городом нам казалось, что в деревне живут как в раю. Ведь они собрали обычный урожай, и у них с питанием нет проблем.

У нас ходила такая песенка (в переводе с украинского):

*На селе «культура» расцветает,
Драповую юбку носит.
Привезти пианино просит
За два пуда прелого зерна.*

Поздней осенью 1941 года прошел слух, что будет открыта школа. Многие окна в школе были разбиты, во время «грабировки» кое-что из оборудования было унесено. Школьники, в том числе и я, принялись за ремонт. Проемы с разбитыми стеклами мы закладывали кирпичом.

Наконец, в начале февраля 1942 года — первый день занятий. Открыл его бывший завуч, теперь он стал директором, словами: «Во всем мире люди верят в Бога, и только большевики, такие умники, не верят в Бога. Сейчас на доске напишем «Отче наш», вы его до завтра выучите. И теперь каждый день занятий мы будем начинать на коленях с молитвы».

«Отче наш» я учить не стал и в школу больше не пошел, хотя очень хотелось учиться. Все предыдущие пять классов я заканчивал с похвальными грамотами. Мы с первых лет учебы воспитывались атеистами и патриотами своей страны.

Мама меня не упрекнула за отказ от такой школы. Она тоже была патриотом.

Вместо учебы мы с мамой пошли менять. Никакого транспорта не существовало. В первый день надо было пройти 40 километров вдоль железной дороги до станции «Казачья Лопань». Последние километры еле переставляли ноги. Шли весь день. На второй день еще 35 километров. Это была первая тренировка.

Весной и позже этот маршрут мне приходилось повторять беспрерывно. Самыми голодными были март и апрель 1942 года — до появления травы. Люди умирали от голода, так как все вещи отнесли в деревню. Таким образом, появился новый вариант обмена. Соль. На рынке в городе покупали соль и несли ее в деревню. Там ее меняли. За стакан соли — два, три и даже четыре стакана зерна. Чем дальше от города и в сторону от железной дороги, тем выгоднее обмен. Возвращаемся в город и на рынке обмен: за стакан зерна стакан соли. И снова в путь.

Полиции. Это самое отвратительное, что осталось в памяти с войны. Туда шли самые подонки, отморозки, для которых не было ничего святого. Они сами по себе были сволочами, а тут еще надо было выслужиться перед немцами, доказать им свою преданность. Они к населению относились намного хуже, чем рядовые немецкие солдаты. Для моего поколения переименование милиции в полицию неприемлемо. Сразу всплывают в памяти эти подонки.

Немцы. Разные. В половине нашего поселка были расквартированы эсэсовцы, а в нашей половине — шоферы транспортных автомашин.

Эсэсовцы вели себя нагло, издевались над населением. Напьются, маршируют по улицам и горланят песни. Бьют дубинками по рамам окон, а то и бросают в окно дымящиеся шашки в виде гранаты. Пугают насмерть детей и женщин.

Шоферы вели себя нейтрально, спокойно. Как правило, людей не обижали. Более того, один из них, Фриц Майер, был расквартирован у нас. Когда второго немца дома не было, он общался с нами. Я год в школе в пятом классе учил немецкий язык, с трудом мы понимали друг друга. Он говорил, что был социал-демократом и что Питер дурак. Потихоньку пел с нами «Интернационал». Мы на русском, он на немецком. И когда однажды поздно вечером была облава, а ее, как правило, проводили полиция под руководством гестаповцев, Фриц затолкал меня под свою кровать, а сам на нее сел, свесив ноги. Полицай зашел, увидел немца и ретировался. Двое моих сверстников, схваченных в ту ночь, были угнаны в Германию. Там и пропали.

Однажды в феврале 1943 года удалось воспользоваться немецким транспортом. Дошли сведения, что ночью в товарном вагоне за одно яйцо можно доехать далеко от Харькова. Где яйцо взять? Кур немца перестреляли в первый же месяц оккупации. Не помню где, но яйцо я достал. Наверное, там были немые куры. В вагон

зашел немец с корзиной, в которую каждый клал свой «билет». После этого он снаружи закрывал вагон на засов. Где-то другой немец вагон должен был открыть. Вагон был плотно набит пассажирами. Ехали стоя, присесть было невозможно. Нам не повезло. Около двух часов ночи состав остановился на станции Солнцево. Это недалеко от знаменитой Прохоровки. Но вместо немца вагон открыли полицаи и сразу же начали отнимать у людей соль. Ночь была абсолютно темная, и было много снега. Люди начали разбегаться, а полицаи — стрелять по ним. Мы с другом нырнули в снег и, как кроты, что было сил — в сторону от состава. Когда все стихло, в одной их хаток досидели до утра. Утром вышли и к вечеру прошагали более 40 километров. И там променяли соль: стакан за три стакана зерна. Удачно! Вернулись в Солнцево. Ждали обратного случайного состава. Был лютый мороз.

На обратном пути уже почти у города немцы сняли нас с состава. Велели оставить пожитки в складском помещении и погнали чистить железнодорожные пути от снега. С раннего утра до поздней ночи ни попить, ни поесть не было возможности. Часов около одиннадцати ночи нам вернули пожитки и отпустили. В этот день я отморозил себе пальцы на ногах.

В марте наши освободили Харьков. После Сталинграда немцы спешно, но тихо, без выстрелов, отступали, а наши войска за ними гнались. Наши тылы отстояли.

Снег тает, лужи. А наши солдаты в валенках, никакой техники, ни машин, ни артиллерии, на танков мы не видели. Освобожденным Харьков пробыл около месяца.

Затем Гитлер бросил на Харьков три дивизии СС, и фронт покатился обратно. На всех улицах мы построили мощные баррикады, но они не пригодились.

Грохот от наступающих немцев кругом стоял колоссальный. Я схватил котомку, мама кинула туда чего-то съестного, и я побежал, чтобы вырваться из окружения. Куда бежать, не знаю. Увидел выходящего из леса раненого нашего солдата. Весь в крови. Спрашиваю: «Дядя, куда бежать, чтобы вырваться от немцев?». «Сам не знаю, сынок». Целый день я метался, потом стали говорить, что Харьков окружен. Вернулся домой.

Когда эсэсовцы входили в поселок, мы вначале прятались в погребах. Потом быстро распространился слух, что они приподнимают крышку, бросают в погреб гранату и крышку закрывают. Люди стали сидеть и лежать на полу. Я увидел эсэсовца, прибирающегося огородами к нашему дому. Это был огромный детина, обвешанный оружием. Пистолетом приоткрывал дверцы шкафа, заглядывал под кровати и приговаривал «большевик, большевик». Ушел.

Начался второй этап оккупации. После освобождения Белгорода и приближения фронта к Харькову немцы, а еще более полицаи, стали звереть. Участились облавы.

Мы с другом стали прятаться в лесу. Наш поселок примыкал прямо к лесу. Сделали из кленовых веток шалаш и там проводили весь день. Ночью приходили домой за пропитанием.

В один из последних дней июля, когда мы были заняты разговорами, в нашу «дверь» показалось дуло винтовки, и голос лесника: «А ну-ка, хлопцы, вылазьте». Это был лесник Волков, который верно служил немцам. Привел нас в поселок. Там таких, как мы, под охраной уже было человек пятнадцать. Повели нас в центр города. Где было уже набито такими отловленными несколько крытых машин. Затолкали и нас. Снаружи немец с автоматом. Повезли. Куда, зачем — не знаем. Ехали долго. Наконец спустились в какой-то огромный котлован. Оказалось, что одна машина была с женщинами и малолетними (3-5 лет) детьми. Разместили нас в полуземлянках длиной метров 50. Каждому для сна около полуметра. Кормили какой-то баландой. Мутная водичка и ничего в ней не плавает. Голод страшный.

Поделили нас по десять человек и под дулом автомата повели на работу — строить блиндажи. Фронт грохочет, наши близко, а мы строим немцам блиндажи. Трудно, даже невозможно, передать состояние души: мерзко, обидно.

На пятые сутки нашего пребывания ночью мы услышали гул нашего самолета. Мы легко отличали этот звук от немецкого. И вдруг он стал нас бомбить. Весь барак как по команде закричал: «Ура!».

В барак заскочил поляк, который охранял вход, и дал очередь из автомата. Поляки носили такую же, как немцы, форму, но относились к нам намного хуже. К сожалению, в первую ночь никого из немцев не убили.

На следующую ночь на рассвете опять услышали наш самолет и галдеж немцев. Я выглянул наружу и не увидел поляка. «Ленька, бежим!» Выскочили. Из котлована надо вверх, через кустарник. А сил нет. Наконец, вырвались наверх. Я думал, что мы самые умные, оказалось, что с других барачков тоже бегут. Только добежали до шоссе, а тут несется автомашина с комендантом и автоматчиками. Машина помчалась к первым, а мы пересекли шоссе, упали в бурьян (он высокий) и на животе, что было сил, уползли от шоссе. Автоматчики начали наугад стрелять по бурьяну. Пули свистели близко, но нас не задело. Метров через 150 от дороги оказалась небольшая делянка с кукурузой. Там мы отдышались. Переждали, пока все стихло. Целый день шли к городу параллельно с шоссе.

Подшли к пригороду. Не немца боялись встретить, а полиция. Обошлось. По Сумской, главной улице Харькова, непрерывной колонной отступали немецкие воска. На нас никто не обращал внимания. С трудом удалось пересечь колонну. На Сортировку добрался затемно. Домой не пошел. Остановился у родственницы, а она побежала к маме. Со слезами радости примчалась мама. Нас уже «похоронили». Оказалось, в поселке

все тихо. Полицаи слиняли. Немцев почти не видно — им не до нас.

Утром у себя на огороде я выкопал около сарая одноместный блиндаж. Из него в сарай прорыл тоннель, выход из которого мама заложила мелкими дровами. На пятый день фронт вплотную подошел к нашему поселку и остановился по другую сторону река Лопань на двенадцать дней. За эти дни мы видели только одного немца. И тот искал еды. Многие погибли во время артиллерийского обстрела, в том числе три моих одноклассницы. Одну из них в перерыве между артобстрелами я хоронил прямо на огороде.

23 августа 1943 года Харьков был окончательно освобожден от оккупантов.

Ликование народа не описать! Ведь люди освободились не только от физических страданий — очень высок был моральный гнет.

Думаю, неоправданной в анкетах была графа «Был ли в оккупации» и то, что человек, который в ней был, считался не вполне полноценным, как бы второго сорта. Разве я, тринадцатилетний, виноват был, что меня оставили в оккупации? А мой шестилетний брат? Он тоже заполнял эту графу в анкете.

Филатова Валерия «Война. Блокада. Ленинград». ГОУ СОШ №71, 2-й класс

ГРИГОРЬЯН София Фасяковна

Наш отец, Гайфудинов Фасяк Гайфудинович, родился 4 июня 1894 года.

После мобилизации (революция, гражданская война) был направлен в органы милиции, где прослужил с февраля 1922-го по май 1942 года.

Служил отец в 20-м отделении милиции, которое находилось недалеко от нашего дома (мы жили в доме №13 по улице Комсомола).

20-е отделение милиции запомнилось мне Новогодними елками, которые устраивались для детей сотрудников отделения. Потом отделение переехало на проспект Энгельса. Наш дом был всегда гостеприимным, у нас часто бывали друзья отца со своими детьми.

Папа был награжден ручными часами, помню газету с похвальной статьей о нем.

В июне 1941 года я впервые поехала в пионерский лагерь. Пробыла там несколько дней и вернулась в Ленинград.

Началась война.

С первых ее дней вся милиция была на казарменном положении, без права отлучаться. Отца мы больше не видели.

Мама работала на окопах, возвращалась поздно вечером. Нас было четверо детей. Младшей сестре был всего годик. В ноябре 1941-го начались «черные дни». Остановился весь транспорт; не было электричества, воды, не работала канализация.

Норма хлеба: 125 граммов детям, иждивенцам, служащим и МОП; 250 грам-

мов получали рабочие. Наступила очень холодная зима. Не было дров. В ноябре жители города начали массово умирать. Мужчины — первые.

На мамины плечи легла вся тяжесть процедуры оформления умерших родных.

В апреле 1942 года отца под руки привели два молодых милиционера. Сам он от голода идти не мог. К этому времени семерых родственников не стало. Через несколько дней такие же молодые милиционеры отвели отца в больницу.

11 мая 1942 года я пришла в больницу и увидела на кровати, где лежал отец, другого мужчину. Папы не стало. Ему было 47 лет. Когда умер отец, мне было 12 лет (я родилась 11 декабря 1928 года).

Дети блокадного Ленинграда быстро выросли. Я обратила внимание и была очень удивлена, увидев здоровых и крепких милиционеров. Они очень выделялись в среде ленинградцев, погибающих от голода. Спустя много лет, я услышала по радио в одной из передач, посвященных блокаде, что эти молодые ребята были присланы в Ленинград из Вологодчины на смену погибшим милиционерам.

По сей день я благодарна этим молодым парням из Вологодского края. Благодаря этим ребятам, мы несколько дней видели папу.

Вспоминаю, как функционировала милиция в довоенные годы. Милицейские посты работали круглосуточно почти на каждом перекрестке. После 21 часа

детям нельзя было находиться на улице, за этим строго следили участковые. На нашем участке работал участковый Торлопов.

Наши отцы беззаветно служили своей стране, делили с народом все трудно-

сти послереволюционных лет, защищали и умирали в блокадном городе вместе со всеми жителями. Работники милиции, военнослужащие Красной Армии (впоследствии Советской) среди народа пользовались заслуженным уважением.

Суровезина Александра «Блокадный город». Школа №72, 7-й класс

ДАНЦИГ (Чернышёва) Надежда Григорьевна

Я хочу найти такие слова, чтобы дошли до самого сердца, чтобы взволновали так, как волнуемся и бодем за самых близких и родных нам людей. А в годы войны ленинградцы — старые и молодые, взрослые и дети — были близкими и дорогими для всех советских людей. За их судьбой с тревогой и волнением сле-

дили все на Большой земле. Я не воевала, не рыла окопы, не гасила фугасные бомбы, не ухаживала за ранеными. Я просто очевидец, свидетель мужества, стойкости, выносливости, бодрости духа, уверенности в победе знакомых и близких мне людей. Это мои мама и сестра, которые, как все ленинградцы, рыли окопы, дежурили на крышах, разбирали горящие Бадаевские склады. Их мужество и стойкость передавалась нам, детям.

22 июня 1941 года мы с папой были в ЦПКиО. И вдруг — война.

Детство закончилось, беззаботное и радостное. Пришлось расстаться с мечтой о пионерском лагере. Мир стал сужаться, вначале до пределов улицы, потом двора, потом комнаты, потом дивана. Блокада, холод, голод и в довершение — цинга. Она стала моим врагом №2. Первый враг — это фашисты, лишившие нас

детства. Мы, дети, привыкали ко всему — к бомбежкам, обстрелам. Но к голоду привыкнуть невозможно. Это состояние еще долго сопровождало меня и в мирной послевоенной жизни. Я все время хотела есть, и за всю свою последующую жизнь я не смогла выбросить ни кусочка хлеба, ни другой еды. Я вспоминаю, как мы с соседом

Витей, мальчиком младше меня, вытряхивали на белый лист бумаги мешочки, в которых когда-то была крупа, и крупинки честно делили между собой. Потом ели сандалии, разрезали их на узкие полоски. А хлеб мама делила на маленькие кусочки и прятала, чтобы мы сразу не съели. Умер Витя, я оставалась днем одна, было страшно, одиноко, холодно. Ходить не могла, отнялись левая нога и рука. Во рту распухшие десны прикрыли зубы. Чтобы что-то взять в рот и разжевать, надо было оторвать кусок десны. Все это кровоточило, и было очень больно. Сил не осталось совсем. Я часто лежала без движения и молчала. Вдруг я посмотрела на потолок и увидела крысу, которая смотрела на меня, не мигая чёрными глазами-бусинками. Я знала, что крысы нападали на полуживых умирающих людей. Тогда я, преодолевая страх

и ужас, стала говорить вслух, разговаривать, махать одной рукой, чтобы крыса видела, что я еще жива.

Еще врезалось мне в память одно страшное событие. Наш дом №5 на улице Желябова был предпоследний. И однажды раздался страшный грохот, все заволкло дымом. Из окна посыпались осколки. Я поняла, что в соседний дом №3 попала фугасная бомба. Раздавались нечеловеческие крики. Мне стало страшно, и я заплакала.

Как-то вечером я услышала разговор соседки с мамой. Она советовала маме, видя, как я давно лежу без движения, завернуть меня в простыню и вынести во двор. Во многих ленинградских дворах были определенные места, куда складывали покойников, когда не было сил везти их на кладбище. Когда я ходила, сама

это видела. На следующее утро мама отвезла меня, большую девочку, в коляске для младенцев, в больницу. Есть я не могла, поэтому кусочек хлеба я спускала из окна на верёвочке маме. В больнице давали теплое питье из крапивы, лебеды. Меня подлечили и даже поставили на ноги, вначале на костылях, потом без них. В этой больнице на улице Софьи Перовской в палате нас было всего две девочки, остальные — взрослые. Каждый день в палате умирали. Из окна был виден сарай, куда относили покойников. Он был переполнен. Покойников складывали на крышу сарая. Каждое утро их увозили, но появлялись новые.

Прошло много лет, но я не могу забыть войну, блокаду и тех, кто был рядом со мной и уходил в небытие.

Мне кажется, что долг каждого, молодого или старого, умудренного опытом человека воспитывать человечность в себе и других, пытаться словом и делом противостоять насилию, агрессии вокруг себя в своем городе.

Завершить воспоминания хочу своими недавними строчками:

*Я прожила — пусть скромно, без геройства —
 Большую трудовую жизнь,
 Но я горда — нет, не собою,
 А городом моим родным,
 Который пережил блокаду, голод, холод,
 Смерть, разруху...
 Но выстоял, не сдался
 Выродкам-фашистам;
 И стал столицей он культурной всей России!*

Мы выстояли всем смертям назло

ДОБРОВА Елизавета Алексеевна

Эти стихи посвящены светлой памяти моей матери — Шебеко Анны Кириловны, перенесшей все тяготы блокады и потерявшей всех, кроме меня, в блокадные дни.

Е. Доброва

О блокаде

За годом год мелькают латы, даты
Все дальше, дальше страшные года.
Но все, что пережили мы когда-то,
В сердцах и в памяти осталось навсегда.

В кольце железном город наш любимый.
Морозно, страшно, голодно, темно...
И как мы пережили эту зиму,
И выстояли «всем смертям назло»?

Все вынесли — бомбежки, вой снарядов,
Когда налет сменяет артоналет
И слово горькое и грозное «блокада».
Как обречем все мысли наши жмет!

125 на сутки граммов хлеба...
И — все. И — ничего! И — ни глотка!
И стынет от мороза даже небо.
И каждый вздох истории — строка!

А город жил, работал и сражался
За жизнь людей, за честь своей страны,
За улицу, где дом родной остался,
За солнце и цветение весны!

Как мало было в эти дни улыбок,
Суровы лица, взгляд открыт и строг,
И на заводах четко, без ошибок
Ковал Победу нашу — кто как мог!

И женщина, простая ленинградка,
Всю тяжесть горя на себе несла:

На производстве мужа заменила,
В семье — все той же мамою была.
В очередях на холоде стояла —
За хлебом... за водой... и всюду — в срок
«Буржуйку» дымную,
чем Бог послал, топила,
Когда мерцал «коптилки» огонек.

Стирала, мыла снеговой водою
Детей, качала и кормила их,
Была спокойной, с виду, но порою
Всем сердцем беспокоилась о них!..

Январский день взорвался канонадой,
И цепью в бой пошли полки бойцов,
И ураганом в цель неслись снаряды!
И было прорвано мертвящее кольцо!

А минул год от первого прорыва —
И вновь бои двух огненных фронтов!
Упорство, мужество, отвага победила!
И город вырвался из вражеских оков!

Враг был разбит. Затихла канонада,
И в город наш вернулась тишина.
За пережитое родному Ленинграду
Вручила Родина с почетом ордена!

ВСТРЕЧА ШКОЛЬНИКОВ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Мы долго этой встрече ждали,
И целый год вновь будем ждать!
Но разве можно в этом зале
Своих знакомых отыскать?!

Но мы стоим, стоим упрямо,
С надеждой, глядя в сотни глаз —
А вдруг в чертах совсем неожиданных
С улыбкой мы узнаем вас —
Своих друзей тех лет крылатых,
Подростков тоненьких, смешных —
Вот в этих дядях, в этих тетях,
Солидных, лысых и седых.

Привет вам, дети Ленинграда,
Тех огненных и горьких лет!
Сквозь годы вспомним дни блокады,
Ее кроваво-грозный след.
Мы выжили в той круговерти
Обстрелов, голода, потерь.
Не раз, казалось, лапы смерти
Касались нас!

Ну, а теперь...

Мы здесь, сейчас, вот в этом зале,
С надеждой смотрим в сотни лиц,
Хотим сквозь временные дали
Всю ПРАВДУ дней тех возродить.

Мы жили недалеко от Прохоровки

191

ДРОЗДОВА Екатерина Васильевна

*Я не был на фронте,
А лишь в оккупации,
Но видел немало
Я горя и ран.
И вот что скажу,
Не для громкой овацции:
«Я с детских годов
Той войны ветеран!»*

Екатерина Васильевна Дроздова родилась 6 марта 1927 года в большой крестьянской семье: родители, бабушка и пятеро детей.

Жили они в селе Воскресеновка Черняковского района Курской (ныне Белгородской) области.

В 1920-х годах отец служил срочную службу в Красной Армии, а когда вернулся домой, то женился и организовал свою частную лесопилку. Когда началась коллективизация он сдал ее государству и добровольно вступил в колхоз.

В 1933 году семья вместе со всеми пережила голод, но потом жизнь наладилась, взрослые члены семьи работали в колхозе, бабушка вела домашнее хозяйство, а дети учились в школе. Так было до 22 июня 1941 года.

Когда началась Великая Отечественная война, отца сразу взяли на фронт. Он пропал без вести. Пенсию родным не выплачивали.

Семья оказалась в оккупации. Брата 1925 года рождения, после освобождения села в 1943 году, призвали в действующую армию. В бою он был ранен и после выздоровления вернулся в строй.

Войска СС с карательными акциями, к счастью, в село не приходили. Присутствовали только воинские части.

Но и этого было достаточно. Устраивая свой быт, они занимали понравившиеся им дома, отбирали живность. А главное — угоняли в Германию людей, в основном, молодых девушек.

Жители всеми силами старались спасти молодежь. Для старшей сестры Екатерины Васильевны Марии достали справку о том, что она больна туберкулезом. Двоюродная сестра сознательно обварила себе ноги кипятком. Но все-таки многие односельчане были угнаны. Те из них, кто остался жив, после войны вернулись домой.

Недалеко от села находился овраг. В него сгоняли советских военнопленных. Голодные и больные они под открытым небом находились в страшных условиях. Охрану несли, главным образом, полицаи, которые не только почти не кормили, но и безнаказанно

Память сердца

Отец Екатерины Васильевны в центре

издевались над попавшими в великую беду людьми, среди которых были раненные.

Местные жители, в том числе и семья Екатерины Васильевны, старались облегчить их участь. Они подходили к краю оврага с провизией, а пленные по крутому склону ползли вверх к ним навстречу. Пришедшие давали им кто кусок хлеба, кто картошину, то есть кто что мог, но на-

кормить всех добрые люди были не в состоянии. Ведь по слухам там скапливалось до семнадцати тысяч человек.

Екатерина Васильевна помнит, как она с матерью поила молоком одного молодого воина, а у него изо рта все выливалось обратно, и на их глазах он умер. Смертность была огромная.

Живых пленных угоняли в Германию. Они шли под конвоем колонной по четыре человека в ряд. Тех, кто отставал или падал от слабости, расстреливали и оставляли на обочине у дороги. Захоранивали их жители села, и если при ком-то находили документы, то их бережно сохраняли, а после отсылали родным.

На оккупированной территории действовали партизанские отряды. Они наносили врагу весьма ощутимый урон, и фашисты предпринимали против них карательные меры.

Екатерина Васильевна рассказывает, что один из мальчиков из их села стал невольным очевидцем такой расправы. Он находился в «Барском саду» (бывшая помещичья усадьба) и случайно увидел, как полицаи привели трех захваченных ими партизан. Среди них была женщина. Перед казнью пленников заставили рыть яму, после чего повесили и похоронили в свежерытой могиле.

Спустя некоторое время после освобождения в село по своим делам приехал генерал, и мальчик все ему рассказал. Следствие подтвердило его слова, одновременно выявились и другие факты. Суд приговорил виновных к высшей

мере. Казнили их публично. Тела предателей висели три дня и на груди у них были плакаты с надписью «За измену Родине!».

Летом 1943 года жители села Воскресеновка поняли, что надвигаются важные события. Расположенное у них воинское подразделение стало готовиться к походу. Немцы уходили тихо и дисциплинированно. И люди не ошиблись. 5 июля 1943 года началась Курская битва.

Судьба хранила село Воскресеновка. На его территории не было военных действий. Курская дуга обошла его стороной. Но недалеко от села находилась крупная железнодорожная станция «Прохоровка», где 12-13 июля произошло самое крупное во Второй Мировой войне встречное танковое сражение.

Авторы трудов о битве под Прохоровкой отмечают, что если в погожий день шум от работающего мотора одного трактора слышен на расстоянии трех километров, то можно представить, как далеко разносился грохот от сражающихся 1200 танков. Кроме того рвались снаряды, а в небе бой вела авиация.

Жители Воскресеновки с большой тревогой слушали гром битвы и смотрели на зарево пожара. Они понимали, что происходит событие большой важности, и их беспокойство усиливало отсутствие информации о том, что именно происходит и как складываются обстоятельства на поле боя. Только после окончания сражения они узнали о победе наших войск и освобождении от вражеской оккупации.

Сестра Мария

После окончания войны жизнь семьи сложилось благополучно, хотя временами и было трудно. Екатерина Васильевна вышла замуж и вместе с мужем приехала к Ленинград, и хотя его уже нет, она очень тепло его вспоминает и гордится тем, что он долгие годы работал на НПО «Светлана» универсальным заточником-шлифовщиком высокой квалификации и пользовался большим уважением на предприятии. Гордится она и своим внуком — начальником по особо сложному ремонту станции метро «Петроградская».

12 июля 2013 года исполнилось 70 лет со дня Победы наших войск в сражении под Прохоровкой. Вечная память павшим, а живущим ныне — мира и благополучия на долгие годы!

ЕВПЯТЬЕВ Олег Павлович

Когда началась Великая Отечественная война, мне исполнилось три года. Семья была небольшой: мама, папа и сестра Лилия на год и восемь месяцев старше меня. Жили мы на Малой Охте в бараке в Зубовом переулке (ныне Магнитогорская улица). Отец работал на лесозаводе плотником, мать была домохозяйкой. На фронт отец был призван 24 июня 1941 года Красногвардейским РВК (книга призыва №1). Перед уходом отца на фронт мы сфотографировались на память на площади Ленина у Финляндского вокзала. В конце 1942 года по Дороге жизни через Ладогу нас эвакуировали в Смоленскую область, Сычевский район, деревня Подгребцово к моему дедушке Якову Степанову, который работал кузнецом, а его брат проживал в Могилевской области. Отправляли нас всем бараком, кормили в дороге, кто чем мог, в основном это была картошка.

Зима была холодной. Наверное, от недоедания у меня опухли (отекли) ноги, и пришлось разрезать валенки ножницами.

После окончания войны нас разыскал отец, и мы переехали к его матери по месту его рождения в деревню Гора Костромской области Галичского района. В 1957 году я был призван в ряды Советской Армии, в которой прослужил до 1960 года. Служил в Ленинградской области, г. Павловск, в/ч 51533 командиром отделения разведки артиллерийских войск в звании сержанта.

После службы в армии вернулся в Ленинград. Разыскал деревянный барак, в котором проживала наша семья, — единственный не сторевший во время войны. Зашел в него, при входе справа на кровати лежала больная женщина, к сожалению, имени ее не помню. Она очень удивилась моему появлению и, когда познакомились, решила пройти в комнату, где проживали мои родители. Слева по стенке комнаты стояла заправленная металлическая кровать, напротив входа — шкаф для одежды, под которым во время уборки перед отъездом мама нашла маленький сухарик черного хлеба, который не знала, как поделить между мною и сестрой поровну. Мебель и планировка комнаты, в которой мы проживали до конца 1942 года, остались в моей памяти навсегда.

Женщина рассказывала мне о том, как собирали нас в дорогу, как весело до войны отмечали праздники. Отец был гармонистом, хорошо пел, пела и мама, ведь она родилась в Смоленской области, а там

проводить праздники умеют весело. В настоящее время родителей в живых нет, мать умерла в возрасте 39 лет в 1947 году, отец в 69 лет, сестра умерла в 2005 году в Волгограде.

Остался из нашей семья один я — самый живучий. Я считаю себя счастливым человеком, имею сына Кирилла, любимую дочь Татьяну, двух внучек и двух внуков. Они часто навещают меня, заботятся и беспокоятся об мне. Иногда подводит здоровье, но это не является признаком разочарования в жизни.

Приближается знаменательная дата — 70 лет со дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Хочется надеяться, что молодое поколение петербуржцев будет стремиться быть похожими на своих дедов. Те, кто пережил войну, блокаду и сумел сохранить в себе лучшие качества, — достойны подражания. Хочу пожелать, чтобы наша страна, Россия, была сильной и процветающей.

ф. 271а Цена 10 коп.

ЛИСТОК ПРИБЫТИЯ.

Заполнять разборчиво, с прямыми и ясными ответами во всех графах.

1 Фамилия Андреева
Имя Варвара Отчество Яковлевна

Родился в 1907 году _____ мес., в области, крае, респуб.
Волгоградский город Волгоградский районе
села (деревни) Почтредичова

3 Пол женщина
(мужч., женщ.)

4 Национальность русская

Прописыв. по адресу: город (рабоч. поселок) _____
село (деревня) _____ район _____
улицы Зубовская дом № 28 кв. № 2 "22" отд.
милиции г. Ленинграда

6 Прибыл из области, края, республики _____ города
(рабоч. поселка) _____ р-на _____ села
(деревни) _____

Или переехал в этом же населенном пункте с улицы _____
дом № _____ кв. № _____

7 ПРИМЕЧАНИЕ. Если адресный листок составляется по причине перемены фамилии, имени, или достижения 16-летнего возраста, обмена паспорта, то указывается эта причина
Смена паспорта

8 Отношение к военной службе Ч/П/О/О.

Листок прибытия

9 Приехал Прожито
(на работу, уч-бу, в отпуск, леч. и, команд., каникулы и прич. на каком сроке)

10 работает инженер
(название предприятия, учреждения)
в качестве _____
(название должности или работы)

Прописывается по паспорту сер. х-ис № 652274 выданному
11 17 октября 1941 г. 22 отд. милиции
г. Ленинграда
(района, города)

Вместе с ним (с ней) приехали дети моложе 16 лет

Имя	Пол	Год и мес. рождения
<u>Евгенья</u>		<u>1936 г. 23/VI</u>
<u>Михаил</u>	<u>чол</u>	<u>свуч. в рожу. 28.06/3</u>
<u>Евгенья</u>		<u>1938 г. 23/VI</u>
<u>Олег Павлович</u>	<u>мчи</u>	<u>свуч. № 3440023</u>

ПРИМЕЧАНИЕ. Дети до 16 лет, прибывшие вместе со взрослыми, вписываются в листок прибытия только одного из них: например либо в листок отца, либо листок матери.

13 Листок составлен 18 окт 1941 г.
Подпись Вин
(ответств. лиц за прописку)

14 г. Ленинград
Подпись _____
(соп. листка отд. милиции, оформл. гр. писку)

ПРИМЕЧАНИЕ. Без отрывания талона листки прибытия составляются при прописке: а) на дачи на срок летнего сезона; б) на отдых или лечение в курортных местностях, дома отдыха, санатории; в) в отпуск или на каникулы; г) в командировку на срок не более 2 мес.; д) на совещания, съезды, конференции; е) для краткосрочных до 2 мес. курсов; ж) экскурсантов и туристов; з) больных прибывающих в больницы или др. лечебные заведения, а также при прописке; и) перемен. местом в и той же городе, рабоч. поселке; к) переименивших имя, фамилию или обменявших паспорт; л) получивших паспорт по достижению 16-летнего возраста.

В блокаду люди были голодные, но добрые

ЕЛЕНЕВСКАЯ (Дюканова) Тамара Григорьевна

Я родилась 25 октября 1932 года. До войны мы жили на Кондратьевском проспекте, 40, корпус 12.

Моя семья — дедушка, бабушка, мама, две сестры и я.

Мама работала на заводе им. Сталина, мы с сестрой учились в школе на Лабораторной улице.

В июне мы с бабушкой уехали на дачу под Москву, там я заболела, мы вернулись в Ленинград. И тут началась война! Меня и старшую сестру с другими детьми эвакуировали под Лугу. Разместили нас в школе, в спортивном зале. Спали на полу. Еды было очень мало, немцы все время бомбили, было очень страшно, мы все плакали. Учителя нас успокаивали. Потом за нами приехала мама, ее отпустили с работы. Она забрала нас и еще нескольких детей. Когда мы дошли до станции, немцы начали бомбить, поезд стоял разбитый, все шли пешком, а немцы бомбили железную дорогу. Мы с большим трудом добрались до Ленинграда, подвозили нас военные на грузовых машинах.

Вскоре началась блокада. Стало очень холодно, плохо. Наступил голод, холод, темнота. Не было воды и электричества.

Мама работала, приходила домой редко. В школу мы уже не ходили. Воды не было. Наступили сильные морозы. За водой ездили на Неву, там была прорубь. Доставать воду было очень трудно, бабушка уже не ходила. Мы с сестрой, падая, обливаясь ледяной водой, возвращались

домой с маленьким бидончиком. Потом топили снег и пили эту воду. Есть было нечего, несколько дней не давали хлеба.

В 1942 году в январе умер дедушка. Мы его на санях отвезли в приемник на Кондратьевском проспекте, а потом на Пискаревское кладбище (так нам сказали). Там хоронили всех умерших.

Потом в конце января наш дом сторел (причину я не знаю). Спасли нас военные — они стояли в «Гиганте».

Мы остались совсем голые, но люди хоть и были голодные, но добрые, всем помогали.

Так мы прожили до осени 1942 года. С продуктами становилось все хуже. Бабушка уже совсем плохая была. Я сильно болела, старшая сестра уже не ходила, младшая тоже болела.

В октябре 1942 года нас эвакуировали. Чудом перевезли через Ладогу. Было очень страшно, немцы все время бомбили и потопили одну баржу, на которой были люди. Все очень плакали.

В эвакуации мы прожили до апреля 1944 года.

Маме прислали вызов, и мы вернулись в Ленинград. Были еще карточки, мы начали ходить в школу, мама пошла опять на свою работу. А потом была победа! Как мы радовались — этого не передать!

Мама наша Дюканова Елена Васильевна имеет медаль «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд во время войны».

Наша семья и блокада

ИСАЕВА Наталия Федоровна

К началу Великой Отечественной войны наша семья состояла из пяти человек — родители и трое детей.

Папа — Федор Андреевич Исаев, по специальности строитель. Мама — Елена Сергеевна Исаева, домохозяйка. Старшая дочь Александра, 1926 года рождения, школьница. Сын Борис, 1932 года рождения, школьник. Младшая дочь Наталия (я), 1939 года рождения, — совсем маленькая девочка.

Летом, когда немцы приближались к Ленинграду, детей начали эвакуировать из города вместе со школами. Маму заставляли эвакуировать сына, но она категорически отказалась: «Будем все вместе! Что будет — то будет!» В то время многие думали так же. Никто и помыслить не мог, какие тяжелые испытания выпадут ленинградцам.

Трагично сложилась судьба моего отца. Он был участником финской войны, был ранен, потерял палец правой руки. Когда началась война, ему был уже 51 год и на фронт его не взяли. Мужчины переживали голод более тяжело, чем женщины. Он очень ослаб и стал думать об отъезде из Ленинграда, тем более что с весны 1942 года началась массовая эвакуация населения. На семейном совете было решено, что он поедет один, постарается добраться до Ферга, которая всем нам казалась «землей обетованной», там обустроиться и нас вызовет.

Мы проводили его в конце лета 1942 года, и больше никогда его не видели. Известий от папы никаких не было. Найти его в тех обстоятельствах представлялось маловероятным. Ведь столько истощенных ленинградцев умирало по дороге в тыл и в тылу!

Наконец, мы получили письмо от незнакомых нам людей, оказалось, что это его соседи. Из этого письма мы узнали, что по дороге он заболел и оказался в стационаре. После выздоровления его направили на строительство, но он практически не работал, так как слабел с каждым днем. Когда он болел, его обворовали, что ухудшило его состояние. 23 сентября он был очень плох, а наутро его нашли уже мертвым. Похоронили добрые люди нашего папу достойно. Объяснили, что не могли сразу сообщить, так как не знали нашего адреса. Только когда стали разбирать его вещи и документы, нашли его. Они не знали, что делать с его одеждой, хотели ее продать, а вырученные деньги выслать нам. Мама ответила им очень теплым, благодарственным письмом, а от денег решительно отказалась.

Еще в 1924 году папа от своей работы получил жилье на Малом проспекте Петроградской стороны. Вся жизнь нашей семьи связана с этой квартирой. Там и поныне живут наши близкие. Это наше «родовое гнездо».

Мама, Елена Сергеевна Исаева, все годы блокады и в мирное время работала

на одном из оборонных заводов Выборгского района. Она награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд».

Старшая сестра Шура была принята на хлебозавод им. А. М. Горького ученицей школы ФЗУ, а потом переведена на должность подручной.

Завод, на котором она работала, был расположен на проспекте Энгельса, недалеко от станции «Ланская». Транспорт уже не работал, и ей с Петроградской стороны приходилось ходить пешком. Опасность подстерегала на каждом шагу. Однажды она и еще четыре девушки возвращались с работы. Началась бомбежка. Одна из девочек была убита, другая тяжело ранена, а Шуре осколок попал в ногу.

Когда в городе открылись школы рабочей молодежи (ШРМ), она окончила 10 классов. После войны поступила в Холодильный институт и все последующие годы работала по специальности. Она, как и мама, была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Ей еще не было и 18 лет.

Брату было девять лет, он должен был пойти в третий класс, но во время блокады работало только 39 школ, в которых обучались ученики старших классов.

Обязанности были и у брата. Он приглядывал за мной — мне было всего три года. Ходил к Тучкову мосту за водой, собирал щепочки, хворост — все, что годилось для обогрева. Его официальный

За нашу Советскую Родину

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

ЛЕНИНГРАДА

Исаева
Александра Федоровна
Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 22 декабря 1942 г. награждена
медалью

«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
медаль «За оборону Ленинграда»
вручена // «*февраль*» 1944 г.
№ АВ *53472*

Гонимов
Абдулов

трудовой стаж начался с 14 лет. Он был слесарем высокой квалификации и работал на крупнейших предприятиях нашего города. Имел звания «Ветеран труда» и «Житель блокадного Ленинграда». В 2013 году его не стало.

На станции «Удельная» жила наша бабушка, мамина мама. Она и мама, как могли, поддерживали друг друга, но бабушка зимой все-таки умерла.

Трое маминых братьев были на фронте, прошли всю войну и вернулись живыми. Младший брат до войны окончил

АТТЕСТАТ

№ 110
Исаеву

Выдан гр. Исаеву Федоровичу
рождения 1922 года в том, что
он окончил Ремесленное училище
№ 52 в городе Ленинграде
(области, края, республики)
по ПРОФЕССИИ токарь
По решению выпускной экзаменационной комиссии гр. Исаеву
Исаеву присвоена квалификация
токарь "5" РАЗРЯДА
Директор училища Исаев
Выдан "20" июля 1949 г.
город Ленинград
М. П.

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВАХ СССР
10. Установить, что все окончившие Ремесленные Училища, Железнодорожные Училища и школы фабрично-заводского Обучения считаются мобилизованными и обязаны проработать 4 года подряд на государственных предприятиях, по Указанию Главного Управления Трудовых Резервов при Совете Народных Комиссаров СССР, с обеспечением им зарплаты по месту работы на общих основаниях.
Из Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 2 октября 1940 г.

За время обучения в ремесленном училище с 1/IX 1947 г. по 1/VIII 1949 г. гр. Исаев
изучил нижеперечисленные предметы и получил по ним следующие оценки:

Наименование предмета	Оценка
Производственное обучение	5 "отл."
Специальная технология	4 "хор."
	" ( )
	" ( )
Материаловедение	5 "отл."
Черчение	5 "отл."
Физика	5 "отл."
Математика	5 "отл."
Русский язык	5 "отл."
Политзанятия	4 "хор."
Физическая подготовка	5 "отл."
	" ( )
	" ( )
Поведение	5 "отл."

Зам. директора по учебно-производственной части Исаев

Военно-механический институт, работал на заводе «Компрессор», имел бронь, и всю зиму 1941-1942 года находился на предприятии на казарменном положении.

Что мне сказать о себе? Когда началась война, мне было два года, и шесть — когда она закончилась. Обо мне заботились, меня спасали. Я благодарна всем, кто помог сохранить мне жизнь.

В мирные годы я окончила школу, потом институт. Работала в области молочной промышленности. Не исключено, что на выбор профессии подсознательно повлиял голод, перенесенный мною в раннем детстве.

Более сорока лет я живу на территории МО Пискаревка. С 1990 года принимаю участие в работе общественной организации ветеранов Великой Отечественной войны и труда.

Я была в оккупации

КАЧАНОВА Валентина Сергеевна

Я родилась 7 января 1935 года в деревне Ушно Высоковского сельсовета Шимского района Ленинградской области (в настоящее время — Новгородской области).

Наша семья была не очень большой: дедушка, бабушка, мама с папой и я. В доме были мир и благополучие. Но началась Великая Отечественная война...

Отец, как и другие односельчане призывного возраста, ушел на фронт. В деревне остались самые незащищенные: дети, старики и женщины.

Несмотря на усилия нашей Армии и сопротивление мирного населения, враги стремительно продвигались в глубь страны, и уже в середине июля нога фашистского солдата ступила на новгородскую землю. Наша деревня оказалась в оккупации. Немцы устанавливали свои порядки, отбирали у жителей птицу, различные продовольственные припасы. Занимали наиболее удобные для них дома. Судьба обобранных ими людей их не беспокоила.

Беда пришла и в наш дом. В деревне несколько человек заболели брюшным тифом, в том числе и моя мама. Немцы очень боялись эпидемий, поэтому всех инфекционных больных убивали.

Убили и мою маму. Это произошло 20 апреля 1942 года.

Осенью 1943-го фашисты стали угонять жителей из нашего села. Те, кто был покрепче, уходили в лес, чтобы там пере-

жить безвременье. Но все-таки большинство односельчан, в том числе и мы, не избежали горькой участи. Нас погрузили в товарные вагоны и повезли в неизвестном направлении. Тех, кто пытался бежать, расстреливали. Многие умирали в пути от болезней и истощения.

Наконец, эшелон прибыл в пункт назначения. Оказалось, что мы находимся в Латвии в городе Рига. Всех прибывших разместили в православном храме. Туда приходили латыши и выбирали себе работников.

Дедушку, бабушку и меня долго никто не брал. Кому нужны восьмидесятилетние старики и малолетний ребенок?

Но однажды пришел высокий, стройный человек. Он отобрал нас и повез на санях в свой хутор, который находился в волости Заубе в шестидесяти километрах от Риги. Оказалось, он имел чин «главный сыщик волости», то есть старший полицай. Хозяйство у него было крепкое. Он имел стадо коров, табун лошадей. Были свиньи, козы, овцы, домашняя птица. Большой и добротный дом. Кроме нас были и другие работники, многие из них поляки, которых он специально выписывал из Польши. Жена его тоже была полька по национальности, она немного говорила по-русски.

У них было двое детей, и хозяйка разрешила мне играть с ними, но предупреждала: если появится отец, то «Сразу убегай!».

Нас поместили в маленькой проходной комнате, где было два лежака. На одном из них спала я с бабушкой, а на другом — дедушка. У него была открытая форма туберкулеза.

Весной 1944 года нас с дедом послали пасти коров, их было 40 голов, а бабушка вместе с матерью хозяина обрабатывала шерсть, пряла ее и вязала разные вещи.

Сведений о положении на фронте у нас не было никаких. Однажды, когда я была в доме, вошел хозяин и сказал жене: «Срочно собирайся! Русские наступают, они уже близко!».

А дедушке и бабушке он приказал: «Я сказал, чтобы завтра вас не было. Чтобы уже утром вас не было!».

Он ушел вместе с немцами. Мы пошли на другой хутор, где находились наши односельчане. Это была большая семья: отец, шестеро детей и слепая мать. Их хозяин сочувствовал русским. Он не сбежал с немцами, а остался у себя дома.

В небе показались два самолета — наш и вражеский. Завязался бой. Коров быстро увели в лес. Люди остались на открытом месте и смотрели, как сражаются в небе летчики. Бабушка накрыла меня своим телом. Один из самолетов был подбит, но чей неизвестно, так как он упал далеко.

Наш односельчанин вырыл окоп. На дно набросал деревца и ветки, но когда мы стали в нем прятаться, начали проступать грунтовые воды, и мы оказались почти по грудь в воде.

Бой шел целый день. Немцы отступали: бежали сами, несли раненых и оружие.

Один из них заглянул в укрытие и, увидя нас, крикнул: «Комрад есть не гут!», то есть дал понять, что надо уходить в более безопасное место.

Бой был долгим и страшным. Свистели пули, рвались бомбы и снаряды, стреляли «катюши». Несмотря на это, мы от нервного перенапряжения задремали. Проснулись от наступившей тишины, среди которой вдруг раздалось радостное «Ура-а-а!».

Дедушка укрывался под мостиком, а не в окопе. Он прибежал к нам с криком: «Наши победили!».

Все стали потихоньку успокаиваться. Бабушка под елкой нашла узелок с нашими небогатыми вещичками. Одна из спрятанных коров вышла из леса. В это время к реке подъехала машина с треском, как у мотоцикла. Кто-то громко на русском языке сказал: «Кто тут есть живой, выходи!» Это была наша машина с полевой кухней.

Женщины надоили у коров молока и отдали его солдатам, а они взамен дали нам ведро гороховой каши, кусочек сахара и кусок мыла.

Не зная, что делать дальше, дедушка и бабушка решили пока вернуться на старое место. Когда мы туда добрались, то увидели, что почти все строения разрушены. Остались только новый сруб и амбар, где жили восемнадцать человек из военной части, которая там стояла.

Только в конце 1944 года, после выпавших на нашу долю мытарств и трудностей, мы смогли вернуться в свою дерев-

ню. Здесь мы узнали, что мой папа погиб под Старой Русой в 1942 году. Ему было 28 лет.

Его мать жила в Ленинграде. У нее была тяжелая жизнь. Еще в 1914 году, во время Первой мировой войны, ее муж пропал без вести. Она осталась одна, имея на руках пятерых детей. Один из ее сыновей, Сергей, был моим отцом. О его гибели она узнала из письма командира воинской части, в которой воевал мой папа. Все 900 блокадных дней она находилась в Ленинграде.

В 1945 году к нам в деревню приехала папина сестра и забрала меня к себе в Ленинград.

Бабушка отказалась уезжать и осталась в своей родной деревне, а дедушка умер вскоре после нашего возвращения из Латвии.

После приезда в Ленинград я вместе с тетей жила на Герасимовской улице, Кондратьевском проспекте и сейчас живу на территории МО Пискаревка.

Училась я в школе №146, где сейчас находится Дом детского творчества, на проспекте Мечникова. Меня приняли сразу в третий класс, хотя следовало бы во второй, но из-за войны годы учебы сбились.

Мои родители погибли в огне Великой Отечественной войны. Дедушка и бабушка сохранили мне жизнь в страшные годы изгнания. Тетя приняла меня к себе и помогла встать на ноги. Благодаря ей, я не только ленинградка, но и старожил Калининского района.

Пусть у всех людей всегда и все будет хорошо, и пусть никогда больше не будет войны.

* * *

*Для трижды ненавистного врага,
С какой бы он сюда ни рвался силой,
С времен Петра вот эти берега
Холодной раскрываются могилой.*

*Сквозь смерть и голод, через дым и гром,
Сквозь розовое медленное пламя,
Над проклятым поверженным врагом
Мы пронесли солдатской славы знамя.*

*Пусть время мчится и гудит в ушах,
И крошится кремневая порода.
По-прежнему тяжел упругий шаг
Воинственного русского народа!*

*России сын, столицы первый брат,
Перетерпевший все земные муки,
По-прежнему сегодня Ленинград
Свободные протягивает руки.*

Михаил Дудин

Еще раз о пережитом

КАШКИНА (Фетисова) Тамара Васильевна

...Существует только то, чего уже нет. Будущее может не быть; настоящее может и должно перемениться; одно прошедшее не подвержено изменямости; воспоминание бережет его.

Василий Жуковский

Война нашу семью за-стала на даче, в деревне на станции «Пудость». Деревня была расположена по обе стороны широкой проезжей дороги. Через пару дней по этой дороге пошли на фронт войсковые части.

Это были молодые и не очень, но жизнерадостные люди. Фронт приближался так быстро, что уже через несколько дней, по этой же дороге, мимо нас стали возвращаться разбитые части, пошли и повезли очень много раненых. В начале августа мы переехали в Ленинград. В городе полным ходом шла эвакуация населения. Те, кто оставались, выезжали в ближайшие пригороды рыть окопы и другие сооружения.

В один из дней эвакуация прекратилась. Те, кто уже сидел в вагонах, ожидая отъезда, вернулись домой. Город окружили. Мы оказались не просто на линии фронта, но еще и в блокаде.

Над Ленинградом стали часто появляться немецкие самолеты. Они сбрасывали очень много зажигательных бомб.

Мама уезжать отказалась. Никто не мог предвидеть того ужаса, который ожидает город.

Потом было 8 сентября 1941 года. Мы жили в центре, на улице Чайковского, 3. К югу от нас горели Бадаевские склады, к северу, на Петроградской стороне, в это же время, пылали американские горы.

У нас было светло, как днем. Бомбежки становились все чаще и чаще. Очень много стало сыпаться фугасных бомб. В начале октября был разрушен большой дом на Рыночной (Гангутской) улице, погибло много народа. В дальнейшем было разрушено несколько домов на улице Пестеля, большая бомба попала в дом №10 по улице Чайковского, попала бомба и во двор дома №2 по этой же улице. Было разрушено несколько домов на Моховой улице. Разбомбили дом и на углу улиц Моховой и Белинского, прямо рядом с церковью. На Гагаринской улице в дом попала большая бомба, но не взорвалась. Ее потом обезвреживали. Во всех случаях, всегда

страдали ближайšie дома. Они получали трещины, разрушения. Наш дом получил трещину, когда бомба упала на Рыночной улице.

В бомбоубежище ходить мы не успевали, поэтому сидели дома, в маленьком коридорчике, все четыре стены которого были капитальные. Сидели, молчали, слушали, определяли по звуку: вот летят наши самолеты, а вот — немецкие. Потом звук взрыва. Дом ходит ходуном, посуда в буфете звенит, падает. Казалось, это никогда не кончится.

Вскоре после 8 сентября стали снижать продуктовые нормы по карточкам. Всех прикрепили к определенным магазинам. Только в них можно было покупать продукты и хлеб. В это время вспоминали забытое русское слово «приварок». Это то, что можно дополнить к хлебу, приварить. Но таких дополнений были крохи. Продуктовые карточки были разделены на декады — по десять дней.

Что давали на десять дней? 40, максимум 50, граммов крупы, несколько граммов какого-то жира. Крупу иногда заменяли сухофруктами. Однажды дали по талону мясо, несколько десятков граммов костей. Но и за этими крохами надо было долго стоять в очереди. Нередко случалось: очередь подошла, а получить уже нечего — все закончилось. Хлеб надо было выкупать день в день. Если по какой-то причине не получил — талон пропадал. А причиной могло быть и просто отсутствие хлеба — не привезли. Было много случаев, когда хлеб вы-

рывали из рук, тут же засовывая его себе в рот. Часто вырывали из рук карточки. В последний день февраля такое случилось со мной.

Машину с хлебом часто ждали по несколько часов. Однажды я ждала до десяти часов вечера. Получила хлеб, вышла из магазина, и в это время объявили тревогу. На улице пусто, никого нет, несколько человек прижались к дому, светит яркая луна. Слышу: летят немецкие самолеты, а потом и вижу их. В свете луны они как серебряные. Земля вздрогнула. Где-то рядом упала бомба. Продолжаю бежать. Такое впечатление, что и самолеты, и бомбы меня догоняют. Домой прибежала без голоса, но с хлебом. Потом долго выздоравливала. До сих пор при яркой луне плохо себя чувствую.

В нашей коммунальной квартире до войны проживало семь семей. Две семьи эвакуировались в начале войны, одна семья уехала по Дороге жизни. Жила одинокая женщина. В какой-то день она не пришла домой. Больше мы ее не видели. Еще жили муж с женой. Жена умерла в начале зимы. Муж позже. Он продлил себе жизнь тем, что продал или выменял на хлеб большой золотой крест. Оказывается, он был священником. Мы этого не знали. Об этом в то время говорить было нельзя.

Еще в одной комнате жили старушка-мать с дочерью. Дочери было 20 или 21 год. Она выжила, так как получала две карточки: на себя и на мертвую мать, которую прятала в комнате.

В городе были созданы команды, которые собирали на улицах трупы, свозили их в определенное место, где их сжигали. В одной такой команде был отец моей подруги. Семья его эвакуировалась. Он получал по карточке больше еды, чем мы, но все равно умер от голода. После того, что он видел в течение рабочего дня, он ничего не мог есть.

Наша школа №181 зимой 1941-1942 года не работала. Пришлось пропустить целый год. Я делала все, что мне поручали. Помогала в бомбоубежище, дежурила во дворе и у ворот. Дежурства были

постоянные, про графику. Помогали, чем могли, тем, кому совсем было плохо. По вечерам проверяли светомаскировку на окнах, чтобы нигде не было ни одной щелочки. После января стала болеть мама. Моей заботой стали очереди в магазинах и вода.

К весне стало немного полегче. Мы смогли, наконец-то, первый раз за всю зиму помыться в бане. Дали нам маленький кусочек мыла, сантиметра два. Вода была не очень горячей. Работал только один помывочный зал. Мылись мужчины, женщины, дети — все вместе.

В раздевалке холодно. Но все равно была радость — такой кусочек мирной жизни. Очень понемногу стали увеличивать нормы выдачи продуктов. Но зато возникла угроза эпидемии. Надо было убрать с улиц города горы не просто грязного, а очень грязного снега. Работали все, кто мог хоть немного двигаться.

Страх? Конечно, постоянно был страх. Трудно? Да, очень, постоянно. Очень голодно, очень холодно — постоянно. Канализация, водопровод перемерзли. Очень тяжело было брать воду из Невы. Кругом все обледенело, скользко. Прорубь быстро замерзала, надо было вновь и вновь ее прорубать.

Но не было злости друг на друга. Не было свар, скандалов. Люди молча, закутанные во все теплое, что можно было найти дома: платки, одеяла, пледы, — делали дело, за которым пришли и молча уходили. Так же молча, по мере сил, помогали друг другу, если нужна была помощь.

Весной появилась трава. Многие стали употреблять в пищу лебеду.

Жизнь продолжалась. К сожалению, война тоже.

Осенью нам пришла повестка, в которой было предложено в обязательном порядке эвакуироваться. Отказ не допускался. Старались вывезти из города как можно больше жителей. Особенно женщин с детьми, больных, стариков. Уезжали мы с Финляндского вокзала.

Перед отъездом нам дали на троих: маму, меня и брата — половину кирпичика черного хлеба и вермишель, в которой было немного тушенки, мясной. Это была сказка! Хлеб настоящий! Ведь тот хлеб, который мы получали зимой по карточкам, был какой-то полосатый, сырой, пах керосином. Довезли до Ладоги, там солдаты выгрузили нас из поезда, погрузили на машины, довели до самого озера и пересадили на баржу. При переезде через озеро над нами кружил немецкий самолет. То поднимался выше, то опускался совсем низко, но не бомбил. Разгрузились на другом берегу и сразу стали садиться в поезд. Вагоны были грузовые, теплушки. Состав был очень длинный.

В путь тронулись, когда совсем стемнело. Проезжая линию фронта, поезд не ехал, а летел. В щели между досок было видно, как совсем недалеко шел бой, был сплошной огонь, гремели выстрелы. Первая остановка была в Тихвине. Нас покормили, вынесли больных и тех, кто умер в дороге, и повезли дальше. Приехали в Уфу. Здесь все прошли санитарную обработку. Потом на эвакопункте нас распределили на станцию «Нурлат», в деревню Новый путь. Поселились мы у очень хорошей женщины, настоящей русской красавицы Евдокии Никаноровны. У нее два сына были на фронте. К сожалению, оба погибли.

Школы в деревне не было. Пришлось мне уехать учиться на станцию. Жить я стала в большой и дружной

семье. У них было пятеро детей, а дом очень маленький — всегда две крохотные комнаты. Отца и старшего сына в армию не брали, так как они работали машинистами на железной дороге. Спала я на одной кровати со старшей дочерью. Потом мы остались с ней подругами на всю жизнь. Вскоре, старший сын женился. Мне пришлось переехать в общежитие. В нем жили дети из деревень, в которых не было школ. В одной комнате — семь девочек. Удобств никаких. Обычный барак.

Мама устроилась на работу в колхоз счетоводом. К лету нам дали кусо-

Лаврушкин Кирилл, 11 лет. «С Днем Победы!»

чек земли, мы посадили на нем просо. Осенью собрали неплохой урожай. Все делали сами: сажали, жали, цепями выбивали зерно. На летние каникулы я поехала к деревню, к маме и брату. Работала в колхозе. Когда созрели зерновые, я вместе с ребятами моего возраста отвозила зерно на станцию «Нурлат», на элеватор. Везли на коровах, так как лошадей не было.

Папа оставался в Ленинграде. В конце апреля 1944 года, сразу же после прорыва блокады, он прислал нам вызов. Мы быстро собрались и поехали домой. Я даже не закончила учебный год. Добирались через Москву. Из Москвы поехали с Савеловского вокзала. За окнами вагона была земля, на которой совсем недавно закончились бои. Отойти от окна было невозможно. Мимо проплывали раненые, изуродованные леса, черная, вся взорванная, обгоревшая земля. Она еще дымилась. С нее еще не успели убрать следы страшных боев. Поезд шел медленно.

На следующий день после приезда я пошла в школу. Меня взяли в седьмой класс, чтобы хоть как-то могла закончить учебный год. Комната наша была вся закопченная. Мебели почти не было. Ее сожгли в буржуйке зимой 1941-1942 года. Стекла были уже вставлены, но только в комнате, на кухне не было. Поэтому еду мы готовили в комнате на керосинке. Понемногу, медленно, но жизнь налаживалась. Даже появились новые соседи.

Записки блокадного времени

МАКСИМОВ Александр Иванович

Нам в руки попали воспоминания бывшего комиссара (заместителя начальника по политической части) 75-й ордена Красной Звезды базы артиллерийского вооружения подполковника Александра Ивановича Максимова. Этот уникальный материал долгое время, начиная с 1967 года, хранился в музее ФГУП «775-й Артиллерийский ремонтный завод» наряду с другими ценными экспонатами, рассказывающими историю его жизни. После того, как завод был преобразован в Открытое акционерное общество, музей расформировали. Все, что в нем хранилось, собирались выбросить. «Воспоминания бывшего комиссара» в последний момент удалось спасти. Это сделала Нина Яковлевна Егорова. На Артиллерийском ремонтном заводе она проработала всю жизнь. Такое отношение к прошлому, нашей общей истории показалось ей недопустимым. Собрав воедино все потрепанные листочки, Нина Яковлевна принесла рукопись в МО Пискаревка. Теперь благодаря книге «Память сердца» этот интересный материал будет сохранен для потомков.

В связи с 50-летием нашей войсковой части 67678 хочу коротко поделиться своими воспоминаниями о работе коллектива части в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов в условиях 900-дневной блокады Ленинграда.

Работая в должности комиссара, затем заместителя начальника базы по политической части, мне пришлось вместе со всем коллективом пережить невзгоды фронтового города — блокадного Ленинграда и трудности послевоенного периода, когда база выполняла задание по восстановлению и приведению в порядок артиллерийского и стрелкового вооружения, прибывающего огромным потоком со многих фронтов.

Я вспоминаю рабочих и офицеров, которые мужественно, сверхчеловеческим трудом в тяжелые дни блокады при систематических обстрелах и бомбежках, голодные, делали все, что было в их силах, для победы над врагом. Не было ни одного случая, чтобы наш коллектив не выполнил того или иного задания командования Ленинградским фронтом. Люди не считались с опасностью и трудностями, вызванными блокадой.

За героический и самоотверженный труд по обеспечению войск Ленинградского фронта артиллерийским и стрелковым вооружением за годы Великой Отечественной войны было награждено орденами и медалями 109 человек. Весь личный состав награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Когда осенью 1941 года под Москвой создалось тяжелое положение, наша часть получила задание: в короткий срок отправить самолетами большое количество артиллерийских орудий и минометов

ТБ-3 в Москву. Несмотря на артобстрелы и бомбежки на погрузку самолета давалось 15 минут. Самым сложным было крепление лафетов к нижней части фюзеляжа самолетов. В ходе этой операции пришлось менять три аэродрома из-за налетов немецкой авиации.

Это задание было выполнено на два дня раньше установленного срока. В организации выполнения этого задания принимали участие: начальник цеха Г. А. Антонов, командир рабочего взвода И. Л. Макаренко, непосредственное участие в руководстве погрузкой принимали генерал-лейтенант Г. Д. Голубев и инженер-полковник Петров.

Если кого-то я в своих воспоминаниях не упомянул, прошу не обижаться, всех перечислить очень сложно, да и память не все фамилии удержала.

Я часто вспоминаю вахтера Полякова — дядю Володю, как все любовно его звали. Он уже тогда был пожилым человеком. Это был очень порядочный, честный и принципиальный коммунист. 5 ноября 1941 года при первом артобстреле его тяжело ранило. После выздоровления он продолжал работать. Умер весной 1942 года от голода. Тов. Поляков до конца своей жизни оставался стойким коммунистом и преданным патриотом Родины и части. Он верил в нашу победу и никогда не жаловался, что ему трудно и что он голодный. А когда я делился с ним продуктами из своего пайка, он говорил: «Товарищ комиссар, это мне уже не поможет, а вам еще нужны будут силы. Побе-

да будет за нами, я в это верю». Вот с кого нам нужно брать пример, особенно молодежи. Тов. Поляков достоин, чтобы его имя в нашей части помнили, а его фамилия была бы на видном месте в проходной на техническую территорию.

Монтер-связист, беспартийный тов. Прыгун, несмотря на свой 57-летний возраст, во время артобстрелов смело и оперативно восстанавливал поврежденную телефонную связь вместе с младшим техником-лейтенантом Филипповым. Тов. Прыгун мужественно переносил трудности и был примером для многих.

Токарь Бочкарев Сергей Степанович в дни блокады проявил себя мужественным и стойким патриотом Родины и части. Голодный, с опухшими ногами, с палочкой он приходил на работу. Не в силах стоять у станка, изготавливал детали сидя. Он всегда говорил: «Товарищ комиссар, мы выстоим и доживем до победы».

Слесарь М. А. Андреев, коммунист, работал артмастером и был неосвобожденным председателем месткома. Это был смелый и трудолюбивый человек. Нормы выработки им выполнялись на 180-200%. Общественные обязанности председателя местного комитета он тоже исполнял добросовестно.

Примером мужества и самоотверженности в труде были коммунисты: Павлова (тетя Паша), Н. С. Баранов, О. В. Куликова, Н. Рябцев, И. П. Лаптев, секретари комсомольских организаций: Нина Васильева, Женя Капица, а также рабочие: Сторожев, М. А. Хрипунова, Васюков,

Сазонов, Прыгун (тетя Стеша) и многие другие.

Я не могу не вспомнить наших служащих, которые тоже самоотверженно трудились и переносили трудности блокады, участвовали в ликвидации последствий артобстрелов и бомбовых ударов.

Главный бухгалтер Н. К. Знаменский умел мобилизовать людей на преодоление трудностей, являлся членом партийного бюро, вел большую пропагандистскую работу.

Офицеры части являли собой пример стойкости и мужества в преодолении трудностей в дни блокады. Они были решающим звеном в организации производственной и операционной деятельности, практического исполнения всех заданий командования. Они же были агитаторами и пропагандистами, вселявшими личному составу веру в нашу победу над фашистской Германией.

В первую очередь хочу отметить офицеров: А. Г. Кугеля, Г. А. Антонова, В. П. Воропаева, П. М. Шишкина, А. Д. Щербакова, И. Т. Михеева, И. М. Акишина, П. Е. Марченко, Устяцова, А. И. Герасимова, Рудника, Кренгауза, Баранова, Попкова, Ряженова, Корильева, Ольнева, А. И. Федорова, Н. Иванова, Лебединского, Н. А. Перцева, Макаренко — командира рабочего взвода, Макарова, Богдановского, А. Д. Плавкова, Шацмана, Завьялова.

Остался в моей памяти на всю жизнь день 5 ноября 1941 года. Часть выполняла ответственное задание, на исполнение которого было дано семь дней.

В связи с тем, что фашистская авиация часто бомбила город, в том числе и нашу часть, и как правило после 16 часов, командование решило торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Октября, провести в 10 часов утра 5 ноября. Но ровно в 8 часов утра наша часть впервые подверглась сильному артобстрелу, который длился два часа. На территорию базы упало 38 снарядов!

От первых взрывов артснарядов, пока людей не увели в укрытие, было убито три человека и ранен вахтер Поляков. По понятным причинам торжественное собрание утром состояться не смогло и было проведено вечером того же дня в цехе №1.

После моего доклада выступило семь человек, в том числе А. Г. Кугель, Г. А. Антонов, В. П. Воропаев, Н. Андреев, Баранов и др. Надо было только видеть, с какой ненавистью к врагу говорили выступавшие, давая клятву партии и правительству, что не пожалеют сил и самой жизни во имя победы над злейшим врагом человечества — фашистской Германией, и задание командования Ленфронта выполнят досрочно. Слово, данное на собрании, не разошлось с делом. Задание коллектив базы выполнил за четыре дня вместо отведенных семи.

После, на одном из собраний, при вручении правительственных наград, генерал-лейтенант Голубев говорил: «Коллектив вашей части совершил героический трудовой подвиг. В трудной и сложной обстановке ответственное зада-

ние фронта выполнил на три дня раньше установленного срока».

В ходе всей войны не было ни одного сколько либо значительного задания, которое коллектив базы не выполнил бы в установленные сроки.

При выполнении всех заданий командования Ленинградского фронта особо отличились подразделения, руководимые офицерами А. Г. Кугелем, Г. А. Антоновым, В. П. Воропаевым, П. Е. Марченко, Рудником, Корнильевым, Попковым.

Нельзя забыть тот период, когда у нас на базе с 20 ноября 1941 года от голода стали умирать люди. На декабрь продовольственные карточки рабочим и служащим выдали только 4 декабря, но и полученные карточки не отоваривались, так как в магазинах не было продуктов. Офицеры тоже ослабли от недоедания. Плохо стало с топливом, не стало электроэнергии, и все это — под постоянными обстрелами артиллерии и налетами авиации противника.

Трудно теперь представить, какой силой морального духа нужно было обладать коллективу базы, чтобы в этих невероятно тяжелых условиях выполнять задания командования Ленинградским фронтом. Офицеров в это время часто можно было видеть работающими за станками, грузящими вооружение в вагоны, исполняющими другие работы.

Главной заботой партийной организации, всех коммунистов в этот период было помочь людям если не хлебом, то теплом в прямом и переносном смысле этого сло-

ва. Коммунисты изыскивали топливо для топки жилых помещений, шли в общежитие и на квартиры к рабочим, чтобы оперативно устранять имевшиеся трудности, ободрять, поддерживать людей духовно, вселять веру в победу над врагом.

В начале марта в рабочей столовой стали отпускать пищу меньше установленной нормы. И мне лично вместе с двумя офицерами пришлось организовать контрольные варки в течение двух дней. Это дало возможность полностью выдавать рабочим установленную норму пищи. Результатами проведенного мероприятия рабочие остались довольны. Васюков и Богачев прямо сказали: «Если так всегда будут нас кормить, мы будем работать и жить». О контрольной варке должен хорошо помнить М. А. Андреев, он тоже вел борьбу с беспорядками в столовой.

Также не могу не вспомнить жен офицеров. Многие из них состояли в санитарной дружине при санчасти, другие в дни блокады работали на производстве. Это товарищи Корнильева, Борисова, Татарникова, Воропаева, Мочалова, Глибина, Перцева, Нестерович, дочь тов. Магуты и другие.

С большим уважением вспоминаю бывшего начальника базы полковника Дмитрия Харламповича Магуту. Мы проработали с ним вместе восемь лет и перенесли все трудности блокады. Это был энергичный, культурный, технически грамотный руководитель, хороший организатор, не знавший усталости

человек. Он всегда со своими заместителями работал в контакте. При артобстрелах и бомбежках был смел, организован, собран. Помню, как нас с ним в сентябре 1941 года вызвали в Смольный за получением задания. Только мы выехали за ворота части, как начался налет и бомбежка. Шофер предложил вернуться и переждать. В ответ тов. Магута сказал: «Есть приказ прибыть в 21 час. Поехали». Когда мы подъехали к Литейному мосту, в сотне метров от нас упала авиабомба — прямо в мост. В Смольный мы приехали точно в указанное время.

Часто вспоминаю генерал-лейтенанта Г. Д. Голубева, смелого и душевного человека, умевшего вдохновлять людей на выполнение заданий, даже если они были очень трудными. Он умел так подойти к людям, что и трудное дело казалось легко выполнимым.

Также вспоминаю начальников Политотдела: бригадного комиссара Ховкина, полковников Иванова и А. Д. Руденко — за их огромную помощь в работе базы.

Что касается моей работы как комиссара и как заместителя по политической части, то она была многогранной, особенно в период блокады, проводилась в тесном контакте с партийным, комсомольским бюро и месткомом. В моей работе мне всегда помогали партийный актив и офицеры-коммунисты, за что я всем им благодарен.

За время работы в части мне пришлось работать с шестью секретарями партбюро: со старшим политруком Добрецовым, капитанами Стриговым, Устимовым, Назаровым, Митрофановым, Красковым.

Все содержание организационной и политико-воспитательной работы было направлено на полное и качественное выполнение заданий командования Ленинградским фронтом, на воспитание любви к социалистической Родине и жгучей ненависти к фашистским захватчикам у каждого труженика базы.

Несмотря на тяжелое время, в условиях блокады партийная, комсомольская организации и местком неослабное внимание уделяли вопросам социалистического соревнования и учебы. Большое внимание уделялось гласности выполнения взятых сокобязательств. Регулярно итоги выполнения сокобязательств и достижения передовиков производства отражались в графиках и на стендах подразделений в части.

Победители награждались грамотами, заносились в книгу почета.

Когда вспоминаешь все пережитое за дни блокады города Ленинграда, хочется сказать: каким же хорошим, дружным, мужественным и трудолюбивым был коллектив нашей части. Пусть этот славный коллектив всегда будет таким!

1 апреля 1967 года

Награда находит героя

МАКСИМОВ Тимофей Семенович

Приближается большой всенародный праздник — День Победы. Почти семьдесят лет наш народ живет под мирным небом. Это они, мужественные защитники нашей Родины, дали возможность нам трудиться, строить новую жизнь. И те, кто не вернулся с поля боя.

Тимофей Семенович Максимов родился 4 февраля 1923 года, службу начал на Воронежском фронте. Был начальником артиллерийского полка снабжения (незадолго до начала войны он окончил артиллерийское училище.

В один из июньских дней 1964 года старший контрольный мастер кузнечного цеха Тимофей Семенович Максимов получил повестку из военкомата. Его приглашали для беседы. Какой разговор? О чем? Он строил различные предположения. Но то, что услышал в военкомате, стало большой неожиданностью.

«Вот и нашла Вас высокая награда! — сказал офицер, крепко пожимая Максиму руку. — Правда, с некоторым опозданием — через двадцать лет. Родина никогда не забывает о ратных подвигах своих сынов!»

Знакомство с приказом помогло восстановить подробности.

Октябрь 1944 года. В Карпатских горах много дней лил непрерывный дождь. Дороги размыло, они превратились в настоящее месиво. Но и в такую погоду артиллерийский полк продолжал преследовать отходившего противника. Отступая, немцы взорвали перевал. Обходного пути не было. Полк уходил, а колонна машин застряла. И тогда старший техник — лейтенант Максимов — принял твердое решение: любой ценой догнать полк. План был дерзким и смелым: с помощью мощных тросов и лебедок десятки груженных снарядами «студебеккеров» за короткое время были спущены по отвесному склону с 400-метровой высоты. Машины догнали уходивший полк.

Вскоре после этого Тимофей Семенович был послан на учебу в Высшую артиллерийскую школу. Потом снова вернулся на фронт. Воевал уже в других частях, о награждении ничего не знал.

Представитель военкомата приезжал на завод «Арсенал», где Тимофей Семенович трудился до и после войны, чтобы вручить награду Максиму в торжественной обстановке кузнечного цеха. Боевую награду — орден Отечественной

войны 2-й степени, которого он был удостоен в 1944 году.

Первую награду Тимофей Семенович получил осенью 1943 года за участие в боях при форсировании Днепра в районе Киева. Навсегда запомнился день, когда он принимал орден Красной Звезды из рук члена Военного совета Никиты Сергеевича Хрущева. В феврале 1944 года среди бойцов, награжденных медалью «За боевые заслуги», было и имя старшего техника лейтенанта Максимова.

А через месяц Родина снова отметила его за боевой подвиг, наградив орденом за взятие города-крепости Кременец на Тернопольщине.

Воевал Тимофей Семенович и на Дальневосточном фронте, освобождая Порт-Артур, принимал участие в освобождении Кореи.

Помимо орденов 1-й и 2-й степени Тимофей Семенович награжден иностранными орденами.

В 1955 году Максимов расстался с военной формой. Мобилизовавшись, он вернулся на родной завод, куда еще до войны пятнадцатилетним подростком пришел из школы ФЗУ. И проработал там до последнего дня своей жизни — 1993 года.

*Воспоминания вдовы
Тимофея Семеновича Максимова
Надежды Ивановны Дворцовой*

За Волгой для нас земли нет!

215

МАЛЕЕВ Николай Иванович

*Время придет — рассеется дым, смолкнет военный гром.
Шапку снимая при встрече с ним, скажет народ о нем:
Это железный русский солдат, он защищал Сталинград.*

В год 70-летия Победы наших войск под Сталинградом хочу кратко поделиться воспоминаниями о первой наступательной операции нашей 1-й гвардейской армии, которая прошла боевой путь от Дона до Чехословакии.

Как известно, 19 ноября 1942 года началась операция Красной Армии по окружению немецко-фашистских войск под Сталинградом. 23 ноября войска Донского и Сталинградского фронтов полностью окружили группировку Паулюса (330 тыс. человек). Гитлеровцы разработали план освобождения, для чего собрали ударные группы войск юго-западнее Сталинграда (Тормосин, Котельниково), куда вошли группа армий «Дон» и группа Манштейна.

В первых числах декабря 1942 года на КП 1-й гвардейской армии в поселке Верхний Мамон на Дону проходило совещание командования войск Юго-Западного, Сталинградского и Воронежского фронтов. В совещании принял участие представитель Ставки ВГК Александр Михайлович Василевский. Была разработана операция Красной Армии «Сатурн», осуществление

которой исключало возможность деблокаживания окруженных войск Паулюса. Осуществляли операцию войска Юго-Западного фронта, куда входила 1-я гвардейская армия, 6-я армия Воронежского, 51-я и 2-я гвардейские армии Сталинградского фронта.

Все армии были усилены крупными танковыми соединениями.

Первый удар наносила 1-я гвардейская армия совместно с 6-й армией (операция «Малый Сатурн»). Перед армией была поставлена задача (командующий — В. И. Кузнецов, впоследствии А. А. Гречко): используя танковые корпуса (18-й, 24-й и 25-й) разгромить 8-ю итальянскую армию и части немцев, перерезать железную дорогу магистрали Воронеж-Ростов и Сталинград-Донбасс и выйти в тыл Тормосинской группировки немцев. Армия получила рубеж на правом фланге ЮЗФ в районе среднего течения Дона от станции «Верхний Мамон» до станции Вешенская.

На рассвете 16 декабря 1942 года войска 1-й гвардейской армии перешли

Память сердца

в наступление, форсировали Дон, овладели городом Богучар и, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, начали продвигаться к железнодорожным узлам Чертково и Миллерово. 6-я армия овладела железнодорожной станцией «Кантемировка».

К 24 декабря войска 1-й гвардейской армии устроили фашистам три «котла»: в районе Черткова, севернее его и в районе Алексеево-Лозовское, где была полностью уничтожена крупная группировка гитлеровцев.

Примерно в это же время танковые части 24-го и 25-го танковых корпусов в результате сокрушительного рейда в тыл противника овладели железнодорожными станциями «Тацинская» и «Морозовск», перерезав железную дорогу Сталинград-Донбасс, и вышли в тыл Тормосинской группировки фашистов.

Когда командарму доложили об успехах танкистов, он даже за голову схватился — настолько это было дерзко. Наши танкисты ушли в тыл противника на 220 километров и оказались уже в тылу немцев, противостоящих Сталинградскому фронту. В Тацинской и Морозовске наши танкисты захватили большое количество эшелонов с различным вооружением (самолеты, танки, боеприпасы, продовольствие и пр.).

Используя успех нашей армии, перешли в наступление наш сосед слева — 3-я гвардейская армия, а также 2-я гвардейская армия (командарм Р. Я. Малиновский) и 51-я армия Сталинград-

ского фронта, которые, успешно отразив удар танковой группы Манштейна, нанесли ей крупное поражение, образовав «котлы» уничтожения в Котельниково и Шебалино. В результате успешной операции к 30 декабря только войсками 1-й гвардейской армии было пленено более 60 тысяч человек, захвачены большие трофеи, а фашистские войска были «отодвинуты» от Сталинграда на 160-320 километров к западу.

Создались условия для окончательной ликвидации окруженных войск Паулюса, и 10 января 1943 года войска Донского фронта (комфронта К. К. Рокоссовский) нанесли ошеломляющий удар артиллерией и начали операцию по уничтожению.

Надежда Гитлера на спасение окруженных войск рухнула, но он все же приказал удерживать занимаемый район с тем, чтобы сковать наши силы и обеспечить отход своих войск с Северного Кавказа. Однако, после ожесточенных боев, понеся огромные потери, Паулюс 1 февраля 1943 года принял решение о капитуляции. Операция «Уран» завершилась.

Так закончилась одна из крупнейших битв Второй мировой войны.

После нее стратегическая инициатива перешла в руки Красной Армии.

По завершении операции «Сатурн» 1-я гвардейская армия развернулась фронтом на запад и продолжала наступление в направлении городов Изюм, Балаклея, Чугуев, Харьков, где впоследствии участвовала в операции «Звезда».

Войну мы пережили в Белоруссии

МЫШКО Борис Минович

217

Я родился в Ленинграде на Васильевском острове 13 ноября 1938 года.

Мой отец был белорус по национальности. В 1941 году он отправил нас с матерью и сестрой Ниной 1935 года рождения в гости к своей матери в Белоруссию.

Вскоре началась война. Отец ушел на фронт, а мы до тех пор, пока не освободили Белоруссию, находились там. Война еще не закончилась, когда мать с нами, двумя детьми, поехала к своим родителям в Калининскую область, куда позже пришла похоронка на моего отца, Мышко Мина Артемьевича.

В Ленинград мы с матерью не возвращались.

Когда мне исполнилось 16 лет, я потерял правую руку, попал в льноколосилку...

Мать, Мышко Мария Ивановна, и моя сестра, Мышко Нина Миновна, работали в колхозе в бригаде.

Я с 12 лет пас коров, окончил сначала семь классов, а потом ходил в вечернюю школу, получил среднее образование. В 1975 году приехал в Ленинград, жил

в общежитии, работал на заводе «Лен-трублист» контроллером ОТК.

В настоящее время трижды в неделю пою в хоре русской песни «Травушка» (на Руставели, 12). А в другие дни — в хоре ветеранов Великой Отечественной войны имени Козлова (при Доме офицеров). В настоящее время репетируем на Руставели, 12. Часто выступаем в школах, воинских частях, колледжах, в детском доме во Всеволожке, в кадетском училище.

С хором «Травушка» выступаем в социальных учреждениях и клубах Калининского района и Концертном зале у Финляндского вокзала. По выходным езжу в Удельный парк, очень люблю гармошку. Не пропускаю передачу «Играй гармонь» по телевизору по субботам.

Принимал участие в фестивале «Кронштадтская осень» 2008 год, награжден дипломом.

Многократно получал благодарственные письма.

Участвовал в фестивале «Играй, гармонь!» в 2012 году, награжден дипломом.

Память сердца

Наша семья в годы войны

НИКИТИНА Людмила Павловна

Я родилась 21 августа 1937 года в деревне Воскресенск в Новгородской (тогда Ленинградской) области.

Родители были учителями. Отец, Савельев Павел Сергеевич, преподавал биологию, а мать, Анна Николаевна, — историю. Впоследствии она была удостоена звания «Заслуженный учитель». Дедушка и бабушка вели домашнее хозяйство. Все работали, не покладая рук.

В 1939 году родился мой брат Геннадий, в будущем — заслуженный работник сельского хозяйства.

Семья была дружной и обеспеченной. Ничто не предвещало беды. Но вот...

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война — самая кровопролитная за всю историю XX века. Немецкие войска стремительно наступали, и к середине июля в наших краях сложилась крайне тяжелая обстановка. Я была маленькой, но отчетливо помню, как в нашей деревне воцарились тревога и ожидание беды. Помню, как взрослые мужчины уходили на фронт и горькие сцены прощания с ними; как оставшиеся женщины, дети и старики рыли окопы на своих огородах. Помню свист пуль и снарядов, и как жители покидали свои родные места и уходили в глубь страны, спасаясь от вражеского нашествия.

19 августа 1941 года наши войска оставили Новгород.

Нашу семью: отца, мать и меня с братом — эвакуировали в Омскую область,

в степной край. Отец был освобожден от службы в армии, и поэтому он был с нами. Дедушка и бабушка уезжать отказались.

Хорошо помню, как хотелось есть, и еще помню, как мама, утопая в снегу, несла на руках моего брата, поторапливая меня: «Ну, иди же, Люсенька!». Мне было очень тяжело идти по такому глубокому снегу, но я шла.

После освобождения Новгородчины мы получили письмо с извещением о смерти нашего дедушки Сергея Савельича. Дедушка и бабушка остались в своем родном доме, а когда пришли фашисты, то местное население было согнано оккупантами в баню, где все они жили вместе. Дедушка не выдержал таких тяжелых условий и умер.

Когда читали письмо, папа плакал, и мы вместе с ним.

Говорят, что война не женское дело и что у войны не женское лицо, но, когда надо было защищать свою страну, рядом с мужчинами встали и женщины. Среди них были и две мои тети.

Моя родная тетушка Елизавета Сергеевна Савельева была военнообязанной, так как по специальности она медсестра. В начале войны ее призвали в действующую армию, где она добросовестно выполняла свой воинский и гражданский долг. На фронте она встретила свою любовь и судьбу — лейтенанта Виталия Владимировича Великанова. С ним она соединила свою жизнь, и хотя иногда у неко-

торых людей проскальзывает ироничное отношение к фронтовым бракам, их союз был крепким. Много лет они прожили вместе, сохраняя любовь и уважение друг к другу, и где бы им не приходилось быть: в Рязанском крае, Китае, Германии и других местах — они всегда были вместе. Последние годы они провели во Львове, где и окончился их жизненный путь. Сейчас там живет со своей семьей их дочь Елена.

Елизавета Сергеевна находилась в составе 2-го Белорусского фронта, когда в 1944 году ее демобилизовали, так как должен был родиться ребенок. Она уехала к свекрови в Ярославскую область. Там и появилась на свет дочь Леночка. Сюда же после Победы к ним приехал и муж моей тети лейтенант В. В. Великанов.

Моя вторая тетушка, Раиса Федоровна Коломина, родилась в 1925 году в Ленинграде. Ее отец, Федор Яковлевич, был крупным адвокатом, а мать, Мария Ефимовна, домохозяйкой. Когда началась война, все остались в городе.

Раиса Федоровна, совсем молоденькая девушка, стала служить в зенитной части, расположенной на Средней Рогатке, которая тогда была отдаленной окраиной города.

Зенитчицами в основном были молодые девушки. Они находились около своих орудий. Когда немецкие бомбардировщики со своим смертельным грузом приближались к Ленинграду и звучал сигнал воздушной тревоги, по которому все гражданское население обязано было укрыться в бомбоубежищах, они, ничем

не защищенные, оставались на своем боевом посту. Под градом осколков, верные своему воинскому и человеческому долгу, обстреливали самолеты противника, стараясь не подпустить их к центру города. Нередко им приходилось расплачиваться за это собственной жизнью.

В Ленинграде царил голод. Паек у военных был ненамного больше, чем у гражданских, они тоже голодали. Те военнослужащие, которые имели родственников в городе, старались их поддержать, и хотя военное начальство не разрешало делиться своим пайком, эти запреты не действовали. Моя тетя тоже отрывала часть от своего блокадного рациона и несла сэкономленные крохи родителям. Шла через весь город пешком, так как транспорт не работал. Родители выжили.

Однажды мы с Раисой Федоровной в Большом зале Филармонии слушали 7-ю симфонию Д. Д. Шостаковича, и она вспоминала о страшных годах блокады и немце, который хладнокровно сбрасывал бомбы на Ленинград, — самолет летел так низко, что она даже видела лицо фашиста.

После войны наша семья вернулась в родные, разоренные края. Все надо было восстанавливать. Было очень голодно, даже картошки не было. Жители мужественно боролись за выживание. Родители готовили разрушенную школу к приему учеников.

1 сентября 1944 года я пошла в первый класс. Помню свою первую учительницу

Клавдию Васильевну, добрую и заботливую к нам, детишкам военной поры.

В декабре 1945 года у меня родилась младшая сестра Леонора.

После окончания школы я из деревни приехала в Ленинград поступать в институт. Пока не определилась моя судьба, жила у родных, в семье моей тети Раисы Федоровны Коломиной. Я окончила Ленинградский государственный библиотечный институт им. Н. К. Крупской. Много лет работала в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и других

крупных библиотеках. Сейчас работаю в Доме ученых в Лесном.

У меня есть сын Сергей, квалифицированный рабочий, и невестка Татьяна, бухгалтер. У них два сына — мои внуки. Правнук Даниил в этом году пойдет в первый класс, а летом должен появиться еще один.

Почти все мои родные и близкие, которые спасли меня в годы войны и помогли в тяжелые послевоенные годы, уже ушли из жизни.

Я все помню, благодарна за все и храню в своей душе добрую память о них.

Боднар Елена «Праздничный салют». ГОУ СОШ №137, 6-й класс

Детские воспоминания о войне

ПАВЛОВА-ГУРЕЦКАЯ Тамара Станиславовна

Родилась я в Ленинграде 9 февраля 1937 года. Отец мой был репрессирован и расстрелян в 1938 году. Мама пережила блокаду в Ленинграде, имела медали. Сейчас уже никого нет, кроме меня и племянника, сына старшей сестры.

В своих воспоминаниях я пишу об оккупации последних лет войны, так как о начале войны я ничего не помню из-за малости лет.

В начале войны мне было всего четыре годика, поэтому я не могу говорить о начале войны и не могу сказать, как я попала в оккупацию, но некоторые более поздние события, когда мне было шесть-семь лет, я помню отчетливо.

Расскажу о нескольких эпизодах.

Как я хотела убить директора своего детского дома

В войну я оказалась в Полоцке. Я жила там с бабушкой Александрой Ивановной и сестрой Женей, которая была старше меня на восемь лет.

Город этот небольшой. У нас был свой дом, огород и маленький палисадник перед домом.

Бабушка не могла нас прокормить, поэтому отдала нас с сестрой в детский дом. В детдоме тоже было мало еды, но хоть что-то. Бабушка навещала нас в детдоме, приносила угощение. Так мы выживали.

Директор наш был мужчина средних лет, очень энергичный. Он часто общался с немцами. Мы это видели, так как немец-

кие казармы находились напротив детского дома. Он часто ездил с немцами на легковой машине, разговаривал и курил с ними.

И я решила его убить, так как он предатель. Мне уже было шесть лет. Я набрала камней и села недалеко от калитки директорского дома, который был через дорогу от детдома. Несколько раз я подстерегала его, но встретить его мне не удалось, а потом я забыла о своих намерениях.

После войны мы узнали, что директор нашего детдома Фарынка (имя и отчество я не помню) был советским разведчиком в тылу врага. О нем написана книга. Он спас от уничтожения 150 детей, так как у немцев было задумано использовать детей в качестве доноров крови для лечения немецких раненых солдат. Фарынка было присвоено звание Героя Советского Союза.

О манной каше

В детдоме кормили плохо, нам постоянно хотелось есть. И вот однажды мне приснилось, что моя мама (ее фото все время было со мной) предлагает мне съесть целую тарелку манной каши, а я во сне отказываюсь. Проснувшись и вспомнив сон, я разревелась, потому что была голодная. Плакала три дня.

Об опыте надо мной

Когда я была в детдоме, мы иногда подходили к казармам немцев, просили конфетки.

И однажды меня за руку немцы ввели в комнату казармы, там была табуретка.

Меня поставили на нее, раздели догола и облили какой-то жидкостью, а затем отправили в детдом.

Оказывается, жидкость была новым средством от чесотки. Мне сожгли всю кожу на теле. Вызвали бабушку, и она спасала меня от ожогов. Шрамы от ожогов на животе, остались до сих пор, а мне сейчас 75 лет. Даже не верится, что такое было.

О моей сестре, которую чуть не убили

Однажды, когда я и сестра Женя были у бабушки, к нам зашел патруль — немецкий солдат с винтовкой.

Увидев Женю, а у нее были темные вьющиеся волосы, патруль принял ее за еврейку. Он схватил Женю за волосы и потащил на огород расстреливать.

Бабушка упала в ноги солдата, умоляя не трогать внучку. После долгих уговоров, он отпустил Евгению. А мы после этого держали ее в подвале.

О том, как нас отправили в Литву

В конце войны немцы решили вывезти оставшееся население города в Литву. По нашей улице двигалась грузовая машина и останавливалась у каждого дома, чтобы забрать живущих. Я бегала по улице, видела эту машину и известила бабушку, чтобы она собирала вещи. Бабушка успела связать два узла, и нас повезли на станцию. Там погрузили в товарные вагоны. Вагоны были заполнены женщи-

нами и детьми. Громкий плач стоял там, так как все думали, что поезд отправят под откос. Так уже делали раньше: набивали людьми вагоны и пускали поезд под откос, а машинист выскакивал на ходу.

В этот раз поезд стоял долго, потом тронулся. Ехали мы долго. Вдруг ночью поезд остановился на какой-то станции, и нас стали выгружать из вагонов. Оказалось, что на станции нас ждали подводы с местными жителями, которые выбирали себе батраков. Меня и бабушку взяли в качестве нянек люди, у которых были маленькие дети. Бабушку к Зиночке, которой было всего две недельки (бабушка не спускала ее с рук потом), а меня — к Владику (ему было три года, а мне семь).

Кормили нас очень хорошо. Кувшин с парным молоком всегда был на столе — пей в любой момент.

Хозяин говорил по-русски, оказался социал-демократом, а хозяйка по-русски не знала ни слова.

Через несколько месяцев пришли наши войска. Помню радостное чувство, что не надо больше ничего бояться. Люди такие добрые, веселые.

Я случайно попала на глаза командиру военной части. Оказалось, у него тоже была доченька Тамара, и ей тоже было семь лет. Он посадил меня на лошадь, и мы ездили с ним на переговоры, так как я хорошо научилась говорить по-литовски. Командир познакомился с моей бабушкой и взял адрес моей мамы в Ленинграде. Когда войска двинулись

дальше, командир сообщил маме, что мы живы и здоровы и находимся в Литве. Благодаря ему, мама узнала о нас, а потом после войны приехала за нами в Полоцк.

О пупсе

И вот кончилась война. Я с бабушкой вернулась в Полоцк.

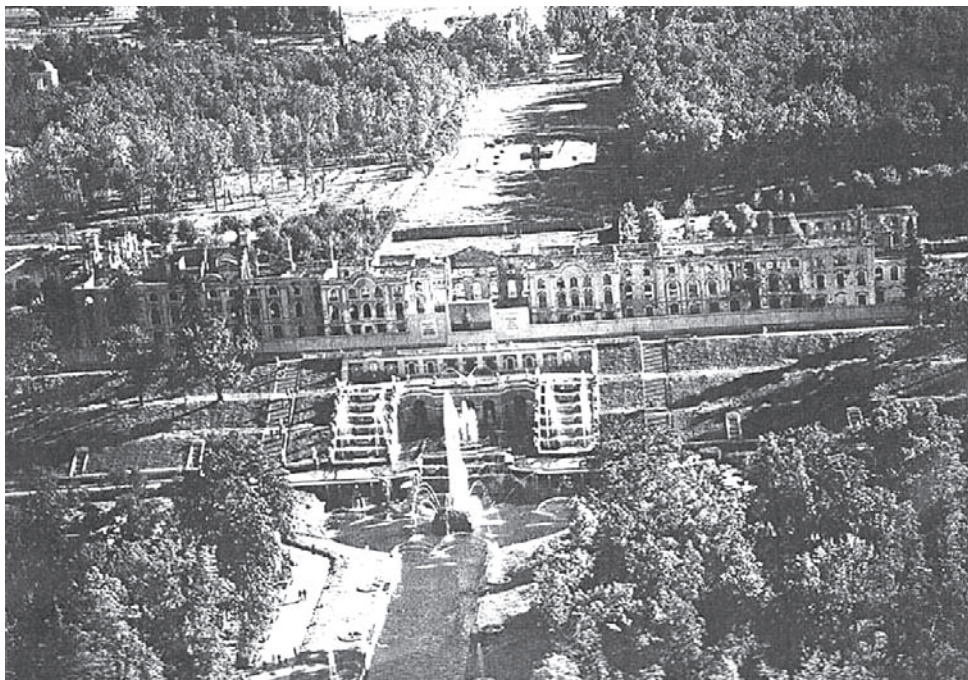
Город Полоцк превратился в пустыню — только трубы печные торчат. Видно далеко вокруг. А наш дом сохранился — это такое счастье! Из пятидесяти домов на нашей улице осталось только шесть, и наш в том числе.

Вскоре приехала моя сестра Женя и должна была приехать из Ленинграда мама, которую я не видела уже четыре года. Я все люблюсь на фото, где мама, бабушка, сестра и я. Наконец, бабушка объявляет — завтра приедет мама.

И вот она появляется в калитке. Я выбежала на крыльцо в одном чулке, а Женя уже бросилась на шею к матери с криком: «Мама!» А я посмотрела на нее — какая-то тетёха опухшая и некрасивая, сказала себе: «Ну, это-то не моя мама!» — и побежала обратно в дом. И как мать не заговаривала со мной, я к ней не подходила.

На второй день мама снова решила поговорить со мной и показала мне чудесного пупса, сказав, что если я подойду к ней, то получу этого пупса. Тут я не выдержала и мигом подбежала. Так я помирилась с мамой.

Разрушен был не только Полоцк, но и вся Россия. У мамы сохранилось фото Петергофа 1948 года, куда она ездила на экскурсию со своим коллективом по работе. Там хорошо виден разрушенный дворец Петергофа.

Как пришлось воевать

ПЕСКОВ Иван Иванович

Когда началась война, мне не было восемнадцати лет, но я пошел добровольцем защищать свою Родину. Меня взяли. Сразу же в учебной части я получил звание младшего командира и был отправлен на фронт под Смоленск, где меня тяжело ранило. Когда подлечили, я вернулся на фронт. Зимой я отморозил ноги, лежал в госпитале в Москве три месяца. Вылечился — и снова на фронт.

Попал в танковую часть командира танковой бригады Героя Советского Союза полковника Архипова, бесстрашного

человека. Мы шли с большими боями по Польше, потом пересекли границу и пошли по немецкой земле, освобождая километр за километром. Правда, мне не пришлось написать свою фамилию на Рейхстаге: не дойдя сорока километров до Берлина, я был тяжело ранен.

В настоящее время я инвалид Великой Отечественной войны 2-й группы. 7 августа 2012 года мне исполнилось 88 лет.

Я благодарю нашу Родину и наше правитель-

ство, которое заботится о нас.

Пусть всегда будут мир и счастье в нашей стране!

Военная юность

*Мне цвет защитный дорог,
Мне осень дорога —
Листвы последний ворох,
Отцветшие луга.*

.....

*И кружит лист последний
У детства на краю,
И я, двадцатилетний,
Под пулями встаю.*

А. Межиров

Я жила в бомбоубежище под Эрмитажем

225

ПЕТРОВА Елена Михайловна

Ленинград, май 1941 год. Закончены занятия в младших классах. Впереди — долгожданное лето, поездка на дачу, веселые каникулы, прогулки в лес за грибами, ягодами, игры, купание, катание на лодке — зависит от того, кто куда поедет. Нам, детям, ничто не предвещало беду. Я окончила второй класс средней школы №35, что была напротив Никольского собора. С нетерпением ожидала, когда поеду с бабушкой на дачу.

22 июня, воскресенье, прекрасный, не очень жаркий, солнечный день. Я, моя школьная подруга и наши мамы с утра пораньше отправились на прогулку в Петергоф — излюбленное место прогулок ленинградцев, — в парк, к фонтанам. Сфотографировались на память у одного фонтана, дали наши адреса фотографу (и к нашему удивлению и радости, несмотря на войну, получили этот ценный снимок, сделанный в день начала войны) и продолжили прогулку по тенистым аллеям, рассматривая многочисленные фонтаны причудливой формы. Конечно, не забыли и любимый грибок. Там всегда весело — один намок, другому удалось выскочить сухим.

В какой-то момент (около 12 часов) мы увидели толпу, стоящую около репродуктора. У многих на глазах были слезы, люди тихо, взволнованно переговаривались. Мы поняли, что случилось что-то страшное. Война!

Выслушав до конца заявление Молотова, люди кинулись на вокзал, скорей назад, в Ленинград. Давка в вагоне была невообразимая, всем хотелось поскорее вернуться домой.

Вечером пришел отец. Вспомнив, что, когда началась финская война, я слышала дома такую фразу: «Мы их (финнов) шапками закидаем», — я подошла к отцу его успокоить и повторила: «Мы их шапками закидаем». А отец очень серьезно мне ответил: «Нет, Аленка, эта война будет тяжелой». Его предсказание сбылось.

Помню, что сразу, в самом начале войны, оконные стекла мы заклеили крест-накрест полосками газет, как мне объяснили потом — чтобы они не вылетели от воздушной волны при взрывах бомб. Окна завесили темной тканью.

Началась эвакуация школьников. Мои родители решили, что я, мама и бабушка не будем уезжать из Ленинграда.

В сентябре, несмотря на тяжелую обстановку, некоторые школы все же приступили к занятиям. Мне не пришлось идти в школу — в нее попала бомба в один из первых налетов вражеской авиации.

Где-то в начале сентября при налете и сбросе множества зажигательных бомб на Бадаевских складах, где хранились запасы продовольствия, начался пожар. Помню столб черного дыма над городом. Расплавленный сахар, смешанный с землей и мусором, растекался по улицам. Ленинградцы собирали его. Помню, что на следующий день двоюродный брат, ко-

торый перед войной приехал к нам поступать в ремесленное училище и сразу в первые дни войны был призван на работу на военный завод, принес двухлитровый алюминиевый бидончик с этим сахаром (мы его называли «патока»). Как же он нам потом пригодился, когда мы пили кипяток!

Немцы быстро приближались к Ленинграду. Каждый день диктор по радио сообщал о сданных населенных пунктах около Ленинграда. И все мы с ужасом следили, как сжимается вражеское кольцо вокруг города: звучали все знакомые наименования — Сестрорецк, Гатчина (туда мы собирались на дачу) и др.

Как я потом узнала, было принято решение о выселении из Ленинграда обрусевших немцев и отправке их в удаленные от фронта районы страны (Казахстан, Сибирь и др.). В нашей коммунальной квартире жили две такие семьи — пожилой немец-часовщик с женой армянкой и их сын с женой еврейкой. Сын был вскоре депортирован, мать эвакуирована, а отец каким-то образом остался в Ленинграде.

Все, у кого имелись радиоприемники, были обязаны их сдать. Но в те времена таких людей было не очень много — например, в нашей огромной коммунальной квартире из 25 человек ни у кого их не было.

Репродукторы были в каждой семье. Периодически мы слушали сводки Совинформбюро о положении на фронтах, около Ленинграда, тяжело переживали отступление наших войск. Или диктор

ПЕТЕРГОВСКИЕ
ФОНТАНЫ 1941

громко объявлял: «Воздушная тревога, воздушная тревога!», — и зловеще завывала сирена на улицах города. Если передачи не было, по радио раздавался стук метронома — вот когда я с ним познакомилась. При тревоге он стучал быстро. Когда впоследствии дочка училась музыке, она его иногда включала. Тогда я и рассказала ей, какую роль он играл в блокаде. Радио мы никогда не выключали. При воздушной тревоге все находившиеся в этот момент в доме старики и маленькие дети спускались в бомбоубежище, в котором было очень темно и душно, а женщины (в том числе и моя мама) и подростки быстро поднимались на чердак. Если зажигалки пробивали крышу и падали на чердак, они хватали их щипцами и гасили в ящиках с песком. Воздушную тревогу объявляли при бомбежке, а при артобстрелах не помню никаких предупредительных сигналов.

В связи с соседом-немцем вспоминается такой случай. Однажды объявили воздушную тревогу, и я пошла позвать его, единственного оставшегося в квартире, спуститься вместе с нами в бомбоубежище. Постучала несколько раз в дверь, но он не отозвался. Тогда я открыла дверь и замерла на месте — он стоял в ярко освещенной комнате (это при полной светомаскировке во всем городе!) у открытого окна и, увидев меня, с восторгом закричал: «Посмотри, какая красота!» — небо освещалось перекрещивающимися прожекторами, высоко над городом висели огромные аэростаты

заграждения (несколько таких аэростатов, когда не было тревоги, располагались в Никольском саду напротив нашего дома), стреляли зенитки, в городе разрывались бомбы. Я в ужасе выбежала из комнаты.

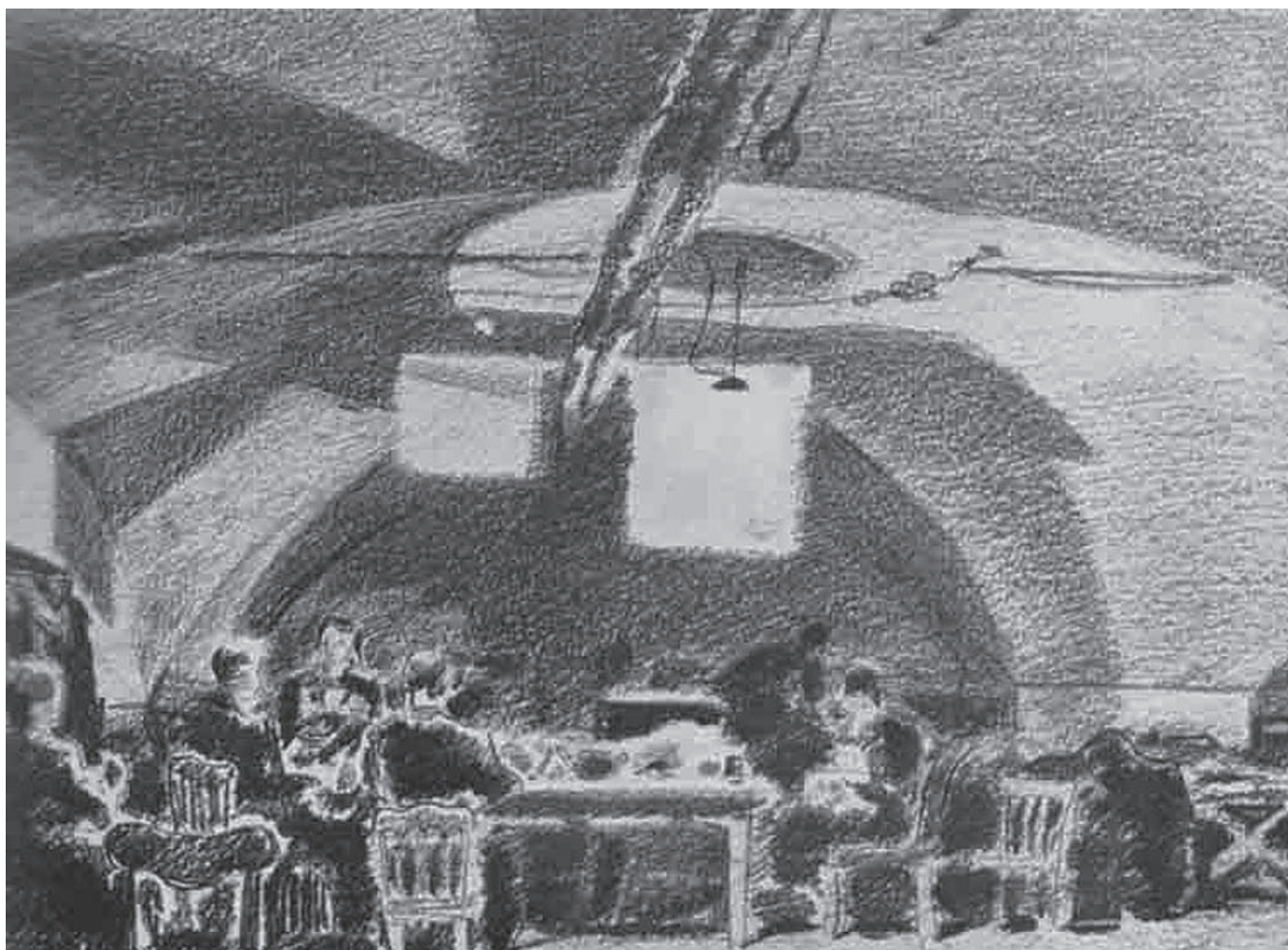
Вскоре он умер от голода, на который его обрекли его соотечественники.

Неожиданно приехал с Волховского фронта отец по делам редакции фронтовой газеты «В решающий бой», где он был корреспондентом. Он пробыл в городе несколько дней и однажды вернулся расстроенный, сказав, что зашел проведать свою бывшую одноклассницу, которая жила недалеко от нас, но оказалось, что Фриду... съели. Я ничего не поняла. Как это — тетю Фриду съели?! Меня в основном воспитывала бабушка, с раннего детства я учила басни Крылова, сказки Пушкина, стихи Некрасова. По утрам в 10 часов слушала по радио «Сказки бабушки Арины». И нигде не говорилось, что можно съесть человека. Это было для меня огромным потрясением. Потом мне объяснили, и я долго не могла успокоиться. В тот период о каннибализме в Ленинграде было запрещено говорить, но слухи все-таки начали просачиваться.

В этот свой приезд в последний день отец сказал нам: «Быстро собирайте все необходимые вещи: одеяла, подушки, постельное белье, одежду, немного посуды. Вы будете жить в бомбоубежище под Эрмитажем».

Так началась наша новая жизнь вне дома во время блокады Ленинграда.

Художник А. Никольский. «Эрмитаж. Бомбоубежище». 1941 г.

Подвалы зданий Эрмитажа были превращены в бомбоубежища. В них жили и работали сотрудники Эрмитажа и их семьи, архитекторы, художники, сотрудники Академии наук, Академии художеств, Медицинской академии, артисты и др.

Сначала нас поселили в бомбоубежище, вход в которое был с Малого подъезда, с Невы. Часто ночью мы просыпались от взрывов — это взрывались бомбы замедленного действия, упавшие во время

бомбежки города в Неву. Вскоре нас перевели в другое бомбоубежище, вход в которое был со стороны Дворцовой площади.

Однажды, когда мы шли туда вдоль Зимней канавки, начался артобстрел. Немецкий снаряд попал в портик Нового Эрмитажа и «ранил» одного из Атлантов, раскаленные осколки посыпались к нашим ногам. Мы чудом избежали если не смерти, то, наверняка, ранения, так как еще не успели завернуть за угол здания.

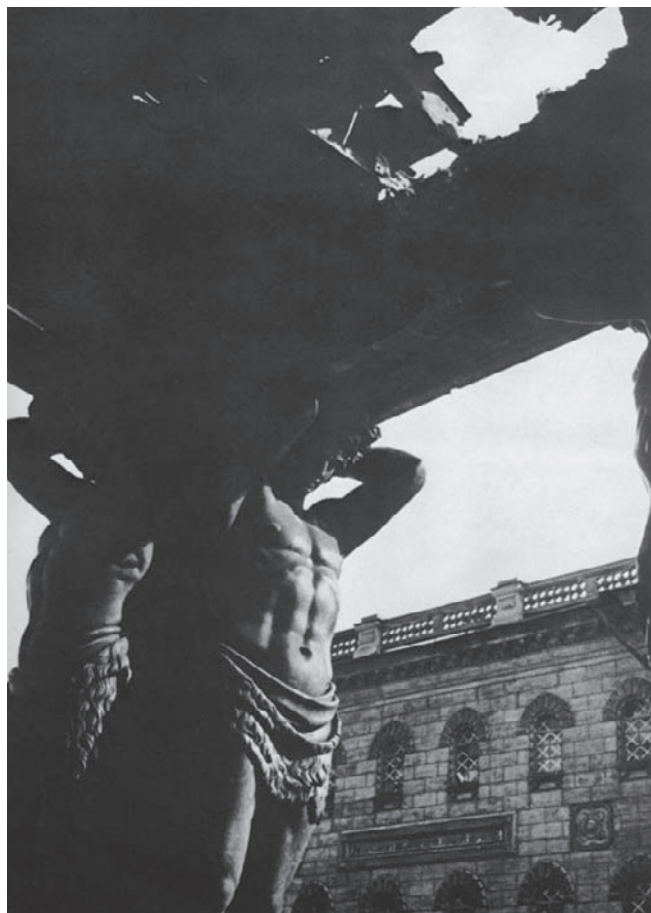

Наше новое бомбоубежище представляло собой длинный подвал с нишами по обе стороны прохода (возможно, ниши были только с одной стороны — прошло столько лет, и память может мне изменять). Вдоль прохода около стен и в нишах стояли топчаны (нары). Те, кто занимали ниши, отгородились занавесками. Наш топчан стоял в проходе и нельзя было повесить занавеску.

Рядом с нами в нише за занавеской жила семья папиного заместителя Егорова: мама, бабушка и девочка Лена, старше меня на два года. Перед уходом на фронт отец попросил Егорова помогать нам в случае необходимости. Я до сих пор хорошо помню эту «помощь» — по вечерам моя соседка за занавеской что-то аппетитно грызла — или сухари, или шоколад. Этот раздражающий хруст я долго не могла забыть. Я лежала на нарах и гадала, чем же она подкрепляется каждый вечер. Голод был нестерпимым, хотелось погрызть хоть какую-нибудь сухую корочку хлеба.

Днем обитатели бомбоубежища уходили — кто на работу, кто в свою квартиру. По вечерам собирались у кого-нибудь на нарах, обсуждали положение в городе и на фронтах. К нам на нары часто присаживался и разговаривал с мамой и бабушкой художник Николай Васильевич Дыдыкин. Его нары были под номером 617, а бабушка занимала нары 619.

Мне как-то неудобно ограничиться только упоминанием о том, что я жила в бомбоубежище под Эрмитажем в близ-

Атланты. 1943

ком соседстве с таким замечательным человеком, художником (впоследствии скульптором) Николаем Васильевичем Дыдыкиным. Но в то время мне не было еще и десяти лет, я не прислушивалась специально к разговорам взрослых, а если бы и прислушивалась, едва ли могла их помнить столько лет.

Поэтому я сочла уместным дополнить свои воспоминания небольшими сведениями, которые были мне любезно представлены заведующей отделом музея-квартиры Н. В. Дыдыкина Натальей Борисовной Бушковой.

Николай Васильевич Дыдыкин родился в 1894 году в семье потомственных палехских иконописцев. Он и сам был великолепным иконописцем. В дальнейшем увлекся ваянием и учился у Манизера и Лишева.

Его летняя мастерская была в центре Палеха, в родовой усадьбе. Уютный дом, увитый виноградом, окружен кустами сирени, жасмина и пионов — любимых цветов Николая Васильевича. Каждое лето он приезжал в Палех в длительный отпуск. Он очень любил Палех, высоко ценил талант основателей знаменитого во всем мире искусства лаковой миниатюры.

У него была дружная семья — жена Александра Михайловна, дочь Зоя и сын Володя. Володя писал стихи, мечтал стать художником. В 1942 году он окончил школу, вскоре получил повестку и в августе ушел на фронт. В последнем письме с фронта он писал, что завтра уходит в бой. Больше писем не было. Семья надеялась, что Володя жив, посылала запросы, но безрезультатно. Володя пропал без вести под Сталинградом.

Николай Васильевич долго не мог работать. В центре сада он установил бронзовый бюст своего сына с надписью на гранитном постаменте:

*«Володя Дыдыкин — погиб за Родину
в битве с фашизмом».*

В своей работе «Вынос с поля боя раненого» он изобразил облик Володи.

За успехи в области ваяния Н. В. Дыдыкин многократно награждался призами

и медалями всесоюзных и международных выставок.

Наиболее известная работа Николая Васильевича — памятник Пушкину, установленный во дворе квартиры поэта на набережной реки Мойки. Последняя его работа — бюст Альберта Швейцера, лауреата Нобелевской премии мира (1974 г.).

Вначале в бомбоубежище было светло и тепло, проходила теплофикационная труба. Вдоль всего убежища горели лампы (как я потом узнала, электричество подавали с корабля, стоявшего напротив Эрмитажа).

Еду (вернее, бурду) бабушка готовила дома. Жили мы сравнительно недалеко от Эрмитажа, транспорта никакого не было, и она ходила домой пешком по снегу. Однажды она вернулась радостная — нашла дома баночку кофейной гущи (от ржаного кофе), немного муки и бутылочку касторового масла. Из этих «продуктов» смастерила лепешки — был настоящий праздник. Вкуса их я уже не помню, но, наверно, это было нечто волшебное. Карточки бабушка или мама ходили отоваривать в магазин недалеко от Эрмитажа, на улицу Халтурина (теперь Миллионная). Однажды бабушка ушла в магазин и очень долго не возвращалась. Мы уже начали волноваться и собирались идти ее искать. Вскоре она пришла и рассказала, что, стоя в очереди, потеряла от голода сознание и упала. Люди, стоявшие в очереди, привели ее в чувство, подали ей сумку, в которой были все карточки на троих

на месяц, и проводили ее до ворот Эрмитажа. В такое страшное, голодное время стоявшие в очереди ленинградцы, истощенные от голода, проявили величайшее благородство: никто не позарился на эти карточки.

Днем, если не было воздушной тревоги (а немцы обычно бомбили город ночью), я выходила с Леной во двор (не помню, были ли около нас еще дети). Стояли сильные морозы, мы раскатали во дворе ледяную дорожку и катались. Или собирали во дворе позолоченные завитушки от картинных рам, которые, вероятно, отломались при упаковке музейных экспонатов.

В бомбоубежище около нас жила пожилая дама. Она начала обучать нас немецкому языку — и это под немецкими бомбами!

В этом бомбоубежище мы чувствовали себя очень надежно, не было страха, что бомба может пробить его толстые своды. Там даже не были слышны завывания сирены и взрывы в городе.

Часто по бомбоубежищу пробегал (точнее проносился) директор Эрмитажа Иосиф Абгарович Орбели, в военном полушубке, борода развевалась, глаза горели. Первый раз я увидела его и запомнила, когда нас поселили в бомбоубежище, вход в которое был со стороны Невы. Там был буфет, мы стояли в очереди и получали по кусочку хлеба и по тарелке чечевицы. Однажды в очереди разразился скандал — какой-то мужчина стащил (неудобно употреблять слово «украл»)

этот крошечный кусочек хлеба у стоящего впереди, и Орбели, который в этот момент или проходил мимо, или тоже стоял в очереди, набросился на несчастного «вора» и громко его стыдил и ругал.

Кстати, та чечевица была очень вкусная, ела я ее впервые, и впоследствии она стала одним из моих любимых блюд.

Новый, 1942-й, год мне не запомнился — наверно, это был для нас такой же день, как и остальные: постоянное чувство жуткого голода и страх. Вспоминалась в тот день огромная елка дома, увешанная игрушками, конфетами, мандаринами, орехами; празднование Нового года в школе, в кукольном театре Евгения Деммени, куда я часто ходила с бабушкой. Теперь были нары, слабый свет, рядом — истощенные люди, движущиеся в проходе между нарами, как призраки. У всех был измученный вид. И все-таки, несмотря на эти страшные условия, голод, бомбежки, люди держались, жили с надеждой, что придет конец мучениям.

Самый страшный момент запомнился в ночь под Рождество, когда в бомбоубежище влетел И. А. Орбели с криком: «Быстро собирайте вещи и все выходите! Бомбоубежище заливают, бомба попала в водопровод и канализацию!».

Так, морозной ночью мы и остальные обитатели бомбоубежища оказались с вещами на снегу перед воротами во двор Эрмитажа. Мама на какое-то время отлучилась, и вдруг, как по мановению волшебной палочки, перед нами оказалась

лошадь с санями и возницей, и мы благополучно вернулись домой. Так и осталось для меня загадкой: как в такое голодное время, когда были уже съедены все животные и птицы, ей удалось найти ночью лошадь с санями?

Начался новый блокадный период нашей жизни — дома. Коммунальная квартира из десяти комнат была пуста. Единственная соседка была на военном положении и домой не возвращалась.

Наш быт во время блокады был ужасающим. Трудно добавить еще что-то новое к сказанному и описанному в литературе. Температура в комнатах была чуть выше нуля. Спали обычно не раздеваясь. Укрывались всем, что подходило для этой цели. Зимой 1941 года температура доходила до -30°C . В доме замерзли водопроводные и канализационные трубы. Мы с мамой носили из Никольского садика снег, растапливали его на буржуйке. В саду он был сравнительно чистый. На улицах встречали изможденных женщин, тянувших санки, на которых стояла посуда с водой — многие ходили на Неву и брали воду из проруби, простаивая часами на морозе в очереди.

При артобстрелах мы уже не спускались в бомбоубежище. При одном из таких артобстрелов в комнату по диагонали от нашей попал снаряд и застрял на втором этаже. Стекла в окнах комнат, выходящих на улицу, были выбиты, холод был жуткий. Наши окна выходили во двор, и так как еще с начала войны они были

заклеены полосками газет, удалось сохранить их целыми. Во дворе и на лестнице была грязь. У нас было два входа — «черный» — со двора и «парадный» — с улицы. Ступеньки лестницы черного входа были покрыты замерзшими нечистотами, ходить было скользко. Мы пользовались только черным входом, парадный был заперт на замок и огромный тяжелый крюк.

Буржуйка была спасением в блокадном Ленинграде. Нам буржуйку принес мой двоюродный брат. Он сам ее сделал на заводе, где работал с начала войны. А было ему всего 15 лет. В буржуйке мы жгли все, что горело. Большую круглую печку, стоявшую посреди тонкой стенки, разделявшей комнату на две смежные, топить было нечем. Еще в первые дни холодов сожгли немного дров, оставшихся с прошлогодней зимы. Теперь в ход пошли старые вещи, но их было немного, жгли учебники. На растопку использовали книги — и это было трудно переносить. Осталось несколько — чудом уцелели «Мертвые души», томик Джонатана Свифта «Гулливер в Стране лиллипутов», «История XIX века», «Шахматные задачи», «Севастопольские рассказы» и «Талейран» Е. Тарле. И всё...

В основном же топили ящиками изпод овощей. Здесь мне хочется сказать пару хороших слов о нашем управдоме Д. Калошине. Это был очень порядочный и сострадательный человек. Периодически он приглашал маму «в поход» за этими ящиками. Он ухитрялся влезать через

окно в бывший овощной склад в подвале соседнего дома и оттуда подавал нам пустые ящики. Ходить к этому подвалу надо было через проходной двор, почти ночью, в полной темноте. Я всегда ходила с мамой. Было очень страшно, но выхода не было. Буржуйка давала тепло, только пока в ней что-то горело. В основном огонь использовали, чтобы вскипятить воду для «чая» или сварить суп. Горячая вода и была нашим «чаем». Во время «чаепития» подкладывали друг другу кусочек конфеты — «подушечки» с повидлом внутри. Наверное, сахар по карточкам выдавали очень редко. «Чай» пили вприкуску, хотя кусать было нечего. Но с тех пор чай вприкуску у меня вошел в привычку, хотя в этом уже не было надобности.

На этой же буржуйке варили суп, точнее баланду. Это была безвкусная жидкость, содержащая немного крупы (запомнилась перловая).

Карточную систему на все продукты ввели летом. У мамы и бабушки были иждивенческие карточки, у меня — детская. Я никогда не забуду норму — 125 граммов хлеба. Но что это был за хлеб? В нем почти не было муки, он был мокрый, тяжелый и напоминал скорее кусок глины. Обычно мы его подсушивали на буржуйке.

Электричества не было. Вначале, пока еще сохранилось несколько поленьев специально для освещения, я откалывала ножом от полена несколько лучинок, и при необходимости их зажигали, но от них было много дыма. Для более продолжи-

тельного освещения зажигали коптилку моего изобретения (она, к счастью, не дымила).

Это была крошечная стеклянная баночка из-под мази объемом порядка двух чайных ложек, с металлической крышечкой, через которую в проделанное отверстие была просунута трубочка из очень тонкой жести с фитильком внутри. В баночку наливался керосин (у нас было немного керосина — однажды его давали по карточкам еще в начале войны; помню, как ходила с бабушкой за ним в соседнюю керосиновую лавку — так тогда называли эти хозяйственные магазины), и поджигался фитилек. Это свое блокадное изобретение я берегу как большую драгоценность.

Однажды в конце февраля 1942 года, когда мы собирались ложиться спать, раздался сильный, настойчивый стук в парадную дверь. Мы перепугались, так как не пользовались парадным входом еще с начала блокады и никого не ждали. Мама пошла спросить, кто стучит. К нашей огромной радости, это был папа! Он приехал с фронта взять какое-то оборудование для редакции своей фронтовой газеты «В решающий бой». По приезде сказал нам быстро собирать самые необходимые вещи и приготовиться к отъезду. Он пробыл в городе семь дней (об этом я уже узнала два года назад, когда прочитала «Военные письма и дневники» ленинградского писателя Павла Лукницкого, который встретился с моим отцом на Волховском фронте, в редакции этой газеты).

Отец возвращался усталый и расстроенный от всего, что видел в осажденном Ленинграде: разрушенные дома; еле живых людей, едва передвигающих ноги; остановившийся, покрытый снегом транспорт; женщин, тянущих санки с покойниками, завернутыми в одеяла.

И вот настал день отъезда. В этот день — 28 февраля — бабушке исполнилось 67 лет. Эту дату я всегда хорошо помнила, а два года назад получила подтверждение из архивной справки от Администрации губернатора Санкт-Петербурга.

Накануне, когда собирали вещи, я пыталась спрятать что-нибудь из любимых книг, но папа не разрешал, однако я все же ухитрилась засунуть «Гулливера в Стране лиллипутов». Так эта книжка и пропутешествовала со мной в Череповец и обратно, и сейчас еще жива, стоит на полке.

Рано утром мы начали переносить вещи в грузовик-фургон. Устроились на тюках, брезент застегнули, внутри было темно и холодно. Из всех щелей дул ледяной ветер. Фургон двинулся в сторону Ладожского озера, к Дороге жизни. Ехали два дня, останавливались только, если впереди были пробки. А пробки были очень часто.

Когда переезжали Ладожское озеро, часто слышали близко взрывы, осколки льда засыпали фургон. Мы сидели внутри, прижавшись друг к другу. С нами ехал мальчик, но я не успела перед поездкой его рассмотреть и не знала, кто он.

2 марта мы прибыли в Волхов-1 — дату и место я прочитала в книге писателя П. Н. Лукницкого. В тот момент он уже находился в редакции газеты «В решающий бой» и на следующий день сделал запись в своем дневнике:

«С Гусевым приехал сотрудник редакции, лейтенант Максимов, привез свою семью, отправляет ее в Череповец. Сейчас он сидит в редакции, рассказывает о Ленинграде».

Редакция и типография находились в небольшом деревянном домике. Внутри были тепло и светло. Я уже отвыкла и от тепла, и от света — дома окна были всегда завешены одеялами и всегда было холодно. Теперь я рассмотрела и мальчика, который приехал с нами. Это был сын главного редактора Душенкова, Володя.

В Волхове мы пробыли несколько дней в ожидании теплушки на Череповец. В одну сторону шли переполненные поезда на фронт, в другую — поезда с эвакуированными и ранеными. За то время, пока мы были в Волхове, его несколько раз бомбили, одна бомба разорвалась очень близко от редакции. Наконец нам удалось втиснуться в теплушку. И вот мы в Череповце. Мучения кончились.

Потом папа прислал письмо, в котором сообщил, что на следующий день после нашего отъезда в дом редакции попала бомба, но внутри, к счастью, никого не было.

Так мы в третий раз избежали смерти.

САМОХВАЛОВА Анастасия Семеновна

Блокадный букет

Осенью 1942 года я, военврач 3-го ранга, раза два в неделю направлялась в госпитали 42-й армии, в тех случаях, когда требовалась консультация ЛОР-врача. Эти выходы в город давали мне возможность побывать дома. В нашем доме на Каменном острове почти ни души — кто-то умер, кто-то эвакуировался. Всюду тишина, только шуршат мыши — объедают корешки книг.

Так было и в этот темный, серый день. Над городом — низкие тучи, нудный дождь. Когда я вошла в квартиру, репродуктор сообщил, что район подвергается артиллерийскому обстрелу. Не помню, сколько времени пришлось ждать, но вот дали «отбой», и я пошла через Малую Невку по Кировскому проспекту к площади Льва Толстого. Прохожих почти не было, а те, что встречались, шли с понурыми лицами, одетые в ватники или старые пальто, кое-кто с нехитрым сельхозинвентарем на плече. Шли, очевидно, в Новую деревню, на свои блокадные огороды, собрать драгоценную в то время капустную «хряпу».

И вдруг я вижу, на перекрестке Большого и Кировского проспектов, под ча-

сами на здании школы что-то светлое. Подошла ближе и увидела красивую, седую, стройную женщину. Светло-серое пальто чересчур свободными складками падало с плеч, маленькая бархатная шляпка-лодочка кокетливо сидела на седых волосах. Когда подошла ближе — узнала. Это была Зинаида Васильевна Оглоблина, доцент кафедры хирургии профессора Джанелидзе (она читала нам, студентам, курс военно-полевой хирургии). Рядом с ней стояла врач-хирург с «Большого, 100» (так мы, студенты 1-го ЛМИ называли Институт скорой помощи). Они о чем-то оживленно разговаривали, улыбались. На полусогнутой правой руке Зинаиды Васильевны лежал белый атласный, отстроченный пышными кружевами футляр, а в нем — блокадный букет. Хорошо отмытые, хвостами вверх цвета слоновой кости турнепс, ярко-оранжевая морковь и темно-красная, как запекшаяся кровь, свекла. Сверху их украшали нежно-зеленые стебли и листья турнепса, яркая зелень моркови и мощные багряно-зеленые листья свеклы. Проходя мимо, я поклонилась, жадно вглядываясь в букет.

сами на здании школы что-то светлое. Подошла ближе и увидела красивую, седую, стройную женщину. Светло-серое пальто чересчур свободными складками падало с плеч, маленькая бархатная шляпка-лодочка кокетливо сидела на седых волосах. Когда подошла ближе — узнала. Это была Зинаида Васильевна Оглоблина, доцент кафедры хирургии профессора Джанелидзе (она читала нам, студентам, курс военно-полевой хирургии). Рядом с ней стояла врач-хирург с «Большого, 100» (так мы, студенты 1-го ЛМИ называли Институт скорой помощи). Они о чем-то оживленно разговаривали, улыбались. На полусогнутой правой руке Зинаиды Васильевны лежал белый атласный, отстроченный пышными кружевами футляр, а в нем — блокадный букет. Хорошо отмытые, хвостами вверх цвета слоновой кости турнепс, ярко-оранжевая морковь и темно-красная, как запекшаяся кровь, свекла. Сверху их украшали нежно-зеленые стебли и листья турнепса, яркая зелень моркови и мощные багряно-зеленые листья свеклы. Проходя мимо, я поклонилась, жадно вглядываясь в букет.

Медицинский осмотр ребенка, найденного под развалинами жилого дома у трупa матери. 1942 г.

Зинаида Васильевна ответила мне, ласковым взглядом окинув мою шинель и тяжелый противогаз. Я шла и все думала-гадала, куда же это отправилась Зинаида Васильевна в этот серый ненастный день такая нарядная с блокадным букетом в атласном футляре? Кого она осчастливит своим чудесным букетом? И вдруг вспомнила — ведь сегодня 30 сентября! Сегодня именинницы Вера, Надежда, Любовь, и ее букет воплощает эти чувства. Мы, ленинградцы, как и все люди нашей страны, живем этими чувствами. Мы верим в нашу Победу, надеемся на скорое освобождение Ленинграда из тисков блокады и любим наш город, нашу армию и нашу Родину.

Подходя к улице Скороходова, я увидела на трамвайной линии аварийную машину. Рабочие соединяли порванные провода, а мостовая у рельсов была густо засыпана песком. Это значит, пока я сидела у себя дома, — здесь произошла очередная трагедия. Через три с половиной

месяца и надежда наша сбылась — кольцо блокады было прорвано. Прошло много лет, а у меня перед глазами стоит образ З. В. Оглоблиной с «блокадным букетом» на полусогнутой правой руке.

Дом падает

В яркий солнечный день, кажется, в 1943 году, я ехала в трамвае с Выборгской стороны через Литейный мост.

Когда трамвай начал спускаться на Литейный проспект, пассажиры заволновались, кто-то крикнул: «Дом падает! Остановите трамвай!», но вагоновожатая спокойно вела его уже по проспекту. Я также вытянула шею и увидела, что дом не падал, но его парадный четырех- или пятиэтажный фасад колыхался во все стороны, между этажами зияли щели, через них пробивались солнечные лучи. Сразу же мелькнула мысль: «Бомбежка? Артобстрел?»

Но ни гула самолетов, ни взрыва снарядов не слышно. В этот момент трамвай прошел прямо падающего дома, и тогда мы увидели, что это была всего лишь декорация. За фанерными щитами, на которых так умело был нарисован фасад дома, были видны руины разрушенного здания. Все ехавшие в трамвае облегченно вздохнули.

Не знаю точно, убрали эту декорацию или она так под ветром и рухнула, мне больше не пришлось проезжать мимо, а когда вернулась в Ленинград в 1946 году, некогда было интересоваться этим домом.

Вспоминая былое

Прошло 40 лет с тех пор как Ленинград был освобожден от вражеской блокады. Мы, свидетели событий тех дней, постарели на 40 лет, забылись многие детали, но память сохранила главные события, связанные с жизнью эвакуогоспиталя 926 в составе 42-й армии у Витебского вокзала.

В декабре 1943 года неоднократно посещало наш госпиталь начальство Санитарного управления фронта и армии, заметно увеличилось количество медицинских сестер и сандружинниц, пополнился штат врачей, которым, казалось, и делать было нечего, так как где-то в середине декабря был отдан приказ постепенно эвакуировать раненых во фронтовые госпитали. Последних своих ЛОР-раненых и больных я сама сопровождала во фронтовой госпиталь на Тучковой набережной в первых числах января 1944 года, в эти дни наш госпиталь был пустым. Мы понимали, что надвигаются крупные события, но когда они произойдут — не знали.

Хорошо помню: утром 15 января 1944 года мы услышали сплошной гул артил-

Так выглядели дети блокадного Ленинграда, находившиеся в клиниках ЛПМИ

лерии. По замерзшим окнам метались световые «зайчики». Мы привыкли к пушечной стрельбе, но такого еще никогда не было. Так продолжалось часа два, а во второй половине дня начали поступать раненые, и до 27 января 1944 года мы потеряли представление о времени суток, так как бесконечный поток раненых не выпускал из операционной. Мы знали, что наша армия бьет фашистов, гонит их от Ленинграда, и, когда по радио сообщили, что наши войска соединились в Ропше с бойцами Волховского фронта, нашей радости не было предела, хотя мы, медицинские работники, и видели, какой ценой досталась нам победа — горячей кровью солдат полита земля от Пулкова до Ропши.

К 27 января поступление раненых в наш госпиталь прекратилось, и нам приказали отдыхать. Некоторые сотрудники отправились на набережную Невы посмотреть торжественный артиллерийский салют в честь освобождения Ленинграда от блокады. 30 января 1944 года нас посадили в грузовики, и мы двинулись в Красное Село, проехали район Пулкова — земля была буквально перепахана, кое-где валялись куски рваных шинелей и то, что мы теперь называем металлоломом, — проскочили горящую Гатчину. Дальше наша дорога шла на Псков.

При воспоминании о пережитом, сердце наполняется горячей благодарностью к живым и тем, кто покоится в братских могилах на Пулковских высотах и Чесменском кладбище. Нет войне!

Никто не думал, что нас ждет такое испытание

СЕМЕНОВА Нина Лукинична

Еще до войны я пошла работать на фабрику им. Володарского. Мы тогда жили на канале Грибоедова, 79, на углу с проспектом Майорова. Мама была инвалидом, не работала. Работал один отец. Надо было помогать. Семья у нас была из пяти человек.

Когда началась война, никто не думал, что нас всех ждет такое страшное испытание. Кто в это время был в Ленинграде, знают, как нам всем пришлось жить: холод, голод, обстрелы... Я один раз попала под обстрел, очень было страшно.

На семью мы получали всего килограмм хлеба. Да какого!.. — и говорить нечего. Очередь у булочной приходилось занимать в пять утра, чтобы хватало хлеба — привоз был очень маленький.

Ходили с мамой на Сенной рынок, меняли на хлеб все, что только можно было обменять. Рвали траву, да травы толком не было. Пытались добраться до Автово — там можно было набрать мороженных листьев капусты. Добрались до Кировского завода — дальше нас не пустили пограничники. Рвали, где придется, лопух, варили его корни и ели. У меня была цинга, выписали мне пить хвою на спирту.

Все пережили, без света, без воды и тепла.

Были горы отходов, весной приходилось убирать. Когда был жив отец, сдела-

ли фитилек, и с этим фитильком вместо светильника прожили два года. Дом напротив нашего разбило снарядом, у нас вылетели все стекла. Заделывали, чем придется. Так и жили всю зиму 1941-1942 года — в темноте, холоде и голоде.

В конце марта 1942 года умерли отец и младшая сестра. Мы с мамой отвозили их на санках туда, где принимали умерших. Потом их увозили на машинах на Пискаревку, в братские могилы.

Старшая сестра была на окопах под Кингисеппом. Над ними все время низко летали немецкие самолеты, обстреливали и сбрасывали листовки: «Дамочки, вы для себя роете ямочки». Очень много погибло там людей, но моей сестре удалось сбежать с женщинами до Ленинграда. Лежала потом почти два месяца с разбитыми ногами, не могла даже вставать, до крови были разбиты ноги.

Вот так мы жили в трудные военные годы.

Из нашей семьи я осталась одна. До пенсии работала на абразивном заводе «Ильич», общий рабочий стаж 38 лет. Ветеран труда, имею медаль «За оборону Ленинграда». Удостоверение участника Великой Отечественной войны, статья 15. Еле хожу, слепну, плохо слышу. Мне скоро 89 лет.

Воскресшая из мертвых

СТАРОСТИНА Зинаида Алексеевна

1941 год. Город в кольце врагов — началась блокада Ленинграда. В октябре четыре бомбы попали в наш дом на углу Обводного канала и Измайловского проспекта (б. Красных Командиров). Для меня, десятилетней, потерявшей кров, болью и кровоточащей раной стал вид разбитого дома — в развалинах, в огне. Я не осознавала еще тогда, что и сама-то чудом осталась жива, и смотрела, как вытаскивали из-под обломков разбухших, синих, окровавленных знакомых — живых и мертвых. Жутко было смотреть на еле державшуюся балку с беспомощно висевшим на ней мальчиком, моим одноклассником. Он безумно, надрывно кричал, взывая о помощи, и вдруг замолчал навечно, когда балка обрушилась. Этого мне не забыть никогда!

Все оставшиеся в живых получили жилье на разных улицах, в квартирах эвакуированных или уже умерших. Нам с мамой досталась квартира на 12-й Красноармейской — на верхнем этаже. Тяжело было подниматься, носить воду, которую мы брали в проруби на Фонтанке. Наступило страшное, невозможное для жизни время — февраль 1942 года. Зима

выдалась жестокая. Бомбежки, голод, морозы, от которых в квартирах замерзала вода. Из-за часто объявляемых по радио тревог и голодного бессилия я в школу не ходила. Но спускаться в магазин и отоваривать карточки мне, конечно же, приходилось. Стояли на морозе, ждали часами. Мама работала на заводе, у станка и днем, и ночью. Домой ее отпускали редко. Женщины

делали детали для гранат, еще горячими отправляя их на сборку, а затем сразу же — на фронт. По своей природе мама моя была хрупкая, невысокая, несильная женщина. В феврале она казалась похожей на скелет, обтянутый темно-коричневой кожей. К концу месяца совсем ослабела. На заводе таких, как мама, ослабевших, прикрепляли за талию к мостовому крану, и в таком подвешенном состоянии они работали.

Вскоре, в конце февраля, маме приказали собираться в эвакуацию, отпустили с работы, чтобы подготовиться к отъезду. Вместе мы вышли на улицу. Идем по 12-й Красноармейской, а навстречу, как и мы, еле передвигаясь, идет... какой-то пухляк, обвернутый платками. Когда почти поровнялись, я говорю маме: «Это же

наша тетя Тоня!». А мама не узнает ее в этом распухшем сине-зеленом существе с остекленевшим взглядом. Взрослые ленинградцы в блокаду от голода выглядели по-разному, а дети походили на сморщенных старичков. Но эвакуироваться нам не пришлось: мама от этих сборов слегла, стала совсем черной и лежала без движения. Преодолевая страх, я старалась всем своим детским опытом вернуть ее к жизни, плакала, просила не оставлять меня одну, даже молилась, как могла. Но все было напрасно — мама лежала бездыханной. Я поняла, что потеряла ее.

Пошла за помощью. Мне удалось найти трех девушек из МПВО. Они пришли, завернули маму в простыню и так хотели вынести на улицу, чтобы на санках отвезти на Канонерку, куда отвозили всех умерших, и уже оттуда, на грузовиках — на Пискаревку.

Я стала горячо просить девушек укутать маму в ватное одеяло. Они отказывались, а я, плача, убеждала их, что это одеяло — мамин свадебный подарок, которым ей не пришлось ни разу укрыться; что незадолго до начала войны, 17 июня, мама зарегистрировалась с хорошим че-

ловеком, дядей Колей, а 22-го началась война, и он ушел на фронт. Девушки увезли маму в одежде, простыне и ватном одеяле.

Безысходность и страх от сознания, что мамы нет и я осталась одна, поглотили все мое существо. Мне ничего не оставалось, как идти к отцу, который жил на набережной Пряжки, в другой семье. Я пришла, рассказала, как умерла мама, и осталась жить в этой недружелюбной семье...

Наступило лето. И в один из дней начала июня ко мне вдруг пришла... моя живая мама! Я была в шоке, сильно плакала и, не веря своим глазам, все трогала и обнимала ее, свою воскресшую маму.

Видно, так распорядилась судьба, чтобы мама осталась жива. Она рассказала, что когда ее забросили в грузовик, она... застонала, поразив этим всех там находившихся. Маме повезло: в это время рядом оказался какой-то начальник, который сразу же распорядился направить ее в госпиталь. Там ее выходили и в начале июня выписали.

Мама, конечно, заторопилась домой в надежде увидеть меня. Но из дверей на-

шей квартиры вышел военный и заявил, что все бывшие жильцы умерли. Мама, в горе решив, что я мертва, направилась к моему отцу, где и явила мне чудо своего воскрешения из мертвых.

У бедной моей мамы, конечно, не было никаких сил хлопотать о жилье. Нас приютили родственники дяди Коли, на которого, еще до нашего появления у них, уже пришла похоронка...

Так мы промыкались с мамой несколько лет. И только в 1950-х годах маме выделили маленькую комнатку. Умерла мама, не дожив четырех месяцев до своего восьмидесятилетия, в день Скорбящей Божьей Матери.

Это был очень странный, поразительный случай! Видно, Господь не позволил маме оставить меня совсем одну — за сильную любовь мою к ней и такую же ответную ее материнскую любовь.

Царствие небесное тебе, мученица моя мама, и вечная светлая память!

Вечная память всем погибшим в блокаде, а также всем моим товарищам, которые безвременно ушли из жизни в наше тяжелое время!

Воспоминания о блокаде

СУСЛОВА (САЗОНОВА) Галина Ивановна

Когда началась Великая Отечественная война, Галина Сулова жила вместе с мамой Валентиной Николаевной в Ленинграде, в районе Большой Охты на улице Гусева. Озорной, веселой девочке только исполнилось восемь лет. О том страшном времени Галина Ивановна вспоминает с дрожью в голосе. Папа ушел от них еще до войны. Мама работала на заводе мореходных инструментов.

В августе 1941 года немцы подошли к Ленинграду и окружили его плотным кольцом. Город бомбили с воздуха и обстреливали из артиллерийских орудий. Многие дома были разрушены. Сначала Галина Ивановна пряталась в бомбоубежище, потом перестала. Как-то ночью в соседний дом попал фугасный снаряд, все окна выбило. Они с мамой переехали жить на кухню, спали на плите, постелив матрас.

Бабушка Галины Ивановны вместе с младшей дочерью Марусей — родной сестрой Валентины Николаевны была эвакуирована на Урал. Людей, в том числе бежавших из пригородов, переселяли в уцелевшие квартиры. Беженцы появились и в доме Галины Суловой. Они, как и многие ленинградцы, топили буржуйку.

Использовали для этого старые журналы, газеты и, конечно, книги. Почти вся литература, находившаяся в квартире, ушла на растопку «буржуйки». Кроме одного единственного произведения. Перелистывая книгу «Беглец» неизвестного автора Георгия Дедова, Галина Ивановна случайно обнаружила на внутрен-

ней стороне надпись, сделанную красным карандашом: «На долгую память моей единственной дочери Лиде». Ниже стояла дата: 22.11.1941. И подпись: «от отца». Эта книга принадлежала родной тете Галины Ивановны. Она решила, во что бы то ни стало сохранить семейную реликвию как память о тех, кто не пережил блокаду.

В семье Галины Ивановны сначала умерла тетя Таля, потом ее двоюродные сестры Изабелла и Маруся — дочери еще одной маминой сестры Ольги.

*Мы тетю Талю на Охте
в Братских схоронили,
Хоть путь туда труден и далек,
И за это хлебом расплатились —
Отдали свой дневной паек.*

Эти пронзительные строки написала Галина Ивановна Сулова. В них заключена боль, которую не выразить иначе...

Иван Николаевич во время войны

В один из дней мама послала маленькую Гаю выкупить хлеб. У булочной у нее украли карточки: неизвестный человек подбежал и выхватил их у девочки. Галя плакала, кричала, боялась идти домой. Но мама ее успокоила. Они нарвали травы и испекли лепешку.

К женщине, жившей по соседству, с передовой приехал родственник, что-

Валентина Николаевна

бы передать свой паек. Не застав никого в живых, он разделили свой паек между всеми соседями. После чего вернулся на фронт.

В 1942 году Галина Суслова вместе с ребятами из нескольких детских садов была эвакуирована в Алтайский край, где их объединили в один детский дом.

Мама осталась в Ленинграде и продолжала работать на заводе.

В эвакуации Галина Ивановна получила неожиданный подарок. Отец прислал ей кофточку голубого цвета с красивым вырезом. Она носила ее постоянно.

Вернулась в Ленинград только в 1945 году. Интересна судьба книги, которую

Галина Ивановна обнаружила в квартире своей бабушки во время блокады. «Беглец» по-прежнему хранился дома, там, где его оставила испуганная маленькая девочка.

В 1965 году семья Галины Ивановны переехала в новый дом на Пискаревке. Тогда-то и выяснилось, что книга пропала. Вероятно, потерялась при переезде. Шли годы. О ней все забыли.

Галина Ивановна случайно обнаружила книгу, собирая макулатуру для соседской девочки. «Беглец» спокойно лежал среди старых вещей. Галина Ивановна очень обрадовалась неожиданной находке и сразу решила передать ее в музей.

Книга заняла почетное место в военной экспозиции музея «Из истории Калининского района» в Доме детского творчества. Потрепанный, истертый переплет, пожелтевшие, местами вырванные страницы, это произведение так же, как и многие другие вещи, хранящиеся в музее, — символ уходящей эпохи. Эта книга будет напоминать потомкам о нашей общей большой истории — о блокаде.

Папа и Галя до войны

Мои воспоминания о войне

ХАЙТОВ Рафаил Давидович

1 сентября 1939 года я начал учиться в первом классе при пятидневке, мне это очень понравилось. Моей первой учительницей была Анастасия Федоровна.

Отца мобилизовали и отправили в Петропавловскую крепость, где находился штаб его воинской части. Стояла золотая осень. В Александровском парке (Ленина) лежало много желтых листьев. После уроков мы с мамой ходили на свидания к папе. Папа с мамой сидели на скамейке над «гротом», я играл и бегал вокруг. Началась война с Финляндией, отца отправили на фронт.

Пришла зима, были сильные морозы. После уроков я катался в маленьком Михайловском садике на лыжах. На площади стояло много военных грузовиков. За время боевых действий отец дважды приезжал с фронта домой. Первый раз приехал ночью, привез пленных в штаб. Вошел весь обвешанный гранатами, на плече винтовка. В школу я не пошел — надо было все осмотреть, пощупать, покрутить, пощелкать затвором и разобрать (под присмотром отца). Потом он приезжал весной по окончании военных действий — за стеклами для обустройства штаба в Выборге.

Провожали его в крепость, а уже была оттепель. Поэтому ему пришлось идти в «штиблетах», а валенки он нес в руках.

В конце апреля 1940 года отца демобилизовали, а в середине мая мы вместе поехали в Выборг получать правительственную награду, которую ему вручал сам М. И. Калинин.

На Финляндском вокзале было много народа, меня почему-то подавали в вагон через окно. Поезд по финской территории ехал очень медленно.

В городе и на всей оккупированной территории не осталось ни одного финна — все ушли от советского счастья.

Отец с войны привез мне финские трофейные подарки: тетради, карандаши, маленького деревянного бульдога, который хранится до сих пор у Мариночки, и коричневый свитер с молнией.

Учебу в 1941 году я окончил с почетной грамотой.

Помню, как весной 1941 года мы с отцом ездили покупать дрова. Дровяной рынок был под открытым небом. Месторасположение этого рынка я не знаю, но он точно был. Может быть, он размещался на Обводном канале, где после войны

существовала «барохолка», а потом автобусный вокзал.

На дровяном базаре было много народа (продавцов и покупателей). Объем дров замеряли в специальных «козлах», сделанных из круглых, небольшой толщины бревнышек. Перевозили купленные дрова на ручной тележке. Тогда, да и после войны, этот вид транспорта был очень распространен. Сделанный отцом запас дров помог нам пережить суровую блокадную зиму 1941-1942 года.

На летние каникулы меня отправили на хутор в Лаврики. Родители взяли отпуск, и мы радовались погоде, воздуху и всему. Купили двадцать инкубаторских цыплят, которые здорово помогли уже осенью. Отпуск — значит, можно расслабиться. Так оно и было.

22 июня был выходным днем. Мы праздновали день рождения Нади Лемешевой. Взрослые сидели за столом, а мы, дети, играли около дома. Почему-то мы громко распевали куплеты: «Товарищи, внимание! На нас идет Германия — с пушками, с гранатами, с рыжими поросятами». К вечеру кто-то вернулся из города и сказал, что началась война. У всех почернели лица. А я решил, что война началась, потому что мы пели куплеты, и мы в этом виноваты.

Уже рано утром родители уехали в город. Отец обязан был явиться на призывной пункт сразу после объявления войны. Мама поехала его провожать. Призывной пункт находился в институте имени А. И. Герцена.

Настала совсем другая, страшная жизнь. Мы вернулись в город, где начались налеты вражеской авиации и воздушные тревоги. Однажды мы с тетей Ниной поехали на Калининскую базу, где она тогда работала, в трамвае №14. Из-за тревог трамвай часто останавливался, а пассажиров выгоняли в ближайшие подворотни. После одной из таких остановок все вернулись, а кондуктор со страха забралась под сиденье, и ей было никак не выбраться. Теперь даже смешно, а тогда это была трагедия.

Дядя Миша был уже непризывного возраста, ему было больше пятидесяти лет. Его посылали на оборонительные работы. Однажды, когда его отпустили домой, мы пошли в парикмахерскую. Только его начали брить — тревога. Так его, полубритого, и меня отправили в бомбоубежище (то есть в подвал).

Как-то ребята и я во время тревоги забрались на крышу сарая. Наблюдали за воздушным боем нашего самолета с немецким, пока домоуправ не прогнал нас в бомбоубежище.

Ближе к осени шли по Невскому проспекту в магазин. Раздался оглушительный хлопок. Нас с мамой какой-то мужчина затолкал в магазин «ТЭЖЭ», где стоматологическая поликлиника. А оказалось, что у машины лопнула шина! Теперь это смешно.

Осенью в Лавриках убрали урожай овса. Его обмолачивали напротив хутора. Я незаметно таскал в шапке этот овес, и мы подкармливали цыплят.

Блокада

Еще летом, до блокады, мама собиралась отправить меня со школой в тыл, но в последний момент передумала и оставила рядом с собой. Инициатором этой поездки был дядя Вася. Он маме говорил, что она должна поступать как все. Свою любимую Люсю, дочку Анны Ивановны, он не советовал отправлять на погибель. Потом мама радовалась, что не совершила ошибки, так как поезд с детьми фашисты разбомбили около станции «Малая Вишера». Погибло много невинных ребятшек. Накануне перед сном я положил руки за голову, мама поинтересовалась, почему это сын не спит, на что я ответил, как рассказывала мама, что поспать я еще успею, а видится не смогу.

Наутро мама помчалась в школу и сказала, что сын заболел. Директриса ответила, что не сын заболел, а мать, и разрешила поискать вещи, если их уже не увезли на вокзал. Мать схватила вещи, и затем мы отправились в Саблино.

Мама стала брать меня с собой рыть противотанковые рвы в районе станции «Саблино». Ров сооружали вдоль полотна железной дороги Ленинград-Москва. Взрослые работали лопатами, а мы, дети, на носилках вытаскивали грунт на бровку рва. Ночевали мы у тети Ксении — это были очень хорошие люди с маминой родины.

Станцию «Саблино» захватили немцы, а мы, по совету дяди Миши, перед их носом на последнем поезде сбежали в Ленинград.

Еще мама в Шушарах, на окопах, попала под сильный обстрел немцев со стороны Пулковских высот. Солдатик, лежавший рядом с мамой, говорил ей, чтобы она сильнее прижималась к земле, не жалея испачкать пальто, а голову прикрывала лопатой. Спас их незаметно подошедший бронепоезд, из которого выскочили матросы и пошли в контратаку.

8 сентября кольцо блокады сомкнулось. Начались бомбежки. Появились первые разрушения.

Мама брала меня на чердак — помогать тушить зажигалки. На самом деле она не хотела отпускать меня от себя. За всю войну на крышу нашего дома не упала ни одна бомба.

Непрерывные бомбежки изматывали все силы не только у взрослых, но и у детей. Мы пробовали прятаться в бомбоубежище (подвале), на лестничной клетке, вообще ни куда не ходить. Так, однажды ночью мы не пошли прятаться. Бомбежка была очень сильной, бомбы разрывались, где-то рядом. Мама испугалась, укрыла меня подушкой. После этого опять стали спускаться в убежище, но потом перестали.

По радио в вечернее время транслировалась передача «Враг у ворот Ленинграда». В ней часто рассказывали о немецких шпионах, лазутчиках. Они передавали фашистским летчикам координаты целей. Например, при полном затемнении в городе, они открывали освещенные окна. Название этого сюжета на радио было «Три окна».

Фашисты часто разбрасывали листовки. Одну я подобрал. В ней говорилось: «Ленинградские дамочки! Не ройте ваши ямочки, пройдут наши таночки — заруют ваши ямочки». У меня отобрали эту листовку и запретили брать в руки подобную гадость.

От постоянных бомбежек и обстрелов гибли в основном мирные жители города.

Первый обстрел застал нас с мамой у Гостиного двора на углу улицы Ломоносова и Перинной линии. Мы не могли понять, что происходит. Тревоги не объявляли, а по небу проносится душераздирающий свист, за которым следует взрыв. Оказалось, что немцы начали обстреливать город из дальнобойных орудий. Я только в 2008 году узнал, что писать в письмах о бомбежках и обстрелах запрещалось. Цензура все вычеркивала.

Фашисты нещадно бомбили и обстреливали город, не жалея его исторических ценностей. Бомбы сыпались рядом с нашим домом, вероятно, еще и потому, что в Европейской гостинице находился госпиталь.

Мне запомнился навсегда день, когда бомба попала в инженерно-финансовый институт. Это случилось днем. Дома (в квартире) находились мама, тетя Нина и я. Сначала вроде бы все стихло. Даже не слышно зениток. И вдруг — нарастающий над головой свист, затем душераздирающий вой и оглушительный взрыв. Хотелось спрятаться в самую маленькую щель. Дыханье и то приостановилось. Мебель

закачалась, наклонился стол, за которым мы сидели, и все оказались на полу. Стало страшно, мы побежали в убежище, но угроза уже миновала.

Наступила зима. Правда, у нас были дрова, которые мы с папой покупали еще весной, до войны. Отключили электричество, встали трамваи и троллейбусы. Пришлось жечь коптилку.

Последний нормальный паек по карточкам мы получили к 7 ноября. Я запомнил, что в пайке был американский шоколад батончиками.

И всё. После этого паек сократили. Начался голод. На детские (иждивенческие) карточки выдавали всего по 125 граммов хлеба.

Голод продолжался практически всю войну. Самое страшное в блокадном городе — постоянно хочется кушать, других мыслей просто нет. Об этом и вспоминать страшно.

Эвакуация

Вывозил нас с мамой из блокадного города Костя Акимов (сын тети Ксении) под видом своей семьи. Незадолго до войны он познакомил меня со своей будущей женой Тамарой. Мы с ним ходили на свидание, и я держал все в секрете. Где-то в центре города нас ждал автобус, но мотор было не завести. Пассажиры толкнули и я тоже, и мотор завелся. Улетали мы из блокадного Ленинграда с аэродрома «Ржев-ка» на «Дугласах» в сопровождении истребителей. Нам пришлось ждать прилета транспортной эскадрильи около суток.

Прилетели не все — один самолет был сбит фашистами. Во время полета над Ладогой завязался бой. Стрелок-радист крутился на турели волчком. Нас сопровождали истребители, они и разогнали фашистов. Прилетели в Лодейное Поле. С аэродрома нас повезли на полуторках по изрытой бомбами дороге в поселок. В большой избе первым делом накормили гороховым супом и дали хлеба в дорогу. Там скопилось много блокадников, все ждали эшелон, а он не мог подойти из-за сильных бомбежек. Наконец, подали пульманы, команда «срочная погрузка», и мы поехали. Я был очень удивлен, когда увидел горящие на платформах фонари. Мне казалось, что вся страна в затемнении.

В Челябинске нам пришлось сделать пересадку, так как эшелон прибыл

к месту назначения. Долго слонялись по вокзалу, кругом полно беженцев, негде встать, не только сесть. Много больных тифом. Каким-то образом, маме удалось найти эшелон, следующий до Чкалова. Через десятки подъездных путей добрались, я, конечно, по дороге упал и не сразу смог подняться с рюкзаком за плечами. Нас приняли хорошо, но в дороге маме ошпарило кипятком обе ноги, еле добрались до Чкалова — помог сосед по вагону. Он еще вырезал из дерева самолетики и дарил их мне.

Приютил нас Виктор Николаевич Смирнов, брат Михаила Николаевича, мужа маминой сестры тети Мани (Марии Алексеевны). Там мы встретились с отцом, он приехал из госпиталя.

Весной 1944 года получили вызов возвращаться в Ленинград, а отец сильно заболел, и врачи не знали от чего и чем его лечить. Удалось выехать только в августе. Из Москвы в Ленинград поезд ехал очень медленно. Рельсы еще только восстанавливали.

Уже на Московском вокзале пахло Ленинградом, морем. Перед нами предстал разрушенный город.

В городе было много моряков. Я проходил мимо и любовался ими.

1 сентября 1944 года пошел в школу №222 (бывшая гимназия Peterschule) на улице Софьи Перовской (теперь опять Малая Конюшенная). Классным руководителем и учителем математики была Елизавета Моисеевна. По-моему, мы обоюдно не очень любили друг друга.

Школа №222, 7-й класс. 1945-1946 гг.

Она советовала маме отдать меня учиться в ПТУ. А мама хотела, чтобы я стал инженером. Как хотела мама, так и получилось.

После войны в городе осталось много пленных немцев. Они восстанавливали ими же разрушенное, строили новое и, конечно, голодали. Чтобы выжить и вернуться в Германию, они меняли всякое барахло на хлеб. Так у меня появился боевой нож из хорошей стали, мама его выбросила — как холодное оружие. Был у меня и цейсовский бинокль, который мы с Матвеем Гуревичем разобрали, а собрать не смогли.

В Новый, 1945-й, год тетя Маня пригласила меня на конфетную фабрику имени Микояна, где она проработала всю жизнь, на елку. Позвала к себе в отдел

и угощала шоколадом, конфетами «Чернослив в шоколаде», «Мишка на севере» и другими. В подарок всем дали пакет с пирожными и конфетами.

День Победы я провел на Невском, у Гостиного двора. Откуда-то появилось много народа, все кричали: «Ура, Победа!», — обнимались, плакали, целовались. По небу летали самолеты и разбрасывали листовки. Мы всей семьей пошли гулять. На углу Невского и Садовой у Публичной библиотеки продавали мороженое. Мне купили большой брикет за пятьдесят рублей.

Я тоже радовался вместе со всеми, а к вечеру загрустил. Понял, наконец, что на фронт уже не сбежать и повоювать мне не придется. Война закончилась без моего участия.

Мы выжили благодаря твердости характера нашей бабушки

ЯСТРЕБОВА Евгения Викторовна

Когда началась война, мне было четыре года. Мы жили на Петроградской стороне, на улице Полозова. Сначала я не воспринимала войну как взрослые, но когда начались бомбежки и мы убегали в бомбоубежище, поняла страх, а вскоре пришел и голод. Папа работал водителем на заводе «Арсенал», потом его отправили на фронт. Мама

работала на Лиговском проспекте, и когда перестал ходить транспорт, она уходила рано утром, а возвращалась поздно ночью. Ее часто посылали с работы копать за городом траншеи. Брату было 13 лет, и его взяли в ремесленное училище, там он питался по своей продуктовой карточке. Дома вели хозяйство бабушка и моя сестра десяти лет. Зима 1942 года была очень тяжелой, мы перестали бегать в бомбоубежище. Папа перед уходом на фронт раздобыл печку-буржуйку, и она нас немного спасала от лютого мороза.

Мама с братом иногда ходили на Серафимовское кладбище и приносили сломанные кресты и сушняк на растопку. Были сожжены книги, картины и лишние стулья. Еще хуже обстояло дело с во-

дой, так как водопровод не работал. Брат и сестра ходили с саночками с пятилитровым бидоном на Неву со стороны Барочной улицы. Там был крутой спуск по обледенелой лестнице к проруби. Сестра с санками и бидоном стояла наверху, а брат с маленьким бидоном спускался вниз и, лежа на животе, черпал кружкой воду и так несколько раз поднимался

к сестре и переливал воду в большой бидон. Потом как-то брат обнаружил рядом на улице Калинина очередь за водой, которая вяло текла из какой-то трубы на уровне земли и ее черпали кружечкой.

У бабушки очень болели ноги, и отovarивать карточки ходили тоже брат и сестра. Иногда им приходилось стоять в очереди всю ночь. Чтобы не замерзнуть, люди по очереди ходили домой греться, а чтобы знать, кто за кем стоит, спрашивали имя и отчество.

Я в эту зиму совсем ослабла, все время спала и даже перестала просить есть. Бабушка что-то вливала мне в рот. Иногда она подносила к моему рту зеркало, чтобы проверить, дышу я или уже умерла. Как-то бабушка у себя в тумбочке на-

шла пачку забытого желатина. Она его сварила с лавровым листом и перцем, как студень, — это было лакомство. Еще бабушка как-то сварила столярный клей, и они с мамой стали его есть, а брат и сестра стояли и плакали, просили, чтобы они его не ели, а то умрут. Как-то раз мама едва пришла домой, город не убирался, встречались трупы, занесенные снегом, и, если упадешь, то сил подняться уже нет. Когда она вошла, брат и сестра ее ждали — волновались, а она сказала: «Хоть бы вы умерли, чтобы не видеть ваших голодных глаз». Бабушка ее отругала: «На все воля Божья!» Она была очень верующая и все время читала молитвы.

Но вот пришла спасительная весна. Сестра с бабушкой стали собирать лебеду и крапивы. Брат где-то ловил рыбную мелочь. Все это было нашим под-

спорьем. Санбригады убирали по городу покойников, которых хоронили в братских могилах. Я чудом выжила и стала выходить на солнышко погреться около дома. Однажды я увидела около школы, которая была рядом с нашим домом, грузовую машину, нагруженную покойниками. Бабушка объяснила мне, что это беженцы, которые временно жили в школе. Мы все выжили благодаря твердости характера нашей бабушки. Она строго делила паек, полученный по карточкам, кое-какие вещи меняла на еду. В войну мы все выжили, а вот бабушка прожила в мирное уже время только три года, у нее обнаружили рак пищевода, и она умерла голодной смертью из-за непроходимости пищевода. От этой болезни умерла и мама в 52 года — это все следствие пережитой блокады.

* * *

*Есть такое в ленинградцах
И чему они верны —
В чем никак не разобратся
Никому со стороны.*

*Не в удаче, не в богатстве,
Не в упрямстве даже суть —
А в особом нашем братстве
Над Невой, не где-нибудь!*

*И в бою, и в непогоду,
Среди самых злых забот —
Ленинградская порода
Никогда не пропадет!*

Николай Тихонов

ЯЦКЕВИЧ Елена Яковлевна

Когда началась Великая Отечественная война, мне было пять лет. Я находилась в Гатчине (тогда Урицк), куда выехал на летний отдых наш детский садик.

Помню, как мама приехала за мной, мы гуляли и вдруг все стали смотреть на небо. Там летали самолеты очень низко. Мы еще не знали, что они были немецкими.

Мы жили в общежитии завода «Красный выборжец», где работал мой папа, на Бестужевской улице. Папу оставили работать на фронт, ему дали бронь.

Осенью он ходил на картофельные поля подсобного хозяйства завода и перекапывал землю, чтобы найти несколько картофелин. Мне давали есть картошку, а сами родители ели очистки. Я съев свою порцию еще просила у них очистки. Мы также ели дуранду, а весной и летом собирали лебеду и варили щи. Было очень вкусно.

В начале февраля 1942 года, нам по карточкам выдали продукты, там было и мясо. Папа его жарил, но, видно, он съел кусочек плохо прожаренного, вскоре у него начался кровавый понос и через два дня он умер. Это было 27 февраля 1942 года. Мама зашила его в простыню, и мы на саночках повезли его на Богословское кладбище и там похоронили.

Немецкие самолеты всегда летали низко, а летчики в шлемах и больших очках все время смотрели вниз, словно что-то выискивали.

Однажды мамина сестра позвала маму к себе. Ей было страшно — у нее умерли муж и сын. Когда мама захотела уйти к себе домой, тетя Вера очень просила ее не уходить, и мама осталась у нее ночевать.

Утром, когда она пришла домой, увидела, что в комнате все разбито. Оказалось, что ночью в комнату попал снаряд — и прямо туда, где стояла кровать. А я в эту ночь ночевала в детском садике. Мы обе остались живы.

Помню, как мы с мамой пошли в поликлинику на улице Ватутина. Это было в мае, шли пешком и увидели на углу Кондратьевского и Полюстровского проспектов в садике сидела женщина и на коленях держала половину буханки хлеба. Мама отдала ей свое крепдешинное платье, а она нам — хлеб. Пока мы дошли до поликлиники, то весь его съели.

Так как у нас жилье было разбито, то нам дали комнату в доме на углу Кондратьевского и Металлистов.

Как-то ночью начался обстрел. Мы с мамой надели что попало и побежали в бомбоубежище. С потолка падала штукатурка, рвались снаряды и нас чуть не засыпало, но мы успели спуститься в укрытие. Потом в наш дом все-таки попал снаряд. По счастливой случайности в это время нас не было дома.

В 1943 году нам дали комнату в корпусах №40 по Кондратьевскому проспекту, где мы и дожили с мамой до Победы.

Содержание

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Депутаты муниципального образования, коллектив Муниципального Образования МО Пискаревка, Совет ветеранов войны и труда МО Пискаревка.	3
Макаров Вячеслав Серафимович, председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга, секретарь Санкт-Петербургского регионального отделения партии «Единая Россия»	5
Цена Ленинградской победы. <i>Ю. И. Колосов</i>	7
Из отчета Городского управления предприятиями коммунального обслуживания по работе за год войны с июня 1941-го по июнь 1942 года. Раздел «Похоронное дело»	21
Седьмая симфония Дмитрия Дмитриевича Шостаковича <i>А. А. Самохвалова</i>	49
И между строчек синий платочек снова встает предо мной <i>Ю. Кантор</i>	65
Радио блокадного Ленинграда. <i>Ю. О. Радкевич, А. И. Рубашкин</i>	69
Диктор блокадного радио Мария Григорьевна Петрова. <i>Ю. О. Радкевич, А. И. Рубашкин</i>	86
«Никто не забыт и ничто не забыто...» Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в годы Великой Отечественной войны. <i>И. С. Зверева, М. Ю. Матвеев</i>	89
ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» в годы Великой Отечественной войны	98
Футбол в блокадном кольце. <i>Е. Липатова</i>	108

ИЗ АРХИВА ПИСКАРЁВСКОГО МЕМОРИАЛЬНОГО КЛАДБИЩА

Данилов Иван Иванович. Блокада Ленинграда глазами очевидца	113
Иванова (Дорофеева) Вера Михайловна. Воспоминания о блокаде	120
Климонтович Татьяна Владимировна. Блокада испытывала жителей города	121
Кудряшов Юрий Анатольевич. Жил-был такой парень... <i>Н. Кудряшов</i>	128
Никонов Анатолий Михайлович. Война, блокада, Пискаревское кладбище	131
Храмов Алексей Семенович. Рядовой труженник войны	136
Шуленова-Кулакова Нина Константиновна. Мы все светло верили в победу	137
Чикина Нина Ивановна. Блокадная жизнь нашей семьи	138

ВСПОМИНАЮТ ВЕТЕРАНЫ

Алтухова Валентина Михайловна. Мое блокадное детство.	171
Бочарова Нина Георгиевна. Что я помню о блокаде	176

Виноградова (Еренева) Людмила Федоровна. Детский сад стал для меня вторым домом	177
Гордиенко Евгений Андреевич. В оккупации	179
Григорьян София Фасьяковна. Наши отцы беззаветно служили своей стране	185
Данциг (Чернышёва) Надежда Григорьевна. Воспоминания о блокаде	187
Доброва Елизавета Алексеевна. Мы выстояли всем смертям назло	189
Дроздова Екатерина Васильевна. Мы жили недалеко от Прохоровки	191
Евпятьев Олег Павлович. Что я помню о войне и блокаде	194
Еленевская (Дюканова) Тамара Григорьевна. В блокаду люди были голодные, но добрые	196
Исаева Наталия Федоровна. Наша семья и блокада	197
Качанова Валентина Сергеевна. Я была в оккупации	200
Кашкина (Фетисова) Тамара Васильевна. Еще раз о пережитом	203
Максимов Александр Иванович. Записки блокадного времени	208
Максимов Тимофей Семенович. Награда находит героя. <i>Н. И. Дворцова</i>	213
Малеев Николай Иванович. За Волгой для нас земли нет!	215
Мышко Борис Минович. Войну мы пережили в Белоруссии	217
Никитина Людмила Павловна. Наша семья в годы войны	218
Павлова-Гурецкая Тамара Станиславовна. Детские воспоминания о войне	221
Песков Иван Иванович. Как пришлось воевать	224
Петрова Елена Михайловна. Я жила в бомбоубежище под Эрмитажем	225
Самохвалова Анастасия Семеновна. Блокадные зарисовки	235
Семенова Нина Лукинична. Никто не думал, что нас ждет такое испытание	238
Старостина Зинаида Алексеевна. Воскрешая из мертвых	239
Суслова (Сазонова) Галина Ивановна. Воспоминания о блокаде	242
Хайтов Рафаил Давидович. Мои воспоминания о войне	245
Ястребова Евгения Викторовна. Мы выжили благодаря твердости характера нашей бабушки	251
Яцкевич Елена Яковлевна. Калининский район — моя малая Родина	253

**Внутригородское муниципальное образование
Муниципальный округ Пискаревка
Санкт-Петербург**

Инициатива издания:
муниципальный совет муниципального образования МО Пискаревка

Автор концепции и руководитель проекта:
В. В. Сергеева

Ответственный редактор:
А. А. Самохвалова, А. В. Мигунова

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций:
Е. С. Липатова

Корректор
Ж. А. Мозговая

Формат 60x90 ¹/₈. Печать офсетная. Гарнитура Petersburg.
Бумага мелованная 170 г/м². Заказ № . Тираж 1000 экз.

